

ДАВИД САСУНСКИЙ

СОВРЕМЕННОСТЬ
СОВЕТСКАЯ

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

Ф. Я. Прийма (главный редактор),

*Н. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
М. К. Каноат, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, А. А. Михайлов,
Д. М. Мулдагалиев, С. А. Рустам, А. А. Сурков, М. Танк,
В. Д. Федоров, М. Б. Храпченко*

Большая серия

Второе издание

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ь

«ДАВИД САСУНСКИЙ»

АРМЯНСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

*Вступительная статья,
примечания
Л. Мкртчяна*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1982

Героический эпос армянского народа «Давид Сасунский» формировался в VIII—IX веках, в период, когда в борьбе с могущественным арабским халифатом армянский народ отстаивал свою независимость.

Честь открытия эпоса принадлежит армянскому ученому-фольклористу Гарегину Срвандзяну, опубликовавшему в 1874 году один из вариантов этого замечательного памятника национальной культуры, обогащавшегося на протяжении многих веков новыми яркими эпизодами жизни и борьбы армянского народа.

Герои эпоса — великодушные, мужественные, благородные, смелые борцы, всей своей жизнью они утверждают справедливость, высокие человеческие идеалы. «Давид Сасунский» — энциклопедия быта, нравов, мировоззрения народа, глубоко отражающая его представления о природе, любви, нравственности. Язык и стиль эпоса отличаются образностью, прямотой и меткостью, яркими и живыми характеристиками действующих лиц.

В настоящем издании эпос представлен в переводе на русский язык, выполненном известными мастерами стихотворного перевода; текст сопровождается детальным комментарием.



ГЕРОИКО-ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ЭПОС АРМЯНСКОГО НАРОДА

Армянский героический эпос, имеющий тысячелетнюю историю и известный под названием «Давид Сасунский», впервые записал в 1873 году Гарегин Срвандзян.¹ С тех пор армянскими учеными было собрано множество вариантов, наиболее ценные из которых (около 70) изданы.

Первые сасунские богатыри, герои эпоса, Санасар и Багдасар рождены от моря, поэтому и крепость они заложили у воды, называемой водою всесильных:

Кто дом свой построит у этой воды,
Тот сам будет сильным, сильнее других,
И сын его будет силен.
И сын ему сильного внука родит,
И внук будет сильных иметь сыновей.²

Водная стихия в мифологиях многих народов знаменует собою зарождение жизни. Последний богатырь из рода Санасара Мгер Младший запирается в скале и ждет своего часа, так как земля стала лживой, она не носит, не держит Мгера:

Пока этот мир полон зла,
Пока будет лжива земля,
На свете мне — не жить.

¹ Давид Сасунский, или Дверь Мгера. Сказитель Крпо из Тарона, записал в 1873 году Гарегин Срвандзян. — В кн.: «Гроц-Броц и „Давид Сасунский, или Дверь Мгера“», Константинополь, 1874.

² Сводный текст эпоса «Давид Сасунский» цитируется по переводу В. Державина, А. Кочеткова, К. Липскерова и С. Шервинского. Если же эпос цитируется непосредственно по текстам сказителей, то всюду перевод Л. Мкртчяна.

Род сасунских богатырей как бы проходит весь круг жизни от ее зарождения из воды и до ее конца — каменного заточения, предвещающего, однако, рождение нового мира без войн и кровопролитий, мира справедливого и созидающего:

Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда будет пшеница как лесной орех,
Как шиповника ягода будет ячмень,
Тогда придет мой день...

Масштабен, грандиозен разлад народа с действительностью — «когда разрушится мир...». Грандиозна и мечта о вновь воздвигнутом справедливом мире.

Когда в 1939 году праздновали тысячелетие эпоса «Давид Сасунский», много писали о том, что настал наконец день Мгера. Напрашивалась параллель — народный эпос с его идеей-мечтой переписать мир и мир, уже разрушенный и воздвигаемый вновь.

Так само время высвечивало из глубин тысячелетия финальную сцену, финальную формулу («Когда разрушится мир и воздвигнется вновь...»), венчающую все многообразие идей и мотивов эпоса.

Армянский эпос воспевает борьбу народа с чужеземным игом. Как жемчужина в раковине, вызревала в нем выстраданная идея о мире без войн и насилий: «Доколь вы живы — не знайте войны!» Это слова Давида из Сасуна, именем которого назван эпос.

* * *

Возраст народного эпоса невозможно определить с точностью до одного столетия, тем более — одного года. И в этом смысле 1939 год (тысячелетие «Давида Сасунского») — дата условная.

Еще в V веке обратил внимание на армянские мифы и эпические сказания историк и писатель Мовсес Хоренаци. Он писал историю Армении и начинал ее с самого начала, а в начале были мифы, были сказания. «И это известно всем, — сетовал Хоренаци, — как трудно и тягостно составить хронику для определения времени от самого начала до нас... И это тем более, что Божественное писание, отделив свой собственный народ, отвергло историю прочих народов».¹

Хоренаци обращался к мифам и сказаниям отчасти по настоянию заказчика рукописи Саака Багратуни. «И что за страсть у тебя, — укоряет его Хоренаци, — к нелепым и чудовищным легендам о Бюраспе Аждахаке, и зачем заставляешь ты нас повторять нескладные, бессвязные и, более того, бессмысленные сказания персов о первом недобром

¹ «История Армении» Моисея Хоренского, перевод Н. О. Эмина, М., 1893, с. 7—8. (Перевод сверен с оригиналом и исправлен Л. Мкртчяном и А. Мадояном.)

благодеянии Бюраспа, о служении ему дэвов, о неумении сорвать совращенного и лживого, о целовании плеч, из которых рождаются драконы...»¹

Воспринимая народное творчество критически, Хоренаци видел в мифах аллегорическое отражение действительности и стремился отдельить факт от вымысла. А между тем в мифе и в эпосе — все факт, все истина. «Когда человек создает миф, что туча есть гора, солнце — колесо, гром — стук колесницы или рев быка, завывание ветра — вой собаки и проч., то другое объяснение этих явлений для него не существует».² Как историк, Хоренаци «разоблачает» миф, поэтому в его изложении мифические и эпические герои армянского фольклора обединены, обесцвечены. Вот, например, как излагает Хоренаци сказание о мифическом исполине Торке Ангехе: «Впрочем, если желаешь, расскажу тебе о нем невероятные и нелепые сказки, какие персы рассказывают о Ростоме Сагчике,³ уверяя, что он обладал силою ста двадцати слонов. Слова Песни о силе и неустрешимости Торка до того нескладны, что с трудом решишься приписать их Самсону, или Гераклу, или даже Сагчику. Пели про него: «Возьмется, бывало, руками за гранитные, без трещины, скалы, отломит от них, по желанию, большие или малые куски; примется сглаживать их ногтями и образует из них плиты, на которых ногтями же изобразит орлов и тому подобное». Пели про него также, что близ береговPontийского моря, встретив неприятельские корабли, бросился за ними. Но корабли успели отплыть в открытое море на расстояние восьми стадий, и Торк не поспел за ними. «Тогда он, поется в Песне, схватывает скалы величиною с холм и кидает им вслед. От сильного расступления вод потонуло немало кораблей, и волны, поднявшиеся от всколыхания вод, разогнали оставшиеся корабли на многие мили».⁴ Уж не слишком ли это? Ну, зато сказка хоть куда! Да что тебе за дело. Верно одно: Торк обладал чудовищною силой и недаром сложены про него подобные сказания».⁵

По этой пространной выписке видно, что, несмотря на столь критическое отношение Хоренаци к мифам и древнейшим эпическим сказаниям, все-таки именно благодаря ему мы можем сейчас составить представление о самих мифах и сказаниях. Впервые об этом написал

¹ Там же, с. 48.

² А. А. Потебня, Эстетика и поэтика, М., 1976, с. 434. Здесь же Потебня замечает: «...Чем мифичнее мышление, тем более оно представляется источником познания. В этом последнем смысле мышление чем первообразнее, тем более априорно» (с. 418).

³ Ростом Сагчик — герой персидского фольклора, позже, в XI веке, воспет в «Шахнаме» Фирдоуси.

⁴ Переводчик М. Хоренаци Н. Эмин указал на сходство подвига Торка Ангеха — преследователя кораблей с «подвигом» гомеровского Полифема («Одиссея») («История Армении» Моисея Хоренского, с. 246, примечания).

⁵ «История Армении» Моисея Хоренского, с. 59.

в 1850 году Никита Эмин.¹ Затем Г. Халатянц и в особенности М. Абелян (с привлечением текстов и трудов других средневековых историков) писали о древнейшем армянском эпосе.² В исследовании «Армянская эпическая словесность» Абелян предлагает следующую периодизацию: мифы; Випасанк, т. е. древний эпос; эпос «Персидская война»; эпос «Таронская война». И только пятый, последний период народной словесности составляет, по Абеляну, «Сасна Црер», или «Давид Сасунский».³

Абелян исходил из того, что эпос — это «историческое стихотворение».⁴ Соответственно он относил эпос «Випасанк» ко II веку до н. э. — II веку н. э., «Персидскую войну» — к III—IV векам, «Таронскую войну» — к V—VII векам, эпос «Давид Сасунский» — к VIII—XIII векам. Исследователь брал за основу исторические события и на эту нить нанизывал легенды, сказания, эпические песни, реконструируя таким образом (в основном по письменным источникам) целое — «Випасанк», «Персидскую войну», «Таронскую войну». Абелян собрал и систематизировал огромный материал, ценность которого несомненна, хотя столь прямое соотнесение народных мифов, сказаний, эпических песен с историческими событиями и лицами было неправомерно.

* * *

Известно, что историческое ядро «Давида Сасунского» — борьба армянского народа против иноземного ига, арабского халифата. В 640 году арабы вторглись в Армению и захватили столицу — город Двин. Страна оказалась ареной борьбы арабского халифата и Византии. В VIII веке Армения окончательно была завоевана халифатом и вплоть до середины IX века при Омейядах и Аббасидах входила в состав халифата. Земля была вконец разорена, разграблена. Уже в начале VIII века (703 год) народ восстал. Восстал народ и в середине века (747—750 годы). И еще одно восстание вспыхнуло в 774—775 годах.⁵ Армяне, как пишет историк VIII века Гевонд, «доведенные до

¹ Эпические песни древней Армении. Исследование Н. Эмина, М., 1850 (на древнеарм. яз.).

² Г. Халатянц, Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского, чч. I, II, М., 1896; Манук Абелян, Труды, т. I, Ереван, 1966 (на арм. яз.).

³ Записи вариантов эпоса о сасунских богатырях изданы на армянском языке под общим заглавием «Сасна Црер». Заголовок, к сожалению, непереводим. Црер (по другой транскрипции: црер, цырер) — это и сасунские храбрецы-безумцы, и удальцы, и чудаки. Есть в этом слове и специфическое, фольклорное значение слова «дурачок». «Дурачок» удачив, и он может то, что не под силу «умникам».

⁴ Манук Абелян, Труды, т. I, с. 94. См. также: М. Абелян, История древнеармянской литературы, Ереван, 1975, с. 30.

⁵ Подробнее см.: А. Н. Тер-Гевондян, Армения и арабский халифат, Ереван, 1977.

крайности этими бедствиями (все усиливающимся гнетом. — Л. М.), решились на отчаянное средство и предприняли то, чего не в силах были исполнить по причине своей малочисленности. Предпочитая смерть храброго жизни в постоянной опасности, они замыслили восстание...»¹ Расправа была кровавой. «Земли недоставало на погребение несчастных трупов», — свидетельствует Гевонд.²

Несмотря на жесточайший гнет поработителей-захватчиков и вследствие его освободительная борьба в Армении не прекращалась. В середине IX века, в 850—852 годах, народ снова взялся за оружие. Многое значило участие в этом восстании горцев Сасуна и Хута. Именно они убили кровожадного и вероломного правителя Юсуфа (Йусуфа) и истребили его воинов-карательей.

Роль сасунцев в борьбе с халифатом не ограничивалась, разумеется, восстанием IX века. А. Тер-Гевондян со ссылками на сирийский первоисточник VIII века написал об освободительной борьбе «жителей гор» (так называли сасунцев) 749—752 годов.³ Это было, по существу, продолжением восстания 747—750 годов. Восстание перекинулось в неприступные горы Сасуна. И сами сасунцы были могучи, как горы. Людям, живущим в горах, горы всегда были опорой: природа во многом формирует национальный характер, национальное мировосприятие.

Мы были мирны, как наши горы,
Вы налетели дико, как смерч.
Мы встали против вас, как наши горы,
Вы взывали дико, как смерч.
Но мы вечны, как наши горы,
Сгинете вы дико, как смерч, —

пишет современный поэт Ованес Шираз (перевод подстрочный).

Есть в самом эпосе стихи о неприступности Сасуна — страны гор и исполинов.

Я думал — Сасун гладким полем лежит,
Не думал, что он из утесов сбит.
Там грудной младенец дэвом глядит,
Там и трава людей язвит,
Там меч, как молния, разит, —

оправдывается побитый Давидом, изгнанный из Сасуна Козбадин, сборщик налогов.

¹ История халифов варданита Гевонда, писателя VIII века. Перевод с армянского, СПб., 1862, с. 96.

² Там же, с. 105.

³ А. Н. Тер-Гевондян, Неизвестное восстание в Сасуне в 749—752 годах против халифата. — Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР, 1971, № 3, с. 196—202 (на арм. яз.).

В восстании 749—752 годов «жители гор», судя по источникам, не раз и не два были чужеземцев, пришедших к ним с войной, дабы поработить их дом, их землю. И кто знает, может быть, это восстание стало первопричиной создания, первоосновой эпоса о героических действиях сасунских богатырей. Эпос, должно быть, сформировался в своих основных чертах не после IX века, не после того как была завоевана свобода, а в годы борьбы с халифатом, в VIII—IX веках, хотя и в века предшествующие, и в века последующие эта тема — освободительная война — была для Армении злободневна.

* * *

Датируя эпос VIII—IX веками, нельзя в то же время не обнаружить в тексте, в его многочисленных вариантах, записанных во второй половине XIX—XX веков, явных примет как более ранних, так и более поздних времен. Например, образ Мгера Младшего восходит к древнейшим армянским мифам, а упоминание Пап-френка (Папа римский) из третьей ветви эпоса — отголосок крестовых походов.

Кроме того, когда в XII и начале XIII века египетские правители из династии Айюбидов вели по отношению к Армении в целом и Сасуну в частности политику враждебную, завоевательную, то народные певцы в соответствии со «злобой дня» распространяли собирательный образ врагов армянской земли — арабских халифов VIII—IX веков — и на египетских правителей, окрестив героя, противостоящего Давиду, Мсра-меликом, т. е. меликом из Мсыра, Египта. Чтобы совместить образы новых врагов Армении с образом в основных чертах уже сложившегося эпического персонажа-врага, народным певцам ничего не надо было придумывать. Мелик — это тот же халиф, преследующий армян и христианскую веру. По эпосу, халиф и мелик — синонимы, понятия взаимозаменяемые.

Если сравнить эпос с деревом, то корни этого дерева, выросшего и окрепшего в VIII—IX веках, уходят в глубь времен, в мифологию и языческий эпос армянского народа, а на кроне дерева вплоть до позднего средневековья появляются новые ответвления, новые исторические «подробности». Думается, неплодотворно поэтому определять временные рамки каждой ветви эпоса в отдельности, относить к VIII—IX векам лишь серединные ветви эпоса — о Мгере Старшем и Давиде Сасунском, а первую ветвь — о Санасаре и Багдасаре и последнюю — о Мгере Младшем возводить ко временам двух-трехтысячелетней давности.

В «Давиде Сасунском» жизнь народа, измеряемую не одним тысячелетием, народные певцы-гусаны сфокусировали, свели к определенному эпизоду (сюжету), обеспечивающему контрастность и стремительность повествования. А временные рамки если эпос и обозначает, то делает это по-своему. Народный эпос имеет свои законы. От-

талкиваясь от определенных событий и определенных лиц, эпос затем «заметает следы», обобщает длительный период народной истории в эпизодах и лицах, художественно переосмысленных с точки зрения этой истории (по крайней мере, в пределах многих веков, даже целой эры) и уже поэтому не соотносимых с известными историческими событиями и лицами.

Народный эпос, как правило, много старше времени своего формирования. Говоря о возрасте эпоса, нельзя целиком полагаться на время, когда он сложился как целое. Поэтому В. Я. Пропп полемизирует с учеными, которые относят возникновение русского эпоса к X—XII векам на том основании, что «народ в былинах хочет изобразить текущую политическую историю».¹ Тогда как, по замечанию Проппа, «число догосударственных сюжетов в русском эпосе чрезвычайно велико — больше, чем может показаться на первый взгляд. Сюжеты, в которых герой встречается с каким-нибудь чудовищем (Змей Тугарин, Идолище и др.) или отправляется сватать невесту и иногда бьется с чудовищным противником (Потык, Иван Годинович), сюжеты, в которых он попадает в условия неземного мира (Садко в подводном царстве), сюжеты, в которых действуют женщины типа амazonок, с которыми герой вступает в связь или на которых он женится (бой отца с сыном), и некоторые другие не могли быть созданы или выдуманы в условиях государственного быта. В Киевской Руси не мог возникнуть сюжет змееборства, это невозможно исторически. Все названные сюжеты созданы раньше, и все они документально могут быть засвидетельствованы в эпосе народов СССР».²

С этой точки зрения древность в «Давиде Сасунском» весомее средних веков, времени, когда эпос сложился. Ранние, архаические формы армянских мифов и эпических сказаний были позднее осмыслены как действия сасунских богатырей.

* * *

В конце XIX века и вплоть до 30-х годов нынешнего столетия много писали об исторических прототипах армянского героического эпоса. Писали, в частности, что Давид — это Давид Багратуни, сын сасунского князя Баграта, Ован-Горлан — один из предводителей восстания сасунцев Ован, дядя Торос — князь Теодорос Рштуни, сборщик налогов Козбадин — амидский царь Бад, а Чымшик-султан, вовсе курьезно, — византийский император Иоанн Цимисхийский.

Собранный материал любопытен, и только. Крайние точки зрения за героев эпоса и их прототипов, высказанные Б. Халатянцем и

¹ В. Я. Пропп, Фольклор и действительность, М., 1976, с. 125.

² Там же, с. 123.

Ст. Канаяном,¹ были отвергнуты Мануком Абеляном, хотя сам Абелян полагал, что правомерно соотносить некоторых героев эпоса (Давида, дядю Тороса, Ована-Горлана) с определенными историческими лицами — сасунцами VIII—Х веков.² Но уже Ованес Туманян говорил о том, что подобный взгляд на эпос ошибочен и приводит исследователей к ложным выводам.³ Позже Иосиф Орбели в своих статьях 1939 года, а затем в книге о «Давиде Сасунском» писал: «Все эти попытки «исторического» толкования эпоса упускали из виду его подлинно историческую ценность, как документа истории культурной, не гражданской, не политической... Упускали при этих попытках из виду то, как ярко в эпосе отразилась борьба населения Армении на протяжении тысячелетий (какие бы имена в те эпохи ни носили армяне и их прародители) за свою жизнь...»⁴

Были и такие исследования, в которых Давид Сасунский сближался с библейским Давидом. То он — сын князя и жил в IX веке, то он — царь Давид и жил в X веке до н. э.

В первом случае исходили из того, что Давид, сын Баграта Багратуни, как и Давид, герой эпоса, сражался с иноземными завоевателями — арабами халифата. Во втором — обращали внимание на то, что оба Давида были пастухами, оба сражались с врагами отечества и совершали героические поступки. Библейский Давид победил Голиафа. Давид из Сасуна победил Мсра-мелика. Но общее в Давидах здесь настолько общо, что не приходится говорить о действительном сходстве двух или даже трех Давидов.

* * *

Заслуживает, однако, более подробного разговора параллель между героями первой ветви эпоса Санасаром и Багдасаром и ассирийским царем Синнахаримом (Санааххеривом, 704—681 гг. до н. э.), убитом сыновьями Адралемеком и Сарасаром.

Впервые об этой параллели сказал Г. Срвандзян в статье, предваряющей опубликованный им вариант эпоса «Давид Сасунский, или Дверь Мгера». В записанном Срвандзяном варианте один из сынов-

¹ Б. Халатянц, Иранские богатыри в среде армянского народа, М., 1900; его же, Армянский богатырский эпос, Вена, 1903 (на арм. яз.); Ст. Канаян, История Мамиконянов. — Журнал «Араарат», 1906, апрель и июнь—декабрь (на арм. яз.); его же, Историческое в доме Джоджанц, Вагаршапат, 1907 (на арм. яз.). Критику называемых работ см. в обширной монографии Г. Григоряна «Героический эпос армянского народа» (Ереван, 1960, с. 57—75, на арм. яз.).

² Манук Абелян, Труды, т. I, с. 354—371, 517—554.

³ См.: М. Джанполадян, Туманян и народный эпос, Ереван, 1969, с. 160—163 (на арм. яз.).

⁴ Иосиф Орбели, Армянский героический эпос, Ереван, 1956, с. 63—64.

вей халифа назван Абамеликом, а другой — Санасаром. Встречаются и другие варианты либо с Абамеликом, либо с Аслимеликом или Аднамеликом. Причем в некоторых из них сохранилось имя Синнахарима (в эпосе Сенекерима). По варианту Мурада из Апарана (записал в 1891 году Г. Овсепян) Санасар и Аслимелик — дети Сенекерима.¹ По варианту же Григора-Похана Егиазаряна из Гаваша (записал в 1916 году С. Тер-Акопян) детей Сенекерима зовут Санасар и Багдасар.² Есть вариант, согласно которому Сенекерим, царь ассирийский, воюет с Мсра-меликом, отцом Санасара и Аднамелика:³

Сенекерим, царь ассирийский,
Объявил царю Мсыра войну.
Встали, пошли на войну.
Ассирийский царь победил царя Мсыра.
Сел царь Мсыра на верблюда и убежал.
И видит царь Мсыра, что его преследуют —
Вот-вот настигнут.
Испугался,
Обещал своим идолам жертву — двух сыновей.
Он сказал: — Если вы меня спасете,
Я двух своих детей принесу вам в жертву. —
После этих слов
Проник в верблюда сатана
И унес, спас Мсра-мелика.

Вариантов с Адрамелеком и Сенекеримом достаточно много, чтобы не считать эти имена в эпосе случайностью. А между тем Срвандзян на основе единственного тогда варианта обронил в 1874 году замечание о том, что записанный им сюжет об Абамелике и Санасаре известен также по Библии, по истории Мовсеса Хоренаци и Товма Арцруни. В «Четвертой книге царств» (гл. 19, ст. 36—37) и в «Паралипоменоне» (кн. вторая, гл. 32, ст. 21) сказано: «И отправился, и пошел, и возвратился Сеннахарим, царь Ассирийский, и жил в Нине-

¹ Сасна Црер, т. II, ч. 1, под общей редакцией академика М. Абеляна, в сотрудничестве с проф. К. Мелик-Оганджаняном, Ереван, 1944, с. 49—57 (на арм. яз.). В дальнейшем при ссылках: Сасна Црер, т. II, ч. 1. Также: сказитель Манук Тороян из Алашкерта, записал в 1932 году К. Мелик-Оганджанян. — См.: там же, с. 253—262.

² Сасна Црер, т. I, под общей редакцией проф. М. Абеляна, в сотрудничестве с К. Мелик-Оганджаняном, Ереван, 1936, с. 939—942 (на арм. яз.). В дальнейшем при ссылках: Сасна Црер, т. I.

³ Сказитель Седрак Абаджян из Алашкерта, записали в 1971 году С. Арутюнян и А. Саакян. — В кн.: Сасна Црер, т. III, запись вариантов под подготовку текста Саркиса Арутюняна и Арусяк Саакян, Ереван, 1979, с. 186—187 (на арм. яз.). В дальнейшем при ссылках: Сасна Црер, т. III. Также: сказитель Ованес Акопян из Мартуни, записал и опубликовал в 1973 году С. Арутюнян. См.: там же, с. 347—357.

вни. И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, то Адрамелих и Шарецер (в армянском переводе: Сарасар. — Л. М.), сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Ааратскую»; «И когда пришел (Сеннахарим. — Л. М.) в дом бога своего, исшедшие из чресл его поразили его там мечом».

Этот же сюжет о Сеннахариме и его сыновьях в несколько иной редакции приводит в «Истории Армении» Мовсес Хоренаци: «Восьмью-десятью годами более или менее прежде воцарения Навуходоносора жил Сеннахарим, царь ассирийский, который осадил Иерусалим при Езекии, начальнике евреев. Он умерщвлен своими сыновьями — Адрамелом и Саннасаром, которые спаслись бегством у нас».¹ Хоренаци говорит и о том, как сложилась судьба братьев в Армении. Потомки Саннасара, «размножившись, наполнили собою гору, называемую Симом», а от Адрамелека пошли в Армении рода Арцруни и Гнуни.

Позже историк IX века Товма Арцруни написал «Историю дома Арцруни», заметив, что потомки Адрамелека и Саннасара «гостеприимны и хлебосольны».²

Саннасар считается основателем рода сасунцев. Об этом же пишет историк и писатель XI века Аристакэс Ластивертци. Говоря об отряде сасунских воинов, он замечает, что их «обычно зовут санасунами по имени их предка», т. е. Саннасара.³ Любопытно, что в большинстве вариантов эпоса (как и в сводном тексте) Багдасар бездетен. Сын, внук и правнук Саннасара стали продолжателями рода сасунских богатырей.

* * *

Хоренаци пишет в своей «Истории...» и о том, как произошло название рода Арцруни: «Арцруни должны были бы называться Арцвиуни (от слов: *арцув* — орел и *уни* — имеет, т. е. имеющий орла. — Л. М.), потому что они носили перед царем орлов. Пропускаю нелепые сказки, рассказываемые в Адамакерте: „Дремлет юноша (под открытым небом), его сечет дождичек, его печет солнышко — птица крыльями осеняет изможденного юношу“».⁴

Никита Эмин комментирует это место следующим образом: «М. Хоренский, вероятно, намекает здесь на армянский эпос, в котором, между прочим, воспевалось и это обстоятельство». ⁵ Эмин здесь говорит об армянском эпическом фольклоре, он не мог иметь в виду эпос «Давид Сасунский», тогда еще неизвестный.

¹ «История Армении» Моисея Хоренского, с. 37.

² Товма Арцруни, История дома Арцруни, Ереван, 1978, с. 138 (на арм. яз.).

³ Повествование Вардалета Аристакэса Ластивертци. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, М., 1968, с. 117.

⁴ «История Армении» Моисея Хоренского, с. 57.

⁵ Там же, с. 244.

Хоренаци с недоверием относился к легендам и сказкам, поэтому, пишет Абегян, он их цитирует мало и в сжатой форме. Но, вместе с тем, по приведенному отрывку из Хоренаци видно, замечает Абегян вслед за Эмином, что есть легенда об орле-арциве, покровительствовавшем Санасару или Абамелику, предкам рода Арцруни.¹

В подтверждение Абегян приводит сказку, частично повторяющую сюжет первой ветви эпоса, той его части, где рассказывается, как Санасар и Багдасар убили в Зеленом городе вишапа, оставившего город без воды:

...в городе нашем нету воды.
Тут вода была и зелень,
Город был Зеленым назван,
И теперь на горе находится ключ,
Да только к истоку его
Вишап подошел,
Ключ запрудил,
Не дает воде к городу течь.

Сказка имеет продолжение, отсутствующее в эпосе, — герой убивает еще одного вишапа, пожирателя орлиных птенцов. Убив вишапа, герой засыпает. Благодарная орлица бережет его сон, раскрывает крылья над ним, заслоняя его от солнца, а затем она выносит его из «мира тьмы» в «мир света».

Манук Абегян выразил уверенность, что в давние времена этот сюжет о спасенных орлятах и орлице имел прямое отношение к Санасару или Адрамелеку (Багдасару). Теперь действительно обнаружен вариант эпоса, в котором Санасар убивает «небесного» вишапа, заслонившего собою свет — небо над городом, затем убивает вишапа, овладевшего источником, и наконец — вишапа, который взбирался на дерево, чтобы съесть беспомощных орлят. И орлица раскрывает над спящим Санасаром крылья (деталь, зафиксированная в «Истории...» Хоренаци), чтобы была прохлада, или, если перевести буквально, чтобы сделать прохладу. Затем орлица выносит Санасара из «подземного царства».²

В языческой Армении, очевидно, существовал свой, независимый от библейского текста миф, или богатырская сказка, о Санасаре и Адрамелеке (Багдасаре), об их жизни и подвигах на армянской земле ~~и об~~ арциве-орле, покровителе рода.

¹ Манук Абегян, Труды, т. I, с. 383.

² Сказитель Фарман Товмасян, записано в 1969 году. Родился сказитель в 1894 году в сасунском селе Бугнот, уверен, что он, как и его предки, происходит из рода Давида. См.: Сасунцы Давид. Новые варианты. Собрали и подготовили к печати Григор и Ваагн Григоряны, Ереван, 1977, с. 326, 335—341 (на арм. яз.). В дальнейшем при ссылках: Сасунцы Давид. Новые варианты.

Много позже этот миф, или богатырская сказка, был прикреплен к эпосу о борьбе с халифатом. Но в процессе циклизации эпос не мог использовать сказку целиком, какие-то сюжетные ответвления выпали, но сохранились в сказках, сказываемых независимо от эпоса. «Рассказ о героическом сватовстве Санасара к дочери царя Медного города, — замечает Е. М. Мелетинский, — о его победе над шестьюдесятью великанами-соперниками и над страшным вишапом, из пасти которого в осуществление трудной брачной задачи он достает жемчужину, типичен для богатырской сказки». Далее, сопоставляя детство Санасара и Багдасара со сходными «описаниями героического детства в нартском эпосе, в сказаниях об Амирани», Мелетинский пишет, что такое сопоставление имеет двойное значение: «Во-первых, устанавливаются местные корни этого сказания в общекавказском фольклоре и, во-вторых, определяется, что этот эпический рассказ о братьях — родоначальниках Сасуна — относился к арханческой ступени эпоса».¹

* * *

К древнейшим сюжетам эпоса относится также легенда об Артавазде, армянском Промете, записанная Мовсесом Хоренаци в «Истории Армении». Хоренаци дает в своем изложении песню, которую пели об Артавазде, сыне царя Арташеса, в области Гохти: «Во время смерти Арташеса много было пролито крови по обычаям язычников; огорчился Артавазд и говорит отцу: «Ты ушел и унес с собой всю нашу землю, как же мне царствовать над развалинами?» За что Арташес проклял его, сказав: „Если ты поедешь на охоту на свободный Масис, тебя захватят Каджи, повлекут на свободный Масис; там останешься и света не увидишь более!“» Далее Хоренаци приводит со слов сказительниц следующий рассказ: «Старухи также рассказывают про него, что он, связанный железными цепями, заключен в какой-то пещере, что две собаки грызут беспрестанно его цепи и он сilitся выйти и положить конец миру, но что от звука ударов кузнецких молотов снова, говорят, оковы укрепляются. Поэтому также и в наше время многие из кузнецов, следуя легенде, по воскресеньям ударяют трижды или четырежды молотом о наковальню, чтобы укрепились, как говорят, цепи Артавазда».² Хоренаци приводит и другие версии легенды: женщины из рода Аждахака (царя мидян, врага армянского царя) заколдовали Артавазда; дракониды выкрали младенца Артавазда, положив на его место дэва; Артавазд родился и умер в помешательстве.³ «Та из армянских легенд, — замечает Алексей Веселовский, — которая верит, что Артавазда похитили и заточили именно дэвы, придает захвату

¹ Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса, М., 1963, с. 239.

² «История Армении» Моисея Хоренского, с. 108.

³ Там же.

значение торжества зла над добром и желает возвращения плениника, видя в нем (по выражению одного новейшего комментатора) „Мессию армян“.¹

С образом Артавазда перекликается образ Мгеря Младшего, сына Давида. Мгер вступил с отцом в бой и мог его убить,² а когда сын и отец узнали друг друга, отец проклял Мгеря, обрек его на бессмертие и одиночество. После долгих странствий Мгер разрубает скалу и вместе со своим конем Джалали уходит в нее.

Уход Мгера в скалу сопровождается в разных вариантах разными подробностями. По варианту Товмаса Саркисяна из Мока (записали в 1972 году С. Арутюнян и А. Саакян) напутствуемый ангелами Мгер перебил всех вишапов и победил самого сильного из них Бягбяга.³

(Замечу, что у Бягбяга была мать. И когда он был с Мгером, она сыпала под ноги сыну-вишапу золу, чтобы он твердо стоял, а под ноги Мгеру лила мыльную воду, чтобы он не удержался, упал. Деталь — выразительная и трогательная, рисующая образ несчастной матери, пришедшей на помощь сыну Бягбягу, сыну-вишапу, но *сыну*.)

Победив последнего из вишапов, Мгер становится властелином земли. И в это самое время приходит к нему сатана и говорит, почему бы Мгеру не завладеть небом. Мгер бросает вызов богу. Ангел, посланный богом, побеждает Мгера, связывает цепями ему ноги и подвешивает к скале. «Не будет тебе смерти, но ворон будет клевать тебя...» — таково наказание.

Типологически Мгеру (Артавазду) близки Артавыз осетинского, Амирани грузинского, Абрскил абхазского эпосов. Все это говорит о том, что Прометеев сюжет о прикованном к скале герое был широко распространен в древности на Кавказе. Что касается Армении, то здесь помимо записанной Мовсесом Хоренаци и бытовавшей изустно легенды об Артавазде сохранился вариант о Шидаре, сыне Артавазда (Шидар может быть и прозвищем Артавазда). От рождения Шидар был помешан. Поэтому, умирая, отец не передал ему царства. Но когда Шидар сам возжелал стать царем, то во время охоты упал в реку и исчез (его, очевидно, утопили как нежелательного престолонаследника). Всадники, бывшие с Шидаром (читайте — утопившие Шидара),

¹ А. Веселовский, Прометей в кавказских легендах и мировой поэзии. — В кн.: В. В. Стасов, А. Н. Веселовский, А. В. Луначарский, А. М. Горький об Армении и армянской культуре, Ереван, 1970, с. 59.

² По варианту Тумаса Петросяна из Мока (записал в начале 900-х годов Саргис Айкуни) Мгер убил Давида. Поединок сына с отцом кончается здесь благополучно — узнаванием и общей радостью. Позже разгневанный отец ударил Мгера. Раз ударил — Мгер промолчал, два — промолчал, а когда ударил в третий раз, Мгер схватил отца и ударил его о землю, убил. Умирая, отец проклял Мгера (см.: Сасна Цер, т. I, с. 467—469).

³ Сасна Цер, т. III, с. 78—79.

распростирали слух о том, что злые духи заперли его в черную гору. Белая и черная собаки лижут цепи, чтобы они оборвались, Шидар вышел на волю и разрушил этот мир. Однако кузнецы по всей армянской земле в первый день языческого месяца навасарда¹ били три раза по наковальне и укрепляли цепи, державшие безумного Шидара.²

В каком же отношении к Артавазду и Шидару находится эпический Мгер? Е. М. Мелетинский считает, что «образ Мгера в принципе архаичнее летописного Артавазда» и что вообще эпос о сасунских богатырях «никак нельзя считать результатом переработки древнеармянских исторических песен». Эпос в этих своих частях древнее, архаичнее. Кроме того, сходство Мгера с кавказскими Прометеями не ограничивается мотивами богочества и заключения в скалу. В этих образах есть и типологически сходные черты. Борьба со львом, мешающим подвозу хлеба, поиски справедливости, приобретающие оттенок богочества, — эти «прометеевские» черты у Мгера являются следами «культурной» героики, отчетливо представленной и в эпосе других народов Кавказа.³

* * *

Говоря о наиболее ранних формах армянского эпоса, мы можем исходить и из текста самого эпоса, не прибегая к раннесредневековым или более древним письменным источникам. Эпос, как бы поздно он ни был записан, останется надежным документом и времени мифического, документом древнейших верований, древнейших представлений человека о мире, о вселенной. Ведь иногда даже в одном слове современного литературного языка, отдаленного от мифического времени не одним тысячелетием, можно обнаружить человека, только еще познающего мир, человека, творящего мир и мифы. В современном армянском языке о заходе солнца говорят *майрамут*. Это сложное слово: *майр* — мать и *мут* — вход. Солнце вечером *идет к своей матери...*⁴

¹ По армянскому подвижному календарю год начинался месяцем навасард. По нынешнему календарю навасард приходится на середину марта или середину августа.

² Журнал «Базмавеп», т. XXXV, 1877, с. 276 (на арм. яз.).

³ Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса, с. 241—242.

⁴ Кстати, *майр* восходит к общеиндоевропейскому языку-основе. «В лексике армянского языка вычленяется сравнительно небольшой по объему, но чрезвычайно существенный по значению архаичный пласт, генетически восходящий к индоевропейской общности. Сюда входят такие понятия, известные древнему индоевропейцу, как названия родства (*мать, отец, брат, сестра, дочь* и т. д.), названия частей тела (*глаза, сердце, уши, рука, нога* и т. д.), представления об окружающей природе и ее явлениях (*лuna, поле, зима, мгла* и т. д.), наиболее употребительные глаголы, имена числительные, местоимения и т. д.» (Э. Г. Туманян, Структура индоевропейских имен в армянском языке, М., 1978, с. 3).

И в это верили, хотя современный армянин, говоря *майрамут*, не осознает, не вычленяет семантику сложного слова. Предки армян верили и в то, что мать кормит грудью солнце-дитя и на ночь укладывает его спать.

Нужны усилия, чтобы обнаружить древнейшие пласти эпоса, но усилия небольшие, так как залегают эти пласти не так глубоко, как может на первый взгляд показаться.

«Давид Сасунский» начинается с того, что нехристь халиф берет себе в жены Цовинар, дочь армянского царя Гагика, берет насильно, ибо он идолопоклонник, а Цовинар славит крест, она христианка. Чтобы халиф не разрушил армянскую страну, Цовинар жертвует собой, но ставит условие: халиф отведет ей дворец и не станет целый год входить к ней. Пока халиф ждал своего времени, Цовинар родила близнецов.

...Томимая жаждой Цовинар увидела вдруг, как у берега моря расступилась вода и забил родник. И так как к роднику пройти было не просто — кругом вода, Цовинар сняла одежду, испила горсточку воды, а потом еще полгорсточки. Этого было достаточно, чтобы она зачала и родила близнецов — Санасара и Багдасара. Во дворце халифа, как и следовало ожидать, разразился скандал. По одному из вариантов (опубликован в 1892 году, сказитель неизвестен, запись и публикация Г. Овсепяна) Цовинар, зачавшая от моря, уверяет халифа: «Ты очень силен, ты говорил, твое дыхание коснулось меня, и я зачала». ¹

Цовинар — от слова *цов* — море. Точно так же имя вавилоно-ассирской древнейшей богини Тиамат означает *море*. Тиамат родила пару богов Лахаму и Лохму. В поэме о сотворении мира «Когда вверху...» (предположительно XVI век до н. э.) сказано:

Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсу первородный, всесотворитель,
Праматерь Тиамат, что все породила,
Воды свои воедино мешали.²

(Перевод В. Афанасьевой)

Море как порождающая стихия, вода как первопричина зачатия, — эти древнейшие представления отразились и в армянском эпосе. «В мифологии каждого народа, — замечает Иоганн Гердер, — запечателся присущий ему способ видеть природу». ³ Но самый способ видения

¹ Сасна Црер, т. I, с. 129.

² «Я открою тебе сокровенное слово...» Литература Вавилонии и Ассирии. Составление В. К. Афанасьевой и И. М. Дьяконова, М., 1981, с. 32.

³ Иоганн Готфрид Гердер, Идеи к философии истории человечества, М., 1977, с. 203.

у разных народов имеет много общего. Отсюда общие и, как правило, незаимствованные мотивы и образы в мировой мифологии. А. А. Потебня обратил внимание на интересное высказывание итальянского фольклориста де Губернатиса: «Дитя, которое еще и ныне, взглянувши на небо, принимает белое облако за снежную гору, конечно, не знает, что *парвиша* на языке Вед означало гору и облако».¹

* * *

Начало армянского эпоса восходит также к близнечным мифам, распространенным у многих народов мира.²

В мировой мифологии чудесно рожденные близнецы выступают либо как культурные герои, демиурги, либо как основатели рода. Саснаш армянского эпоса — родоначальник, от которого пошли сасунские богатыри. Близнецы зволели в горах крепость, но прежде крепости построили жилье для бедного люда, они основали город-крепость:

И крепости имя стало Сасун,
И назван был дом — Сасунский дом.

Начало эпоса уводит нас и ко временам отдаленным. У близнецов нет отца. И когда они выходят поиграть, сверстники дразнят их оскорбительным словом *пич*, то есть прижитый неизвестно от кого, приблудыш. Можно предположить, что это был период переходный от матриархата к патриархату: детям нужен был отец.

«Расскажи-ка нам, кто наш отец,
Иль пойдем, в воду бросимся мы», —

допытываются близнецы.

В третьей ветви эпоса этот же вопрос задает матери Мгер Младший:

«Где отец мой, марэ?
Твердят ребята: нет у тебя отца,
Пич ты иль сирота?
Как нет у меня отца? Пойду за ним!
Где мой отец?»
Мать ему: «Твой отец — Давид...»

По варианту Казара из Мока (записал в 1899 году А. Абегян), мать не отвечает на вопрос Мгера, кто его отец. Мгер пошел к одной

¹ См.: А. А. Потебня, Эстетика и поэтика, с. 443.

² См.: В. В. Иванов, Близнечные мифы. — В кн.: Мифы народов мира, т. I, М., 1980, с. 174—176.

старушке, и она открыла-сказала ему, что отец его Давид.¹ Мгер сразу же пускается в путь, он должен разыскать отца. Есть вариант (сказитель Манук Тороян из Алашкerta, записал в 1932 году К. Мелик-Оганджанян), в котором уже сын Мгера Младшего ищет отца (в сводном тексте, как и в большинстве вариантов, у Мгера Младшего нет детей):

— Скажи, марэ, всё скажи,
Разве я пич?
Что все говорят, ты пич?
Скажи, кто мой отец?
— Сынок, ты не пич,
Твой отец Мгер из Сасуна.²

Этот мотив «кто мой отец» был, очевидно, привнесен позже в эпические сказы о женщинах-богатырях, которым некогда принадлежала главенствующая роль во всех сферах жизни. Кстати, и в стране врачов Сасуна, в Мсыре, многое решает женщина — Исмил-ханум. Она соблазнила Мгера Старшего, родила от него престолонаследника Мсра-мелика. Характерно, что Мсра-мелик ни во что не ставит то обстоятельство, что отец его — Мгер Старший, а с Давидом они братья по отцу. Это, очевидно, следует объяснять не свойствами характера Мсра-мелика, а временем, когда сильны были принципы матриархата и когда уже сказывались те или иные эпизоды, вошедшие затем в эпос.

* * *

Далекой древности принадлежит и весьма распространенный сюжет женитьбы и подвигов героев-богатырей, которые и свою доблесть показывают, и будущих жен спасают от многих бед.

Чтобы жениться на волшебнице Дехцун, Санасар едет в страну каджей, похищает здесь золотое яблоко с дворцовых ворот, достает с башенной кровли палицу, опускается на дно морское, убивает вишапа, в пасти которого хранился драгоценный камень, а в том камне — вся сила ворожбы Дехцун. При этом царь требует, чтобы два из трех подвигов Санасар повторил при нем, на виду у всех, иначе он будет убит:

И сказал ему царь: «Если это не ложь,
То подобно тому, как ты яблоко взял,
Как похитил его ты с вершины столба,
Положи его снова и вновь возьми.
Всё ты днем соверши, — и отдам тебе дочь,
Но казню, коль тебе это сделать невмочь».

¹ Сасна Црер, т. I, с. 294.

² Сасна Црер, т. II, ч. 1, с. 349.

И в отношении палицы — то же условие:

Сделай всё на виду, и отдашь тебе дочь,
Но казню, коль тебе это сделать невмочь.

Оба испытания Санасар выдерживает с честью, но царь ставит перед ним еще одну задачу: предстоит биться с шестьюдесятью богатырями-пахлеванами... Затем он придумывает для Санасара и Багдасара новое испытание:

...в Зеленый город должны вы войти
И вернуться, чтобы дочь увести.

В Зеленом городе братья убивают вишапа, спасают девушку-красицу, сестру Дехцун, будущую жену Багдасара. Но царь заколдованный страны и после этого не отдает свою дочь Санасару:

Царь каджей сказал: «Санасар,
Дехцун за городом, в замке живет,
А привратником там — дэв Амдол.
Коль посмеешь — иди, уведи».

Недобрые, враждебные чувства царя к будущему зятю в произведениях фольклора В. Я. Пропп объясняет тем, что «наследование от отца к сыну — более поздняя форма наследования... Власть переходила от отца к зятю, т. е. к мужу дочери, т. е. передавалась через женщину, через брак... Страх перед зятем ведет к задаванию трудных задач, которые должны извести зятя...»¹

Этот общий тезис, думается, хорошо объясняет историю женитьбы Санасара, те невероятные трудности, с которыми он сталкивается и с которыми его сталкивает царь, идущий на всякие ухищрения, чтобы правдами и неправдами расстроить предстоящее замужество дочери. Вспомним, что до Санасара сорок молодцов-удальцов домогались руки Дехцун, но она их околовала, превратила их всех в стариков. Это можно понимать и так: очень, очень долго сорок пригожих юношей ждали руки царской дочери и состарились.

В третьей ветви эпоса те же сорок юнцов-храбрецов целых семь лет ждут не дождутся Хандут — не остановит ли она свой выбор на ком-либо из них?

«Архаический тип героини-богатырши вообще характерен для армянского эпоса», — замечает Е. М. Мелетинский.² Он имеет в виду, в частности, состязание Хандут-хатун с Давидом.

¹ В. Я. Пропп, Фольклор и действительность, с. 264, 266.

² Е. М. Мелетинский, Происхождение героического эпоса, с. 243.

О героях армянского эпоса, о том, как они сложены, мы можем судить, в частности, по детали, которую сохранили в своих путевых заметках португальские путешественники Антонио Тенрейрон (путешествовал по Армении в 1524 году) и Местре Афонсон (путешествовал в 1565 году). Из их заметок мы узнаем, что Хандут, жена сасунского богатыря Давида, была под стать ему, она носила на ногах кольца, сквозь которые мог бы пройти человек.¹ Любопытен в этом смысле рассказ Хандут-хатун о том, как она была замужем:

Муж молодой ко мне пришел,
Стали вдвоем играть.
Дай за локоть его схвачу, вот так,
Придвину, думаю, к себе.
Гляжу, оторвалась у него рука.
Подумала: царевич он,
Ему не пахать, не сеять ему, —
Годится мне и безрукий.
Другую руку жму слегка —
Хребет сломился и рука,
Дух вон — скончался он.

Рассказ о слабом муже — отголосок, воспоминание о временах, когда женщина сама выбирала себе достойного, то есть крепкого и сильного мужа.

* * *

«Нынешнее», позднее время сказалось в христианизации архаического материала эпоса.

Чудесный конь Джалали, служивший четырем поколениям сасунцев, был добыт Санасаром на дне морском. Здесь же он добыл Меч-Молнию, богатырские доспехи, и, наконец, здесь он испил чудесной ключевой воды и «вырос», превратился в богатыря-исполина. Пили из чудесного молочного источника и сын Санасара Мгер, и сын Мгера Давид. Стоило Давиду выпить из молочного родника, как «стал он могуч, одежды отца сделались тесны ему».

По одному из вариантов (опубликован в 1910 году, сказитель и автор публикации неизвестны) морским происхождением наделен семигоний конь халифского богатыря Козбадина. Конь при рождении был восьминогим, одну из ног съели, оказывается, муравьи, так как Козбадин не знал, что жеребца, родившегося от морской кобылицы,

¹ См.: R. Gulbenkian et H. Bergerian, La légende de David de Sassoun d'après deux voyageurs portugais du XVI-e siècle. — «Revue des études arménienes», t. VIII, Paris, 1971, p. 175—181.

надо искупать в море и тем самым укрепить его.¹ Когда Давид сломал Джалали ребра, то он тоже не знал, как исцелить коня. Следовало водой из молочного источника смочить ему бока.

Сила и неуязвимость героев армянского эпоса не только от воды, но и от креста. На дне морском Санасар видит церковь, входит в нее и засыпает. Во сне является ему богоматерь:

Эй, Санасар, подымись!
Ратный крест обретается тут,
Встань, пред ним семикратно склонись, помолись.

На дне морском оказываются и ангелы. Они-то и приложили к деснице Санасара Ратный крест, сделав его неуязвимым, непобедимым. Центральный герой эпоса Давид был убит, потому что его оставила сила Ратного креста. Перед поединком с Чымшик-султан Давид купается в реке, чтобы обрести былую мощь, но все равно он уязвим, так как нарушил клятву, и крест на руке почернел — отныне богоматерь не покровительствует ему.

В эпосе, очевидно, дополнена в соответствии с «духом времени» — христианством — древнейшая традиция придавать герою с помощью воды свойство неуязвимости. Вспомним Ахилла, получившего неуязвимость в водах подземной реки Стикс...

И самый крест на деснице каждого из сасунских героев имеет двоякое происхождение — христианское и языческое. В оригинале крест (хач) имеет свое определение: Хач Патразин или Патеразмин, Патарагин, Патрастин. (В русском переводе во всех случаях стоит *ратный* крест.) В большинстве вариантов эпоса встречается *Патразин* (или в несколько иной форме Патаразин, Патараз, Патрачин). Слово это не понятно, поэтому сказители искали его, стремясь придать непонятному слову какой-то смысл. Изначальное и темное Патразин становилось Патеразми (от слова война), Патараги (от слова литургия, обедния), Патрасти (от слова готовый).

Манук Абегян и Каро Мелик-Оганджанян высказали мысль о том, что изначальное *Патраз* восходит к героям эпического фольклора Малой Азии, Кавказа (герой осетинского нартского эпоса Батразд или Батраз, а также адыгский Батраз, чечено-ингушский Патараз) и что в выражении Хач Патразин соединилось имя мифического героя (осе-

¹ Здесь помимо всего, любопытно мотивируется фольклорное число семь, так как нечетное число ног не очень-то естественно. У Кери Тороса шестиногий конь Лазги. Семиногий или шестиногий конь — это все равно что крылатый конь, сказочно быстрый конь. — В кн.: Сасна Црер, т. II, ч. 2, под общей редакцией академика М. Абегяна в сотрудничестве с К. Мелик-Оганджаняном, Ереван, 1951, с. 426 (на арм. яз.). В дальнейшем при ссылках: Сасна Црер, т. II, ч. 2.

тинский Батразд родился из спины отца, выскочив оттуда раскаленный, как огонь) с понятием христианского креста.¹

Об архаичных формах «Давида Сасунского» мы можем судить и по целому ряду других имен, образов и эпизодов, «отделенных от нас, — по словам Иосифа Орбели, — не одним, а очень многими тысячелетиями».²

* * *

В. М. Жирмунскому принадлежит мысль о том, что «возникновение связной эпической биографии героя обычно относится к гораздо более позднему времени, чем тот центральный эпизод его подвигов (нередко в героическом эпосе имеющий историческую основу), который прежде всего запечатлелся в народной памяти».³

Но дело в том, что сама биография эпического героя складывается из эпизодов уже готовых и, как правило, очень древних. Поэтому и пишет Жирмунский о *позднейших*, но имеющих *древнее происхождение* «мотивах чудесного рождения, стереотипно повторяющихся в биографиях всех героев тюркского эпоса».⁴

Рассказ о чудесном рождении сасунских близнецов, подробности биографий сасунских богатырей — брачные состязания, схватки с вишапами и дэвами... — много старше центрального эпизода (борьба с халифатом). Да и младший из героев армянского эпоса Мгер старше своего отца и деда. Его образ восходит к армянскому фольклору древнейшей поры, к армяно-иранской общности мифических богов (Митра — Мгер, Ваагн, Анаит, Арамазд...).⁵ Но все это отнюдь не озна-

¹ См.: Сасна Цер, т. II, ч. 2, с. 843, примечания. См. также в «Мифах народов мира» (т. I, с. 164—165) заметку Б. А. Калоева, который считает, что имя Батразд «монгольского происхождения, однако в цикле Б., формировавшемся в течение многих веков, отражены наряду с некоторыми монгольскими чертами отголоски скифских мифологических воззрений, известных по описанию Геродота».

² Иосиф Орбели, Армянский героический эпос, с. 70.

³ В. Жирмунский, Народный героический эпос, М.—Л., 1962, с. 38.

⁴ Там же, с. 39.

⁵ Связи древнеармянской и древнеиранской культур были интенсивны и плодотворны в давние, языческие времена. «Иранское влияние длилось не только вплоть до македонского владычества, но и впоследствии, — в еще большей мере во времена династии Аршакидов (Аршакуни). Сравнительно в меньшей степени оно давало себя чувствовать в эпоху сасанидского господства. Это влияние прежде всего заметно в армянском языке, в котором так много уже окончательно арmenизированных персидских слов, заимствованных большей частью в парфянскую эпоху и весьма схожих с пехлевийскими, что в одно время армянский язык относили к иранской ветви индоевропейских языков» (М. Абегаян, История древнеармянской литературы, с. 13).

чает, что мы должны подвергать сомнению художественную целостность эпоса, должны непременно выделять эпизоды более ранние и более поздние и не считать Мгера Младшего *младшим* из героев-сасунцев. Мы обязаны подчиниться художественной логике эпоса, если хотим понять его как целое, как великое творение народной поэзии, народного духа.

* * *

Первые отрывочные сведения, восходящие к сюжету «Давида Сасунского», находим в арабском источнике, в сочинении Псевдо-Вакиди (XII век). Описывая арабские завоевания, Псевдо-Вакиди рассказывает историю необыкновенно красивой и очень смелой девушки Тарон, дочери армянского царя. Многие достойные юноши просили ее руки, но она в назначенных поединках побеждала женихов и отказывала им. В эпосе описаны аналогичные брачные состязания Багдасара с его будущей женой, Давида с Хандут-хатун, Мгера Младшего с Гоар.

Среди отвергнутых женихов Тарон был юноша по имени Муш, сын Санасара, правителя Сасуна. По прошествии некоторого времени, когда армянские конные отряды готовились сразиться с арабами, Тарон, возглавлявшая отряд из четырех тысяч конных воинов, вновь встретила теперь уже возмужавшего Муша, полюбила его и, отпустив прислугу, пригласила к себе в шатер. Узнал об этом через своих людей Бакур. Он приходился Тарон двоюродным братом, сыном дяди по отцу. Бакур под видом Муша явился к Тарон и похитил ее.¹ Опасаясь мести, он со своим отрядом и похищенной царевной перешел к арабам, принял ислам и, женившись на Тарон, принудил ее сделать то же самое.

Вероотступник Бакур напоминает парона Астхика (сын Црана Верго, двоюродный брат Давида). Астхик то ли по неведению, то ли сознательно принял сторону врагов Давида и вступил с ним в бой. Согласно варианту Мартироса Мурадяна из Мока (записали в 1972 году С. Арутюнян и А. Саакян), его специально наняли, чтобы он убил Давида.²

Бакур, пригретый арабами, благоденствует, но Тарон бежит от него и возвращается к отцу, к христианской вере.

По версии Шарафа-хана Бидлиси, курдского историка XVI века, Тарон хотели выдать за Бакура, ее двоюродного брата, но она полюбила Муша, сына сасунского правителя Санасара, и вместе с ним бежала к арабам.²

Слух о том, что Тарон вернулась к отцу, в лоно родной христиан-

¹ Сасна Црер, т. III, с. 50.

² Ш а р а ф - х а н Б и д л и с и, Ш а р а ф - Н а м е, т. I. Перевод, предисловие и примечания Е. И. Васильевой, М., 1967, с. 387.

ской церкви, как пишет Псевдо-Вакиди, сильно огорчил арабов. Но, как уверяет тот же Псевдо-Вакиди, он слыхал от Мухаммада ибн Юнуси, который в свою очередь слыхал это от Исмаила, а Исмайлу поведал эту достоверную историю Кайса, — Тарон не отреклась от ислама и не вернулась к христианству. Она «бежала» из арабского плена, чтобы обмануть и убить своего отца, армянского царя, и отдать отцовские земли арабам-мусульманам.¹

Здесь начинается собственно арабская версия одного из вариантов истории, описанной в первой ветви эпоса «Давид Сасунский», — истории царской дочери-христианки, которая соглашается стать женой иноверца-араба, чтобы спасти отцовское царство от разорительных войн, нашествия арабов.

По армянской версии этого сказания, спустя немного времени после того как Бакур похитил Тарон, она «вернулась в Армению и вышла замуж за своего возлюбленного Муша. Места, где они жили, стали называться Тарон, а тамошний главный город — Муш».²

* * *

Псевдо-Вакиди подчеркнуто религиозен, его занимает сказание о царевне Тарон как еще одна возможность прославить ислам и сказать о силе ислама. В армянском же эпосе отношение к религии двойственное, противоречиво. Вопросы религии занимают героев не сами по себе. Вера для них — олицетворение родной земли, родного народа.

В средневековой Армении, в условиях отсутствия государственности, приверженность к вере во многом была обусловлена мотивами патриотическими, и лучшее тому доказательство — народный эпос «Давид Сасунский». Постоять за веру — значит постоять за себя, свой дом. Все в «Давиде Сасунском» подчинено одной великой цели — отстоять родину. «Если Давид не помянул Креста, он не может сражаться», — сказано в одном из вариантов.³ На молитву уповают и Мгер Старший, отец Давида:

Едва быка завидел Мгер —
Молитву прошептал, Меч-Молнию занес
И распорол живот быку,
Убил.

¹ См.: Сказание о девице Тарон в арабском источнике XII века. Публикация, перевод с арабского А. Н. Тер-Гевондяна. — Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР, 1978, № 3, с. 274 (за арм. яз.).

² А. Т. Ганаланин, Армянские предания, Ереван, 1979, с. 152.

³ Сказитель Тумас Петросян из Мока, записал и опубликовал в 1909 году Саркис Айкуни. — Сасна Црер, т. I, с. 466.

Мгер (Митра), убивающий быка, — этот сюжет очень давний.¹

М. Дрезден говорит о «весьма частых и существенных сценах на митраистических рельефах, на которых изображается убиение Митрой быка (с последующим извержением семени животного и прорастанием колосьев злаков из его хвоста)».² Мгер армянского эпоса, шепчущий молитвы, христианизирован сказителями.

Герои эпоса защищают свою веру, и вера помогает им выстоять, и они же, герои эпоса, либо равнодушны к религии, либо говорят о ней иронично. И в этом именно смысле религия и вера не равнозначны.

«Религиозность» Давида своеобразно выразилась (по одному из вариантов эпоса) в следующем эпизоде. Давид разрубил Мсра-мелика пополам. (Половинки должны быть равными. В ряде вариантов взвешивают обе части разрубленного Мсра-мелика, чтобы убедиться в равном искусстве Давида.³) Правую часть Мсра-мелика, сына Мгера Старшего, Давид считает христианской, а левую — поганой:

Правую часть Давид взял, положил на коня,
Привез, велел похоронить,
В церкви литургию отслужить.
А левая часть осталась там,
Стала добычей волков и собак.⁴

В целом армянский эпос не религиозен. Сасунцы крепко держатся веры в той мере, в какой она помогает им в борьбе с иноземными захватчиками. Давид заново отстроил храм на горе Марута, храм, ко-

¹ Напрашивается сравнение с Гильгамешем, шумерским и аккадским мифоэпическим героем, убившим быка. Эпос о Гильгамеше относится к концу первой половины III тысячелетия до н. э. Небесный бык из «Гильгамеша» был так могуч, что, когда «спустился к Евфрату, в семь глотков его выпил — река иссякла» (Поэзия и проза Древнего Востока, М., 1973, с. 189). А вот как в «Давиде Сасунском» сказано о численности и могуществе арабских войск: «Стал передний отряд на речных берегах. Коней напоил, реку обмелил. А средний отряд до самого дна реку осушил. Последний отряд даже камни на дне облизал. Остался последний отряд без воды». Аналогия отдаленная, но любопытная. Речь, естественно, не о заимствовании, а о сходных формах эпического мышления. И там, и тут сила, противостоящая эпическому герою, так велика, что способна осушить реку. Возникают и другие ассоциативные аналогии: чудища (бык, вражеское войско) оставляют город (государство) без воды, а вода — это жизнь. Эпические герои сражаются с вишапами, захватившими источники, и спасают народ, государство.

² М. Дрезден, Мифология древнего Ирана. — В кн.: Мифология древнего мира, М., 1977, с. 351.

³ См.: Сасна Црер, т. III, с. 47—48.

⁴ Сказитель Газар Овакименц из Мока, записал в 1899 году Арташес Абегян. — Сасна Црер, т. I, с. 283. Есть вариант, согласно которому одну половину Мсра-мелика похоронили в Сасуне, другую — в Мсыре (см.: Сасунцы Давид. Новые варианты, с. 102).

торый был построен в честь Всевышней девы Мгером Старшим и после его смерти был разрушен Мсра-меликом.

Народный герой Давид призван восстановить былую мощь Сасуна. Давид отстраивает храм как свидетельство силы сасунцев, их независимости. Храм отстраивался дважды. После первого раза

Проснулся Давид, глядит,
Марута-храма — нет как нет.
Весь камень ушел на свои места,
Вся земля ушла на свои места,
Дерево, глина, песок —
Всё ушло на свои места.

Всевышняя дева Марута привиделась Давиду во сне и велела ему положить в основание храма меч. Эта подробность тоже говорит о том, что храм мог существовать, стоять на земле, если сасунцы сильны и независимы. И чтобы наказать сасунцев, чтобы еще раз заявить о своих правах на Сасун, Мсра-мелик тут же отрядил войско с повелением разграбить и разрушить отстроенный храм. Приходит к Давиду один из иноков Марутского храма, чтобы сообщить ему о вражеском нашествии, Давид долго не может и не хочет его понять:

«Э, — сказал Давид, — надоел ты мне,
Свеч не хватает, ладана нет?
Чего не хватает, возьми, ступай!»
Обернулся, Овану сказал: «Дядюшка,
Инок пришел; верно, ладана нет,
Вышел елей, мало свечей, дай, пусть уйдет!»

В словах Давида, в его нежелании выслушать инока («пусть уйдет!») выражалось его пренебрежение к иноку.

А когда Давид был пастухом, пошел он в день Богородицы в храм и силой унес для своих друзей-пастухов целый котел арисы (разваренная пшеница с мясом), которую поп не успел еще освятить. Хотели было прихожане настигнуть Давида и отобрать арису, но поп сказал:

Не ходите, сасунский он сумасброд, он вас побьет,
Вам — калеками стать, а нам — позор.

В другом месте эпоса, в ветви о Мгере Старшем, есть еще один эпизод с попом. Мгер изменил Армаган, он целых семь лет жил в Мсыре у Исмил-ханум. Армаган поклялась сорок лет не впускать к себе Мгера. Ученые монахи (вардапеты) и князья решили снять обет («закон у нас в руках»);

«Мы сорок лет сочтем за сорок лун,
Мы сорок лун сведем до сорока недель,
Взамен недель поставим сорок дней,
А сорок дней сведем до сорока часов».
Тут случился кривой поп, сказал:
«А за сорок часов сочтем этот самый миг!»
И благословил их тогда вардапет,
Молвил: «Бог да отпустит ваши грехи!
Идите, будьте мужем и женой...»

Вся эта сцена — пример народного юмора, веселой иронии по отношению к служителям церквей и храмов, что, кстати, напоминает некоторые эпизоды из раннесредневековой армянской словесности.

Историк и писатель V века Фавстос Бузанд, автор новелл о плутовских проделках епископа Иоанна, рассказывает, как однажды этот самый епископ, чтобы отнять у разбойника лошадь, рукоположил последнего в священники. Разбойник возроптал: «„Я не был крещен, как ты меня сделал священником?“ И тогда Иоанн повелел: «Принесите мне кувшин воды». Взял воду, вылил ему на голову и сказал: «Ступай, вот я окрестил тебя». И сейчас же услал этого человека от себя». Этот же Иоанн скоморошился перед царями, ползал на четвереньках и кричал: «„Я верблюд, я верблюд, беру на себя грехи царя, нагрузите на меня грехи царя, и я возьму их на себя“». А цари писали дарственные грамоты на селения и агараки, скрепляли их печатью и кладили на спину Иоанна за свои грехи».

Мы, разумеется, не должны преувеличивать значение подобных текстов. В них порицается не вера, а служители веры. «Монахи лицемерные, чванливые, тщеславные, любящие почести более, чем Бога», — сокрушался Мовсес Хоренаци.² Последний из сасунских героев, Мгер Младший, переименовывает Храм Жертв (Матхаванк) в Храм Предательств (Матнаванк), так как игумен Матхаванка предал Мгера семи царям, врагам Давида.

* * *

Борьба сасунцев с завоевателями нигде в эпосе не переходит в борьбу христиан с иноверцами. Народные массы чужую религию никогда не воспринимали как враждебную. Известна средневековая поэма (автором принято считать поэта XIII века Ов. Ерznkaci) о двух влюбленных — христианине Ованесе и мусульманке Аше.

¹ «История Армении» Фавстоса Бузанда. Перевод с древнеармянского и комментарий М. А. Геворгяна, вступительная статья Л. С. Хачикяна, Ереван, 1953, с. 204—207.

² «История Армении» Моисея Хоренского, с. 215.

Ничего, что отец твой священник,
Мой отец — мулла и кади.
Всё забудем мы во мгновенье,
Лишь прижмешь ты меня к груди, —

говорит Аша.¹

Эта поэма была популярна в средневековой Армении — записаны и изданы бытовавшие изустно фольклорные варианты поэмы.²

В армянском эпосе о сасунских богатырях если и встает проблема национальных различий, то решается она в духе народной морали (народная мораль веротерпима), хотя призванный широко и убедительно изобразить победу над врагом героический эпос субъективен по своему назначению.

Мсра-мелик настаивает на том, что он — араб, а Давид — армянин. Мать Мсра-мелика отвечает на это:

«Мелик, — сказала Исмил-ханум, —
Как не понять того?
Ведь часто армянин арабу брат,
В гости ходят друг к другу и рады помочь...»

Исмил-ханум дважды прибегает к решениям отчаянным, крайним. Мсра-мелик хочет убить подростка Давида,

А мать, перед сыном грудь обнажив,
Сказала: «Коль ты Давида убьешь —
Будет ядом тебе мое молоко!»

И еще раз она прибегла к тому же отчаянному шагу, когда Давид занес меч над Мсра-меликом, ее сыном, ее надеждой:

Тогда Исмил-ханум открыла грудь свою,
И преградила путь, и говорит: «Давид!
Я кормила тебя! Я растила тебя!
Ты за это мне первый удар подари!»

Армянский эпос (и в этом одна из замечательных его особенностей) придал образу Исмил-ханум, женщины и матери, которая печется о судьбах мсырской державы, державы, враждебной армянам, — черты, возвеличивающие ее.

Между прочим, Цовинар с ее близнецами и их враждебным отношением к «отцовской» стране и Исмил-ханум с ее сыном Мсра-меликом

¹ Армянская средневековая лирика, «Б-ка поэта», (Б. с.), Л., 1972, с. 215.

² См.: А. Мнацаканян, Армянские средневековые народные песни, Ереван, 1956, с. 191—205 (на арм. яз.).

И его враждебным отношением к отцовской стране в известной мере схожи, и решают они сходные задачи, хотя интересы их противоположны.

Эпос изображает характеры сложные, эпос не знает примитивного деления героев на сугубо положительных и сугубо отрицательных. Эпос пишет людей неоднозначных.

Уже в первой ветви о Санасаре и Багдасаре, когда халиф хотел обезглавить беременную Цовинар, решив, что она ему неверна, он вдруг проявляет известное великодушие и понимание:

Ах, здесь правосудья нет!
Я на сносях, — когда меня убьют,
То двух людей мечом одним убьют, —

говорит Цовинар.

Правдивы слова Цовинар-хатун,
Подождем, пусть ребенка родит,
А потом обезглавим ее, —

говорят везири, и халиф приказывает: «Ее беречь! Вам говорю: до дня родин она вольна». Но и после рождения близнецов он ее не тронул — пусть вырастит детей. И когда Цовинар взороптала, что ее с детьми держат взаперти, то и в этом случае халиф идет ей навстречу.

Говорит халиф: «Цовинар права!
Пускай погуляет с детьми».
И растворил им привратник дверь,
Пошли они погулять.

А ведь это тот самый халиф, который хочет заколоть близнецов, дабы принести их в жертву своим идолам.

Запоминаются сцены, в которых мсырские богатыри «и весь народ» заступаются за несовершеннолетнего Давида, спасают его:

«Ой, ой, мелик, Давида хочешь ты убить?»
— «Жаль его, он — сирота!»
— «Ребенок он, у него недолог ум».
— «Мелик, не убивай, молва пройдет,
Что хлеба ты пожалел кусок, убил сироту!»

Вступаются за Давида как за дитя-несмышленыша даже везири Мсра-мелика, они советуют испытать Давида огнем и золотом:

Давида меж золотом и огнем поставь,
Если схватится он за огонь,
Значит, ум его не созрел, он дитя.

А если золото он возьмет,
Тогда он не дитя,
Тогда убей его!

А один из мсырских везирей в опасную минуту «дитя собой закрыл». Армянские сказители не пожалели добрых слов о добрых арабах. Героический эпос полон ненависти к врагам армянской земли, но не к арабам как таковым, не к народу и нации. Армянский эпос интернационален. И именно поэтому войну между арабами-завоевателями и армянами, защищающими свой дом, свою землю, эпос сводит в конце концов к поединку Давида с Мсра-меликом. Народы не хотят воевать. Народы, если даже по вине своих правителей враждуют друг с другом, мечтают о жизни другой, созидающей.

* * *

В разгар решающего сражения, когда «сверху, в лоб, арабов бил Давид, А снизу, в тыл, их бил Кери Торос», на поле боя появляется старик араб (он со своими семью сыновьями насильно пригнан на войну) и произносит «хорошее слово».

И молвил старик: «Давид,
Что же это делаешь ты?
Ведь живые люди перед тобой,
А ты без жалости рубишь их!..
Зачем ты губишь их?
Дети малые дома у них,
Отцы и матери дома у них.
Все они — обездоленный, бедный люд,
Это войско несчастное ты пожалей!
Если ты их убьешь,
Грех великий на душу возьмешь».
— «Зачем же они пришли? —
Спросил Давид старика. —
За какие наши грехи
Против нас ополчились они?»

Старик сказал: «Что ж было делать нам?
Мелик неволей нас привел.
Мы не враги тебе! Твой враг — мелик,
Иди и с ним воюй!»

Образ мудрого старика или старухи характерен для армянского эпоса. Когда Санасар и Багдасар построили крепость, старик земле-

пашец помог дать название крепости — Сасун.¹ В Медном городе по-кровительствовал Санасару белобородый старик. Старуха, хозяйка просянного поля, оберегала Давида. Она сказала ему о Цовасаре, о доспехах Мгера, о коне Джалали... «Будь мне матерью, матери нет у меня», — просит Давид старуху. «Отвечала: „Давид, я и так тебе мать...“»

Иосиф Орбели полагает, что в основе облика этой старухи «лежит не представление о земной матери, а представление о матери-земле, той стихии, которая у многих народов мира приняла образ женщины-матери, стала носительницей и подательницей вещих указаний и породила вполне очеловеченных пророчиц».²

Эпос пронизан идеей необходимости внутренне опираться на опыт старости. Не случайно Мсра-мелик зовет на войну еще и стариков («Мне множество белых, как снег, стариков нужны для войны»). Не случайно также, что самое, может быть, весомое слово — слово о войне — произносит на поле боя старик. Создатели эпоса говорят в данном случае устами старика араба. Старик и его сыновья — воины Мсра-мелика. И в том, что слово произносит старик араб, выразилась мировоззренческая, духовная и нравственная зрелость создателей эпоса, которые понимали, что арабы — это отнюдь не однородная масса врагов-завоевателей.

В одном из вариантов эпоса о старице арабе говорится: «Один старик, такой, как я, человек...» Сказитель Мартирос Григорян из Муша³ вводит в текст повествования новое лицо, и ему важно подчеркнуть, что он и сам такой, как этот старик араб, что он, сказитель, разделяет мысли араба о тех бедах, которые несет война семьям стальным и молодым, многодетным и бездетным.

Эпизод со стариком арабом необходим еще и вот почему. Для тех, кто защищает свою страну, свой очаг, война — это и разрушения, и смерти, и потери, но война для них еще и священна. Поэтому о жестокой бессмысленности войны говорит старик араб, приневоленный, пригнанный вместе со своими сыновьями в Сасун, дабы поработить народ, который здесь живет и трудится. Справедливость требует, чтобы отказались от войн и кровопролитий завоеватели, но никак не народы, воюющие против завоевателей.

По варианту Мурада Овсепяна (записал в 1902 году и опубликовал Саргис Айкуни) речь старика араба кончается словами о том, что народу все равно, кто победит в единоборстве Давида с Мсра-меликом:

¹ По народной этимологии Сасун восходит к *цасум* (ярость) или же к словосочетанию *сюн съян вра*, то есть колонна на колонне, нечто несообразно огромное.

² Иосиф Орбели, Армянский героический эпос, с. 130.

³ Записан вариант в 1971 году С. Арутюняном и А. Саакян. — Сасна Цер, т. III, с. 171.

Если бог дарует победу тебе,
Тебя, ты почитаешь крест, и сделаем царем.
Если же бог дарует победу ему,
Мы ему и так служим.¹

Казалось бы, в этом признании выражена готовность покориться любой власти, какая бы она ни была. Но мысль о том, что народу безразлично, кто победит и какую из двух враждующих религий проповедует победитель, имеет еще и другое значение — нет выбора, так как нет хороших царей. Главное избежать войны, а там — как получится-обернется.

* * *

Победив Мсра-мелика, Давид, однако, не становится царем. Из прочитанных мною 69 вариантов эпоса (практически все, что опубликовано), лишь в девяти-десяти сказано, что Давид стал мсырским царем.² Но только *сказано*. Нигде в эпосе, в его вариантах Давид не действует как царь Мсыра, если даже он назван царем. Что касается Сасуна, то здесь все больше царствует Цран Верго (Пачкун Верго, в переводе сводного текста — Трус-Верго). Когда надо с врагами воевать, за отчизну постоять, на первом плане оказывается либо Львораздиратель Мгер, либо Давид, а в периоды, так сказать, мирные, царствует Пачкун Верго, прозванный так по причине своей трусости. Верго из той породы людей, которые рады «послужить» стране, пока ей не грозит опасность. Чуть что, они уходят на второй план. И вновь они выплывают, оказываются первыми, когда опасность миновала, когда герои уже не нужны. Узнав о смерти Давида, Верго тут же

..подошел, сказал Хандут:
«Без боя пал Давид — теперь
Быть хочу я любезным тебе!
Храбреца Давида лишилась ты —
Другой найдется муж-господин!»

Другой — это он, Пачкун Верго. Исследователи связывают этот фрагмент эпоса с древнейшим обычаем, согласно которому молодая

¹ Сасна Црер, т. II, ч. 2, с. 277.

² Сказитель Крпо из Тарона, записал в 1873 году Г. Срвандзян. — См.: Сасна Црер, т. II, ч. 1, с. 30; сказитель Мурад из Апарана, записал Г. Овсепян, опубликовано в 1892 году. — Там же, с. 78; сказитель Тамо Давтян из Сасуна, записал в 1932 году К. Мелик-Оганджанян. — Там же, с. 186; сказитель Аракел Саруханян из Сасуна, записал в 1932 году К. Мелик-Оганджанян. — Там же, с. 223; сказитель Давид, записал в 1895 году Х. Дадян. — Сасна Црер, т. II, ч. 2, с. 343; сказитель Ало Давтян, записано (автор записи неизвестен) в 1913 году. — Там же, с. 377.

бездетная вдова становится женой брата или другого ближайшего родственника умершего.¹ Думается, однако, что этот эпизод уже в средние века понимался сказителями и слушателями и в плане чисто нравственном — обличались разного рода «пачкуны», умеющие извлекать выгоды из деяний героев.

В некоторых вариантах (из тех девяти-десяти, в которых Давид все-таки назван мсырским царем) Давид соглашается на престол, чтобы как-то утешить и поддержать Исмил-ханум.

— Э, — сказал, — не плачьте, мать, — сказал, —
Приеду в Мсыр, стану царем, буду вас беречь.²

Это Давид говорит матери и сестре убитого Мсра-мелика. По другому варианту:

Давид взял мать и сестру Мсра-мелика
И отвез их в Мсыр,
Отвез в Мсыр, ушел, остался там.³

Исмил-ханум и сама просит Давида остаться в Мсыре:

— Давид, ты куда?
Останься в Мсыре, царствуй здесь.⁴

Есть варианты, согласно которым Давид отдает мсырский трон Исмил-ханум,⁵ а в одном случае — сыну Мсра-мелика Хосрову, в другом — брату Кузбада (Козбадина).⁶

Давид не мог стать царем Мсыра еще и потому, что это значило служить чужой стране, а свою — предать забвению. Создатели эпоса осуждали тех из сасунцев, кто в трудные времена бежал из земли отцов и обосновывался на чужбине:

Некто из Сасуна пошел в Багдад и построил там дом.
И тогда мастер из Сасуна сказал:

¹ См.: Сасна Црер, т. II, ч. 2, с. 826.

² Сказитель Ованес Акопян из Мартуни, записал в 1973 году С. Арутюнян. — Сасна Црер, т. III, с. 390.

³ Сказитель Ерванд Унанян из Апарана, записали в 1972 году С. Арутюнян и А. Саакян. — Там же, с. 275.

⁴ Сказитель Аракел Шакоян из Нор-Баязета, записал в 1905 году Е. Лалаян. — Сасна Црер, т. II, ч. 2, с. 142.

⁵ Сказитель Григор-Похан Егиазарян из Гаваша, записал в 1916 году С. Тер-Акопян. — См.: Сасна Црер, т. I, с. 977; сказитель Амбарцум-Хало Григорьян, записал в 1916 году С. Тер-Акопян. — Там же, с. 1010; сказитель Ован Зорабян из Кажета, записал в 1934 году К. Мелик-Оганджанян. — Там же, с. 1123.

⁶ Сказитель Таро Қазарян из Айоц Ҕзора, опубликовано в 1909 году, автор записи неизвестен. — См.: Там же, с. 1067; сказитель Торгом Саргсян из Нор-Баязета, записали в 1972 году С. Арутюнян и А. Саакян. — Сасна Црер, т. III, с. 491.

— Какое имел право человек из Сасуна
Пойти в чужие края и построить там дом?
Пойду разрушу тот дом.
— Как же, человек, ты пойдешь и разрушишь? —
Сказал: — Вот этим молотом разрушу до основания. —
Пошел он в Багдад,
Спросил у одного, у другого, нашел тот дом.
Взял и разрушил его.
Пришли, сказали:
— Какое ты имел право разрушить наш дом? —
Сказал: — Имею право разрушить этот дом до самых основ. —
Какое имел право человек из Сасуна
Уйти и обосноваться на чужбине?
Разрушил тот дом и ушел.
Остановили его: — Ты разрушил тот дом,
Ты говорил, разрушу до самых основ? —
Сказали: — Земля прилипла к твоему молоту,
Дай мы почистим молот,
Чтобы в Сасун не попала эта земля. —
Взяли, почистили молот,
Отдали ему, спросили:
— Ты разрушил дом полностью? —
Сказал: — Все до самых основ.
Сасунский житель, какое он имеет право
Пойти построить дом на чужбине.¹

Этот сюжет, опубликованный в приложении к одному из вариантов эпоса «Давид Сасунский», характерен своим крайним, может, даже болезненным, ревнивым патриотизмом.

* * *

Сасунцы должны жить в Сасуне. Поэтому сасунские мальчишки избивают по наущению Кери Тороса гусанов. Хандут-хатун послала их в Сасун, чтобы они воспели ее. Кери Торос (по некоторым вариантам Ован-Горлан²) смекнул, что песнями гусанов Хандут хочет заманить Давида в Капут-кох, в царство ее отца Вача-Марджо:

«Избейте гусанов! Они пришли,
Затем чтоб нас в обман ввести,
Нашей лани сердце с собой унести», —

¹ Сказитель Мартирос Мурадян из Мока, записали в 1972 году С. Арутюнян и А. Саакян. — Сасна Црер, т. III, с. 56—57.

² См., например: Сасна Црер, т. II, ч. 2, с. 601.

волнуется Кери Торос. И волнуется не зря. Когда умер Давид и Сасун осиротел, капуткохцы хотели обмануть сасунцев и оставить у себя сына Давида Мгера Младшего. Кери Торос и Ован-Горлан отправляются в Капут-кох.

Пришли, с правителем речь повели:
«От невестки и брата есть младенец у вас,
Где он?»
А тот в ответ: «Умер он!»

Сасунские богатыри должны служить Сасуну. Поэтому в подавляющем большинстве вариантов, как и в сводном тексте, сразу после победы над Мсра-меликом Давид возвращается в Сасун. Но прежде он отпускает с миром войско Мсра-мелика, произносит перед воинами-арабами речь. Это, в сущности, ответ Давида на слово старика араба:

Кто из полководцев и войск уцелел,
Он всех их призвать велел и сказал:
«Вам всем дарую волю я!
Идите все туда, откуда вы пришли.
Идите по домам, живите, как вы жили.
И дани с вас не нужно мне.
За жизнь мою молитесь и за души
Родителей моих!
Сидите дома у себя спокойно,
Не вздумайте ходить воиною на Сасун!»

Совершив главный подвиг своей жизни, Давид женится на Хандут-хатун. Но чтобы жениться на красавице Хандут, он сражается с врагами ее отца. Это царь френков Пап, персидский царь Шапух, китайский государь, алепский царь да еще черный царь и государь Ланд-банд...

Как нагрянувший град
Поспевшую ниву ломает, крушит,
Так в гущу рати Давид с головою влез.
Пошел рубить, напирать на них.

Однако Давид, возмужавший, умудренный в сражениях с Мсра-меликом, не питает злобы ко всему вражескому войску. Слово старика араба пало на благодатную почву. Давид помнит смысл и дух этого слова. «Не бойтесь, — кричит он воинству Пап-френка, — скажите, где ваш царь укрыт?» Давид не щадит царей и правителей:

Он знатных всех заколол,
Вместо них простых назначил, сказал:
«Доколь вы живы — не знайте войны!»

В недавнем прошлом, вплоть до 30—40-х годов, высказывалось мнение о феодальном происхождении «Давида Сасунского». Некоторые исследователи, усмотрев историческую подоснову ряда сказаний эпоса, пытались ее раскрыть, и в процессе этой работы, — пишет Иосиф Орбели, — сложилась та феодальная концепция о происхождении эпоса, которая оказывается безнадежно запертой в тупике, как только берется на учет мировоззрение героев эпоса...».¹ В работах об эпосе феодальная концепция подверглась критике, исследователи убедительно писали о народности «Давида Сасунского». Пишут об этом — и это естественно — в работах новейших, но все еще пишут полемично, хотя сейчас никто не ставит под сомнение народность народного эпоса, никто не разделяет «ученую» точку зрения, согласно которой эпос был создан феодальной знатью. Теперь мы исходим из того, что эпос, как выразилась Арфо Петросян, «являлся первой и, длительное историческое время, единственной трибуной народной мысли».²

Народ хранит в своей памяти и передает изустно все, что народно по самой своей сути — идеологической и художественной. Формула «Доколь вы живы — не знайте войны!» выражает всю суть народного миропонимания, народной нравственности и гуманизма. Народ, создавший героический эпос о сасунских богатырях, пришел к этой формуле, пройдя через многие тяжелейшие испытания — войны, нашествия, геноцид... Исторически обозримая двухтысячелетняя история армянского народа была высокой и трагичной. «Доколь вы живы — не знайте войны!» — с этими словами на устах армянский народ залечивал раны, возрождался для новой жизни и новых свершений.

* * *

В ряду героев-сасунцев Давид занимает центральное место. Не все сказители сказывают весь эпос, все четыре ветви, но ветвь о Давиде, за редким исключением, сказители не пропускают. Они считают эту ветвь основной в эпосе.

Давид многое перенял от отца Мгера Старшего и деда Санасара. Санасар и Багдасар как-то настигли разбойников, угнавших скот.

Схватили, избили, стадо освободили,
Со скотом разбойников смешали,
В город погнали...

Сопоставим этот эпизод (пока еще произвольно) с другим. Сыи Санасара Мгер пробует заняться охотой.

¹ Иосиф Орбели, Армянский героический эпос, с. 88.

² А. Петросян, О героическом эпосе народов Советского Союза. — В кн.: Героический эпос народов СССР, т. I, М., 1975, с. 5—6.

Будь проклята охота моя!
Я бежал по лесам, лисиц догонял,
Удирали они между рук у меня!
Зверя бегом догнать не могу.
Я издали в зверя пытался стрелять —
Не долетала стрела,
Без добычи домой возвращаюсь, —

печалится Мгер. В двух этих эпизодах угадывается известный сюжет из жизни Давида-пастуха. Давид весь день ловил зайцев и лисиц, решив, что это козлята из порученного ему стада.

...от рыжих козлят, от белых козлят,
От длинноухих козлят покою мне нет.
Удрать норовят, заморили меня,
Нет мне от них житья,
Умаялся я! —

жалуется Давид, согнав выловленных им зайцев и лисиц в одно стадо с козлятами. В другой раз Давид пригнал в город со стадом коров зверей покрупнее:

Снизу льва пригнал,
Сверху барса пригнал,
Слева шакала пригнал,
Справа медведя пригнал,
Волков отовсюду согнал,
Всех зверей согнал, все пастбища ими забил.

Поведение сасунских богатырей уже в годы их юности часто не укладывается в нормы общепринятые, что подчеркивает их исключительность и как бы предсказывает будущую героическую жизнь необыкновенных подростков.

Санасар и Багдасар играли со сверстниками и, сами того не желая, покалечили их.

Государь, живи вовек.
Поиграли мы слегка! —

оправдываются братья. И тогда

Царь сказал: «Ведь вы — богатыри,
Разве могут они с вами быть наравне?
Нет, так не делайте впредь!»

Эпические герои-сасунцы — еще и еще раз подчеркивает эпос — были детьми необыкновенно крупными и необыкновенно сильными. Давид рвал колыбельные ремни, рвал цепи.

И сплели канат из воловьих жил,
Привязали канатом к люльке дитя,
Воздух вдохнет дитя в себя —
Растягивается канат жиляной.
Воздух выдохнет дитя из себя —
Стягивается канат жиляной.

Цепями испытывали младенца Мгера, чтобы удостовериться в том, что это — сын Давида:

Приволокли от плуга цепь.
Той цепью свили, связали его,
Но как заплакал малыш, в люльке тянуться стал —
Распалась цепь —
Не счесть, на сколько кусков разорвал...

Судя по текстам сказителей, представление о сасунских богатырях как о великанах свойственно было эпосу уже на ранней стадии его формирования.

Кстати, Мсра-мелик, основной противник Давида, изображен чудо-вищным исполином:

Дым, что клубится над шатром,
Ведь то не дым,
То изо рта мелика пар валит.

Чтобы разбудить Мсра-мелика, к его ногам прикладывают раскаленный вертел, а затем — и раскаленный лемех от плуга... Все это характеризует мелика как силу грозную, но отвратительную. Что же касается сасунских богатырей, то детали, слишком гиперболично рисующие их внешний облик, были, как мне кажется, позднее приглушенны сказителями. Мне представляется отголоском ранней редакции эпоса рассказ одного из сказителей о том, что род Давида происходит от дэвов-великанов и что люди Давидова рода были сами великанами. Однажды Давид встретил «маленького человека», положил в карман, принес, показал отцу. Отец сказал ему, что это такие же люди, как и сми, великаны, сказал, что эти станут править миром не силой, а умом, мудростью.¹ По другому варианту (сказитель Мурад Овсепян, записал и в 1902 году опубликовал Саргис Айкуни) «маленького человека», («такого, как мы», — уточняет сказитель) приносит в кармане Багдасар и мать ему объясняет, что эти человечки — тоже божьи созданья, живу-

¹ Сказитель Вардан из Мока, записал С. Айкуни, опубликовано в 1901 году. — Сасна Црер, т. I, с. 329.

щие умом, а ее сыновья рождены от моря, их род — род богатырей, уповающий на силу.¹

По варианту Тевоса Малхасяна из АлашкERTA (записали в 1970 году Г. и В. Григоряны) Давид, встретив «маленького человека» (человек на ладони Давида двигался словно муравей), решил проверить, действительно ли эти существа живут умом. Существу предложили повесить на шею лошади сумку с ячменем в сорок пудов. «Как же человек осилит такой вес?» — терялся в догадках Давид. А человек не стал поднимать сумку. Он подвел к ней коня, и, когда конь свесил голову, чтобы поесть ячменя, человек накинул на шею коня веревку от сумки. Давид поразился сметливости человека и сказал Хандут:

Ты говоришь верно,
Как эти явились,
Наши дела пошли не так,
Наше время прошло.²

По некоторым другим вариантам эту же простейшую задачу предлагает «маленькому человеку» Мгер Младший.³ Так наивно и бесхитростно определяют сасунские богатыри способности обыкновенных людей.

* * *

Сасунцы порой непонятливы, простоваты. Часто их непонятливость — от отсутствия хитрости, от неиспорченности, от неумения правильно ориентироваться в сложнейших и, увы, не всегда справедливых людских делах.

В темницу, куда был заперт Давид, проник однажды луч света. Давид весь день безуспешно бился с лучом, хотел его победить. Пришел наставник и сказал:

...«Ну, закрой глаза».
Закрыл глаза Давид.
Заткнул наставник щель платком,
И сразу свет пропал.
Давид открыл глаза, сказал:
«Вот тебе на! А я ведь тут с утра дерусь,
А выгнать его никак не могу!

¹ Сасна Црер, т. II, ч. 2, с. 240—241.

² Сасунцы Давид. Новые варианты, с. 183.

³ Сказитель Крпо из Тарона, записал в 1873 году Г. Срвандзян. — Сасна Црер, т. II, ч. 1, с. 43—44; сказитель Манук Торосян из Алашкерта, записал в 1932 году К. Мелик-Оганджанян. — Там же, с. 352; сказитель Мартирос Григорян из Муша, записали в 1971 году С. Арутюнян и А. Саакян. — Сасна Црер, т. III, с. 182.

Как же ты вдруг выгнал его?
Неужель ты сильнее меня?»
А тот: «То был не человек, не зверь,
То просто был луч солнца».

И словно бы озарило Давида. Он произнес слова, достойные того, чтобы мы их запомнили, остановились на них:

...Но если солнце есть,
Так зачем же меня вы держите здесь?

Отец Давида, Мгер Старший, никак не мог понять, отчего в Сасуне голод. Оказалось, огромный лев преградил пути, по которым везли хлеб. Этот лев, объясняют Мгеру, страшен тем, что он поедает людей.

И Мгер спросил: «Издалека ест
Иль, когда подойдешь, тогда и съест?»
Отвечал Кери:
«Нет, сперва подойдет, а уж ест потом!»
Мгер сказал: «Если так,
На рассвете я выйду на льва!»

Время эпических героев-богатырей архаично. Когда настают новые времена и человеческие отношения усложняются, доблесть и сила с их рыцарской прямотой решают, увы, не многое. Поэтому эпический герой не страшится схватки, ему не страшны драконы и чудища, но он боится сил невидимых, страшится людских козней, так как они губят человека «издалека» и нет возможности сразиться с врагом открыто, по-мужски. «Я в лицо не вижу беды», — теряется Мгер. У католического миссионера XVIII века Марина Добритцхофера есть интересное наблюдение, на которое ссылается Иоганн Готфрид Гердер. Миссионер спросил у абионцев: «„Вы каждый день убиваете в поле тигров и никогда не боитесь их, что же вы трусите и бледнеете перед воображаемым тигром, которого вообще нет?“ Тогда один храбрый абионец ответил ему: „У вас, отцы, еще нет правильного представления о наших делах. Тигров в поле мы не боимся, потому что видим их, — мы убиваем их без труда. А искусственные тигры нас страшат, потому что мы их не видим и не можем убить“.¹

Только лишь раз Мсра-мелик взял над Давидом верх, а все потому, что Давид не видел беду в лицо. Вероломный Мсра-мелик заманил его в шатер, и Давид угодил в яму, нарочно прикрытую коврами.

¹ См.: Иоганн Готфрид Гердер, Идеи к философии истории человечества, с. 202.

Сасунцы по простоте душевной склонны верить даже своим врачам. Так, Мсра-мелик Старший (муж Исмил-ханум) испугался Мгера Старшего и прикинулся другом ему, легко убедив Мгера, что отныне он ему предан.

Человек хороший — мелик,
Дань отменил и долг простили, —

рассказывает сасунцам Мгер Старший. Ему невдомек, что Мсра-мелик хитрит, изворачивается. Эпический герой не может и не должен понимать механизм вероломства, сложную логику разного рода ухищрений. Ведь понять — это значит в какой-то мере еще и принять условия игры. Человек, понимающий все, — это испорченный человек. Эпос говорит о нравственном превосходстве сасунских богатырей над их коварными и хитрыми врагами. Поэтому все, что делают герои-сасунцы, они делают в строгом соответствии с правилами народной морали, справедливой и высоко человечной.

* * *

Народный взгляд на войну и мир, народная мораль ярко выразились и в том, что герои *героического эпоса* не только воюют, но и строят. Санасар и Багдасар возводят крепость, но прежде они строят дома для простого народа.

Сперва дома устроим для них,
Достроим крепость свою потом, —

решает Санасар.

Эпос дает и некоторые подробности строительства крепости:

Санасар безмерные камни принес,
Багдасар необытные камни принес.
И потом в город пошли,
Мастеров, рабочих привели.
На камни мастер посмотрел,
Сказал: «Я строить не могу!»

И тогда братья-близнецы, работая под началом мастера, возводят крепость сами. Богатыри из Сасуна наделены необыкновенной силой не только для того, чтобы воевать и показать себя в бою, но и для того, чтобы строить:

На стену взошли мастера,
А Давид те громадные скалы хватал,
Хватал, приносил, на стену их громоздил.

Ни рабочим тех каменных глыб не поднять,
Ни мастерам тех глыб не поднять,
На стену не взгромоздить.
Рабочие мелкие камни несут,
Мастера те мелкие камни
Вокруг каменных глыб кладут,
Рабочие глину месят, ее мастерам подают,
Скрепляют камни мастера.

Тысячелетние архитектурные памятники Армении наглядно подтверждают сегодня слова создателей эпоса о богатырях — воинах и строителях. Мы выстояли и выжили потому, что мы строили, не разрушали. Мсра-мелик собирает отовсюду людей для войны:

Мне многие множества смелых юнцов
Нужны для войны!
Мне многие множества вдовых сынов
Нужны для войны!

Ован-Горлан зовет отовсюду мастеров-строителей:

Aх! зову, зову, пускай придут,
Aх! зову, зову, пускай придут!

Aх! пять сотен — тысяча душ, чтоб камень ломать,
Aх! пять сотен — тысяча душ, чтоб камень тесать...

Оба эти эпизода символичны и противоположны по смыслу и духу. Армяне и воевали для того, чтобы отстоять жизнь на своей трудной, прекрасной земле и чтобы строить, созидать. «Когда Давид Сасунский ~~свободил~~ женщин и девушек Сасуна от Козбадина и других сборщиков податей, он построил для них неподалеку от Сасуна большой дом и купил огромное число прялок. И женщины сели за работу...»¹

Предания воспевают Давида как строителя и армянского атланта. Крепость в Цовасаре была названа именем Давида, «потому что при ее строительстве от тяжести начало оседать каменное перекрытие, и Давид Сасунский сам подпер его, чтобы не обвалилось».²

Царь Тевадорос, отец Армаган и дед Давида, среди прочих героев эпоса — лицо эпизодическое, но весьма и весьма характерное. Он буквально обуян идеей строительства крепостей.

(Замечу, что создатели эпоса продуманно и скрупульзно вводят в текст новые имена. Обилие героев замедляет действие — основной сюжето-

¹ А. Т. Ганаланян, Армянские предания, с. 153—154.

² Там же, с. 158—159.

образующий элемент эпоса. Поэтому, чтобы не перегружать эпос, скавители-гусаны даруют долгую жизнь Кери Торосу, а также Овану-Горлану и Цран-Верго. Появившись в эпосе однажды, они так и остаются вечными дядьями. Умирают Санасар и Багдасар, а Кери Торос остается с Мгером Старшим — он ему дядя, умирает Мгер — он Давиду дядя, умирает Давид — он и Мгеру Младшему дядя. Также и сказочный конь Джалали — он всем героям конь.

Такая условность художественно оправдана — внимание слушателей, а теперь и читателей, не рассредоточивается на восприятие в новой ветви нового фона, нового окружения. В фокусе повествования постоянно находятся действия главных героев, а приданые им близкайшие родственники переходят из ветви в ветвь, решая одну и ту же задачу: они представляют род и своими фоновыми действиями, иногда очень активными, освещают поступки главных героев — сасунских богатырей.)

Итак, царь Тевадорос мечется по стране и всюду строит крепости. А у царя — дочь Армаган. Приехали к нему в Маназкерт сваты:

Спросили: «Дома ли Тевадорос?»
Им отвечали: «Он уехал в Ван».
Они помчались в Ван
И там спросили: «Здесь Тевадорос?»
Ответили: «Он крепость заложил,
Позавтракал и ускакал в Арзрум».
Те понеслись в Арзрум.

Спросили: «Был здесь Тевадорос?»
— «Здесь был он, крепость заложил,
Потом отобедал и уехал в Карс».
Примчались к ночи в Карс,
Спросили: «Здесь Тевадорос?»
— «Нет! — говорят, — он крепость заложил,
Отужинал, уехал в Маназкерт».

В одном дне жизни Тевадороса, описанном здесь с такой стремительностью, угадывается характер всей его деятельности, вся его жизнь. Роль Тевадороса в эпосе небольшая, но по яркости и лаконизму — одна из лучших. Есть предположение, что образ Тевадороса (как, впрочем, и Кери Тороса) восходит к образу армянского князя Теодороса Рштуни (VII век), известного тем, что своими энергичными и продуманными действиями, силой оружия и дипломатии успешно противостоял византийцам и арабам.¹

Теодорос стал в эпосе Тевадоросом, то есть Крылатым Доросом

¹ См.: Манук Абегян, Труды, т. I, с. 354—355.

(Торосом), — от слова *tev* — крыло. Так народными певцами-сказителями было осмыслено, семантизировано имя. И может быть, это ставшее легендарным имя князя Теодороса, а может, и нет. В цитированном эпизоде обыгрывается семантика имени — крылатый Тевадорос то в Ване, то в Арзруме, то в Карсе... Перечислением как бы обозначается география армянского зодчества — названы некоторые из тех городов и областей, где армяне издревле жили и строили храмы, крепости, дома, мосты и дороги...

* * *

Построил однажды мост Мгер Младший. Был он еще мальчиком.
И когда прохожие шли по мосту,

Мгер подходил, прохожих бил, говорил:
«Сучьи дети, вот мост связал я,
Уж не для вас ли связал?
Зачем идете по моему мосту?»

Когда же люди переправлялись вброд,

...Мгер подходил, всех бил, говорил:
«Сучьи дети, вон мост связал я,
Так я ж для вас связал,
Зачем же вам вброд идти?»

Уже по этим детским шалостям можно догадываться о сложном, в некотором смысле даже противоречивом образе Мгера Младшего. Сложность образа, очевидно, оттого, что не всегда этот образ (а восходит он ко временам мифическим) воспринимался как средоточие добра и добрых сил. Есть даже мнение, что «все указанные до сих пор легенды о кавказских Прометеях отнюдь не рисуют этого Прометея в положительном смысле». И только в «проблесках положительного понимания личности и судьбы титана заметно соединительное звено между кавказскими сказаниями и греческим мифом о Прометее, похищателе священного огня ради блага людского». ¹

Роль Мгера, героя народного эпоса, сложна и вместе с тем наиболее приближена к роли Прометея.

Героем многих ветвей эпоса является только лишь один Мгер, Мгер последней ветви. Считается, что первоначально так и было. Позже его образ распался на Мгера-Львораздирателя (Старшего) и Мгера Младшего.

¹ А. Ф. Лосев, Проблема символа и реалистическое искусство, М., 1976, с. 250—251.

Т. Авдалбекян находит, что первоначально эпитет «айруцадзев» означал львоподобный Мгер и лишь позже был переосмыслен как львораздиратель. При этом он ссылается на армянское предание о том, что солнце (а Мгер был богом солнца) оберегает от злых духов большущий лев с большущим мечом — отсюда и львоподобный Мгер,¹ имя которого, как замечает Иосиф Орбели, «в родственных формах встречается у многих народов — и в древней Индии, и в древнем Иране, и у армян...»²

Эпос сохранил не очень понятную фразу: «Бойся солнца, Мгер». Это Гоар, будущая жена Мгера, жалеет его, исполина, не умевающегося в шатре. Она приносит еще один шатер и велит поставить над ногами Мгера, чтобы защитить его от солнца. И в этом контексте слова Гоар, конечно же, понятны. Но когда-то эта фраза «Бойся солнца, Мгер» имела, должно быть, иной контекст, который был обусловлен связью образа Мгера с солнцем.

Сейчас невозможно восстановить контекст тех древнейших времен. Но можно обнаружить в вариантах эпоса какие-то «остаточные явления». Мы уже говорили о прометеевских чертах Мгера, прикованного к скале или заключенного в скалу. Согласно целому ряду вариантов, «дверь Мгера» раз или два в году открывается и либо он выходит на время из скалы, либо оказавшийся поблизости пастух входит к нему и может вынести из скалы Мгера (разумеется, если успеет, ибо «дверь Мгера» мгновенно закрывается) несметные сокровища.

К Мгеру, в каменное заточение, идут и за огнем. Т. Авдалбекян считает, что Мгер находится в скале как бог солнца и выходит оттуда как символ огня, теперь уже семантически почти не прослеживаемый, отдаленный. Истоки этой символики в том, что ударом камня о камень высекался огонь, заключенный, по представлениям древних, в камне.³ И не о том ли говорит предание, согласно которому Мгер на огненном коне выходит из скалы и «совершает круг по небу и земле и возвращается в свою пещеру».⁴

По вариантам Ована из Мока (записал и опубликовал в 1892 году Г. Овсепян)⁵ и Мартироса Мурадяна из Мока (записали в 1972 году С. Арутюнян и А. Саакян)⁶ в скале Мгера оказывается девушка, посланная за огнем, — «дверь Мгера» была открыта, и она пошла на огонь, горевший в скале (это еще одно свидетельство того, что в камне, скале скрыт огонь). Проходит на земле год, а девушки нет. Родители (по варианту М. Мурадяна) справили по ней поминки. Ровно через год

¹ Тад. Авдалбекян, Арменоведческие исследования, Ереван, 1969, с. 45 (на арм. яз.).

² Иосиф Орбели, Армянский героический эпос, с. 120—121.

³ См.: Тад. Авдалбекян, Арменоведческие исследования, с. 45—46.

⁴ А. Т. Ганаланян, Армянские предания, с. 274.

⁵ Сасна Цнер, т. I, с. 244—245.

⁶ Там же, т. III, с. 55—56.

девушка приходит и приносит с собой огонь. Она была удивлена, когда ей сказали, что отсутствовала целый год.

Отец сказал: «Дочь моя,
Вот уже год, как ты ушла, куда ты ходила?»
Девушка сказала: «Отец, я только что ушла,
Зажгла светильник и вернулась». ¹

Одно мгновение жизни Мгера в скале равно, как оказалось, одному году жизни людей на земле. У Мгера свой, «замедленный» календарь, его миг равен году, его год равен более 500 000 земных лет, что указывает на принадлежность Мгера к богам, которые живут по особому, «божественному» календарю. «Так, 100 лет Брахмы, по индуистским представлениям, — это 311 040 000 000 000 человеческих лет, один день Брахмы — это срок существования данного мира...» ²

Мгер при рождении был отмечен свыше, родился он с рукой сжатой в кулак, а когда разжал,

Увидел Торос в руке его — сгусток крови...
Сказал: «Ай-ай! Разве что камень
В себя его примет,
А земле его не снести!
Он в каплю крови мир превратил
И зажал в ладони».

Это сводный текст. Какая-то демоническая сила уггадывается в Мгерее Младшем и по вариантам эпоса. В 1873 году Г. Срвандзян записал рассказ о том, что за «дверью Мгера», в скале, где заточен Мгер, находится колесо судьбы, это колесо людей всей земли, всего земного шара. Мгер неустанно следит за вращением колеса. Когда оно остановится, в тот день Мгер выйдет из заточения и разрушит мир.³

Я уже говорил, что сасунские богатыри превосходят врагов в силе и превосходят их нравственно. Есть, однако, в эпосе небольшой, десятистрочный эпизод. Мгер отомстил за смерть отца, разрушил до основания город Хлат и видит вдруг — на горе Немруд вьется дым.

«Ты зачем дымишь?» — говорят.
Ведьма в ответ: «Чтоб не хвастали вы,
Будто весь вы разрушили город Хлат
И ниоткуда не вьется дым».
Схватил старуху Мгер, два дерева пригнул,

¹ Сасна Црер, т. I, с. 245.

² См. статью Н. В. Брагинской «Календарь» в кн.: Мифы народов мира, т. I, с. 612—615.

³ Сасна Црер, т. II, ч. 1, с. 5.

К деревьям ноги ее привязал
И снова отпустил.
Так он ведьму убил...

Здесь говорится о ведьме. В некоторых вариантах — просто старуха.¹ Но кто бы она ни была, ее можно понять и можно оценить исполненный высокого смысла ее поступок. Мы, армяне, сами не раз зажигали огонь на развалинах сел и городов, чтобы и враг не думал, будто мы уничтожены, и чтобы жизнь продолжалась на армянской земле, чтобы не погас огонь очага и вечно вился над нашей землей дым Отечества. Этот эпизод со старухой, разжигающей огонь, характерен для армянского народного мышления, и он закономерен в армянском народном эпосе.

Жестокость Мгера в сцене со старухой и оттого, что он мстил за смерть отца (месть по природе своей негуманна, жестока), и в то же время это рецидив былого, доэпосовского отношения к Мгеру — за долгие века своего изустного бытования он был олицетворением и доброго, и злого начал.

Почему все-таки в эпосе проявились эти рецидивы? Мгер разрушит мир. Мгер превратит этот мир в каплю крови. Рецидивом я бы назвал сцену со старухой.² А в остальном злость Мгера, его демоническая сила оправданы той ролью, которая предназначена ему эпосом.

Судьба и жизнь Мгера трагичны. Он проклят отцом, и он «выпадает» из своего времени — время лживо. Поэтому кому как не Мгеру, человеку, наделенному необыкновенной силой, разрушить этот лживый мир. Злость Мгера, его демонизм созидательны — он разрушает лживое, чтобы затем утвердила на земле правда. Создатели эпоса, по существу, переосмыслили демонизм Мгера, придали его разрушительной силе высокой сознательности, цели.

* * *

Герои эпоса связаны преемственностью. Мгер Младший продолжает дело отца — сражается и побеждает Козбадиновых внуков, осадивших Сасун, освобождает сорок исполинов от их сестры-людоедки, печется о своих друзьях... Странствуя по миру, он и в чужих краях оставляет по себе добрую память. Город Джезиру трижды сметала река.

¹ См.: Сасна Црер, т. II, ч. 1, с. 125—126; т. III, с. 181.

² Мгер Младший жестоко обходится еще с одной старухой. Она хитра и лукава, она очень хочет, чтобы ее дочь зачала от богатыря Мгера (Сасна Црер, т. I, с. 49—50, 113—114). Это, очевидно, позднейший, искаженный отголосок «романа» Мгера Старшего и Исмил-ханум, которая заманила к себе Мгера и родила от него Мсра-мелика.

Приехал в город Мгер.
Громадную скалу он притащил,
За городом в поток ее свалил,
На две реки поток разделил.
Одна река — налево течет,
Другая река — направо течет,
Меж ними город стоит невредим.
На скале он крепость с башней возвел,
А крепости той — не разрушиться ввек.

По преданию, Мгер построил еще и дорогу, ведущую к Сасунской крепости: «Эту красивую дорогу построил Мгер из Сасуна, когда земля под его тяжестью стала расступаться. Мгер построил ее и всю вымостил кремнем, чтобы крепкая была». ¹

Но никакими добрыми делами не смягчить Мгеру горечь неприкосновенности, — он обречен странствовать по миру, ему, как Агасферу, «отказано в покое могилы», он бессмертен...

Исполнены трагизма эпизоды, в которых Мгер посещает могилу Багдасара («Из Сасунского дома был Багдасар»), могилы отца и матери. На могиле Багдасара Мгер произнес молитву, а уходя, «коснулся камня рукой — след пальцев камень хранит». В этой подробности — безмерная тоска Мгера по своему роду, по некогда могущественному Сасунскому дому. Мгер, судя по вариантам, после смерти Давида был изгнан из Сасуна, и не чужестранцами-завоевателями, а силами внутренними, враждующими с родом Санасара — Давида. Мгер причитает на могиле отца:

«Встань, отец, встань,
Сегодня выпал снег,
Промерзли ноги твоего сына Мгера.
Прогнали меня из отцовского дома,
Обделили, прогнали меня из Сасуна». ²

Грозный, могущественный Мгер — и беспомощный сирота, вызывающий жалость и сочувствие. Создатели эпоса иногда словно бы забывают, что повествуют о людях необыкновенных, об исполинах. И тогда братья-близнецы, однажды уже истребившие войска халифа, спасаются от него бегством, что, в общем, не приличествует героям-богатырям. Мы видим в эпосе Давида, который испугался Горгиза и «со страху поклонился ему», видим Давида, оробевшего перед несметностью войск Мсра-мелика. Чудесный конь Джалали приходит ему на помощь:

¹ А. Т. Ганаланян, Армянские предания, с. 160.

² Сказитель Геворк Петросян, записали в 1970 году Г. и В. Григоряны. — Сасунцы Давид. Новые варианты, с. 249; см. также: Сасна Црер, т. I, с. 524, 698.

Эй ты, маловер! Отчего твой страх?
Скольких твой меч сразит,
Стольких я своим огненным дыхом спалю!
Скольких твой меч сразит,
Стольких грудью я повалю!
Скольких твой меч сразит,
Стольких копытом я раздавлю!
Не унывай, — гони меня! ¹

Чувство страха перед бесчисленностью вражьих полчищ испытывают и другие герои эпоса, для которых, кстати, не характерна бравада, похвальба перед боем.

И в том, что герои-богатыри могут вдруг повести себя как простые смертные, нет противоречия, а если и есть, то оно не случайно, оно задано. Создатели эпоса не могли не подчеркнуть, что при всей своей исключительности герои эпоса соотносимы с людьми обыкновенными.

Хандут-хатун — женщина необыкновенной силы и доблести, в некоторых эпизодах по-женски беспомощна и кротка. И видит Давид

...Хандут-хатун
Босая бежит за ним.
Да, за всю свою жизнь Хандут-хатун
Босой не ступала стопой,
А теперь босая полем бежит,
И ноги ее в крови.

Сорок пахлеванов семь лет надеялись-ждали, что одного из них полюбит Хандут. И когда она предпочла им Давида, пахлеваны решили убить его. Хандут спасает Давида не силой (она — слабая женщина, ее возлюбленному грозит опасность), а умом, чисто женской изобретательностью. Пахлеваны напоили Давида и, как только уснет, убьют его. Чтобы он не уснул, Хандут взирается на плоскую кровлю и сквозь ёртык (окно в кровле) кидает орехи.

Попадет в поднос, поднос зазвенит,
Подымет голову Давид, и те попрячут мечи:
Дрожали, страх забирал.
Хандут — за орехом орех —
Весь мешок побросала вниз.

¹ Сказитель Тумас Петросян из Мока (записал С. Айкуни, опубликовано в 1909 году) объясняет, почему конь был назван Джалали. Следуя народной этимологии, сказитель возводит Джалали к арабскому слову *джалат* (джалад, т. е. палач), что значит, по Петросяну, «растоптать под копытами, ударить, убить» (Сасна Црер, т. I, с. 420).

Влюбившись в Давида, Хандут как бы теряет свою сверхъестественную силу, становится женщиной, женой.

...за конем идет Давид, Хандут говорит:
«Ах, я совсем забыла,
Не вывела я скакуна для тебя. —
Вослед Давиду бежит, кричит:
— Давид, Давид, постой,
Тебе коня приведу!»

Хандут хочет быть послушной женой, знающей свои обязанности по дому и исполняющей их.

* * *

«Давид Сасунский» посвящен истории рождения, жизни и подвигов четырех поколений сасунских богатырей. Соответственно в эпосе четыре части, называемые ветвями. Название, должно быть, связано с представлением о генеалогическом древе, символизирующем родословную армянских богатырей.

В героях четырех ветвей много общего — растут не по дням, а по часам, в стычках со сверстниками обнаруживают свою необыкновенную силу, совершают подвиги, сражаются и побеждают либо вишапов и чудищ, либо несметные полчища врагов-чужеземцев... И все четыре поколения сасунцев чуточку безумны, чудаковаты, по-детски непонятливы... И вместе с тем каждому из богатырей предназначена своя роль, у каждого своя задача. Напряжение сюжета от ветви к ветви возрастает. Ветвь о Давиде — высшая, кульмиационная точка. Последняя ветвь о Мгере Младшем — ветвь завершающая, но еще в большей мере — это ветвь-ожидание, надежда. Настанут лучшие времена, Мгер выйдет из заточения, и завянутся на ветвях дерева почки, пойдут побеги... Если жизнь покидает одну ветвь дерева, сказано в «Чхандогья-Упанишаде», — «та засыхает; если покидает вторую — та засыхает; если покидает третью — та засыхает; если покидает все [дерево] — то все оно засыхает... Поистине, покинутое жизнью это [существо] умирает, но [сама] жизнь не умирает. И эта тонкая [сущность] — основа всего существующего». ¹

Никогда жизнь не покидала дерево жизни сасунских богатырей. Народ жил, и жизнь не умирала.

К тысячелетию «Давида Сасунского» Аветик Исаакян написал стихотворение «Наши историки и наши гусаны»:

¹ Чхандогья-Упанишада. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий А. Я. Сыркина, М., 1965, с. 115—116.

В уединенье темных келий, в глухих стенах монастырей,
 Историки, от скорби сгорбясь, перед лампадою своей,
 Без сна, ночами, запивая заплесневелый хлеб водой,
 Записывали ход событий на свиток желтый и сухой:
 Нашествие орды кровавой, несчастье гибельной войны,
 Врагов жестокую расправу, крушение родной страны.
 Оплакивали Айастана жестокосердную судьбу
 И упивали неустанно, что бог услышит их мольбу.

А в сельских хижинах убогих, у очага, перед огнем,
 Гусаны наши пели песни и запивали их вином;
 И в песнях славили победы и пели гимн богатырям,
 Врагам предсказывая беды, и поражение, и срам.
 В сказаньях этих величавых обрел бессмертие народ.
 Они нам завещали славу передавать из рода в род,
 Они для счастья нашей жизни сумели вольный дух сберечь,
 Учили охранять отчизну, держа молниеносный меч.¹

(Перевод М. Зенкевича)

Аветик Исаакян сказал о самой главной, сущностной особенности народного эпоса. Эпос кричит о жизни и славит жизнь, бьющую ключом, вольную, вечную. В этом — пафос народного эпоса, его назначение.

«Давид Сасунский» — эпос героический. Героизм — в том, чтобы не дать себя поработить, не дать себя унизить, в том, чтобы отстоять огонь своего очага — вечнозеленое дерево жизни.

Такое понимание героического предполагает гуманизм. Смысл жизни и подвигов сасунских богатырей (армянских пастухов, землепашцев и строителей) хорошо объясняют найденные Давидом слова: «Доколь вы живы — не знайте войны!»

Левон Мкртчян

¹ Аветик Исаакян, Избр. произв. в 2-х т., т. 1, М., 1975, с. 251.

ДАВИД САСУНСКИЙ
Армянский народный эпос

Ветвь первая
САНАСАР И БАГДАСАР

С поклоном помянута будь,
Цовинар-хатун!
С поклоном помянут будь
Ты, Санасар!
С поклоном помянут будь
Ты, Багдасар!
С поклоном помянут будь
Ты, Кери Торос!
С поклоном помянута будь
Ты, Дехцун!
Помянуты будьте добром
Родители тех,
Что слушать меня пришли!

РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО БЛИЗНЕЦОВ

Вот начало: был нехристъ халиф,
Да еще царь армянский Гагик.
Нечестивый халиф в Багдаде царил,
Царь Гагик Берд-Капотином владел.
Был стар царь Гагик, он в сединах был,
Он груды имел добра,
Наследника не имел.
А царская дочь красива была,
Звалась Цовинар-хатун.

В те времена царь, что был посильней,
Силою брал дань у других.
А багдадский халиф был могуч, силен.
Он с войском пришел в наш край,
Добычи он много взял,
Он много пленных увел,
Порезал армянский люд,
И властитель армян Гагик
Стал багдадскому дань платить.

И в один из дней с ложа встал халиф,
За данью двух людей послал:
«Мне сберите дань, принесите дань».
И пришли они к нам; пришли,
Мимо дворцовых палат прошли
И мимоходом взглянули: свет
Чудный горит.

Вверх поглядели, — что ж видят они?
Красавица девушка светится там,
Словно солнцу говорит:
«Что тебе всходить? Выйду — я».
Красива так, красива так была она,
Что с двухнедельною луной была сходна,
Что за семью горами встает.
И сборщики только узрели ее —
Разум оставил их,
И наземь упали они без сил.

А как час миновал, царь за ними послал.
Идут, пришли, к царю их ведут,
Но не держат речи они,

Безмолвно встают, тихо в путь идут
И к халифу в Багдад пришли.
И спросил халиф: «Принесли? А! Не принесли!»
Говорят: «Да живет вовек наш царь!
Что дань! Что брань!
Увидели диво мы,
Остались чудом в живых.
Сомненья нет: ты бы месяца три
Без чувств на земле лежал».
Вопрошают халиф: «Что ж видели вы?»
Говорят они: «О, живи вовек!
К чему тебе страна, казна, мошна?
В руках твоих добро, товар,
Земля, страна, казна, мошна,
Сребра и золота много есть, каменья есть, —
Крестопоклонник, властелин армян,
Такую дочь имеет он,
Такой полна она красотой,
Что отдашь за нее ты всё.
Так вот, государь, огневую красу и увидели мы.
Хоть и день и ночь не ешь и не пей —
Лишь с ее красоты не своди ты очей!»

И всё об одном думал халиф —
И царю армянскому весть послал.
Сказал: «Мне в жены дочь отдай!»
И ответил царь: «Ты — араб, я — армянин,
Славлю я крест, идолов — ты,
Зачем же дочь свою отдам тебе?
Я дочь свою не дам тебе».
И халиф сказал: «Государь,
Коли мирно не отдашь,
Так с войной мне отдашь.
Когда мне дочь не дашь,
Тогда возьму, весь край пленю я твой,
Народ я вырежу твой,
Весь род я вытравлю твой,
Весь город я выверну твой,
И трон я выкину твой».
Царь армян: «Иди войной, — не отдам!»

И багдадский халиф воззвал, велел:
«Ну-ка мне рать живей собрать, и в путь!
Отдаст мне дочь — добро, не отдаст —

Все камни сметите, просейте песок
И всё, что найдется, доставьте мне».
И собрали рать, пошли,
На царя армянского пошли:
«Так вот, государь,
Иль свою ты нам дочь отдай,
Иль камни сметем, просеем песок
И всё сберем, унесем».
Поглядел царь армян — да и узрел:
Как на небе звезды — ширится рать.
Сразились, людей много легло.
Был сломлен царь христиан.

Цовинар-хатун на кровле была.
Подумала так: «Напрасно отец нагрузил
Так много греха на плечи мои,
Лучше бы отдал халифу меня.
Из-за меня одной много людей убьют,
И дети, сироты их, меня проклянут,
А меня всё же силою уведут.
Уж лучше б я волей своею пошла,
Стояло бы прочно царство отца».
И встала дочь, идет она к отцу в диван
И вопрошает: «Ты, отец, о чем грустишь?»
Отец ответ ей дал, сказал:
«Вот о чем сейчас размышляю я:
Все эти воины из-за тебя пришли.
Иль тебя уведут, иль наш край разметут.
Халиф багдадский, — край захватит он,
Убьет одних, других возьмет в полон.
Как дочь отdam? Ведь он — араб, армянка — ты».

Цовинар-хатун в ответ:
«Когда за нехристия я волей не пойду,
Из-за меня народ он перебьет.
Пойду уж лучше я сама,
Другим уж лучше не терпеть.
Пусть я умру, погибну за отца,
Да не разрушен будет Айастан
И душ людских без счета не умрет. —
И говорит: — Отец, отдай меня!»

И созван был тогда совет.
Как быть: отдать иль не отдать?

И сам епископ, царский тесть,
Когда ему послали весть, — пришел.
И в тот же миг Кери Торос пришел.
Созывает царь всю семью свою.
Совет собрал, сказал:
«Как же, люди, решите вы?
Мне дочь ли ему отдать иль сраженье дать?
Подайте-ка мне совет».
И один: «Не молвлю я «воевать», —
Пускай берет, к себе ведет».
А другой: «Промолвлю я «воевать»,
Мы все дадим себя растерзать,
Только б невесту нашу
Царю нехристианскому не дать!»
(Ну да — народ! Честь свою защищают!)
Торос, — ему едва восьмнадцать было лет, —
Смекнув, что хочет весь совет
Царю почтенье оказать,
И воевать, и девушку не выдавать,
Сказал: «Ты, царь, живи вовек,
Я вижу, хочет весь совет
Сражаться, девушки не дать.
Да только лучше ей пропасть,
Чем народу всему пропасть.
Когда ты, царь, мне захотел бы взять, —
Дадим ее, пускай берет.
Ведь мы не сможем битвы дать.
Считай, что дочери такой
Ты никогда и не имел».
И держат вновь совет.
Епископ тоже так решил, сказал:
«Предать ли за душу одну народ резне?
Нет! Пусть одна лучше уйдет!»
Не так порещил бы отец,
Да видит, что выбора нет, —
Согласился и отдал он дочь.
Он халифу посланье послал:
«Да. Согласны. Дадим. Бери».

Вот халифом приказ ко сборам дан.
Он прибыл в кругу своих поезжан.
Хатун к отцу — и держит речь:
«Отец, халифу ты скажи:
Пусть мне он отведет дворец,
Когда пойду я под венец.

Пусть год не входит он ко мне,
Не входит в брачный полог мой.
Отец, туда духовника отправь со мной,
Чтоб утром он и вечером служил,
Чтоб я молилась там.
Мне сверстниц девушек и мамку дай, — пойду.
Проси, отец, халифа обо всем,
Чтоб обещал, не забывал о том».

Отец дочерние слова
Багдадскому халифу повторил.
«Вот, халиф, — сказал Гагик, царь армянский, —
С тобою я не стану воевать,
С тобою договор мы заключим.
Коль дочь свою тебе отдам,
С моей дочерью пошлю духовника,
Ей — своему кресту поклоны бить,
Тебе же — идолов молить.
Еще: ей отведешь дворец,
Год целый к ней ты не войдешь,
К ней в брачный полог не войдешь».

И воскликнул арабов царь:
«Душа, с тобою я помирюсь,
С тобою договор заключу.
Мне в жены дочь отдай,
А дань уж мне не шли.
Пусть имя мое дочь твоя носит,
Пусть зовут меня зятем твоим —
И довольно!
Мне дочь отдай, к себе ее возьму,
Близ моего дворца
Дворец построю ей.
Даю обет: не только год,
А хоть семь лет к ней не войду.
И с ней ты девушек пошли,
Духовника ты с ней пошли.
Пусть верою живет своей,
Я ж буду верой жить своей.
Армяне — вы, арабы — мы!»

Царь языческий стан свой в Техтисе разбил,
А Гагик, армянский царь,

Сидел в долине Норагех, —
Царь Гагик имел там свой летний приют,
И пахучие сладкие пастбища,
И луга в красивых цветах.
Там струился Молочный родник.
Там и разбили шатры
И дней восемь справляли пиры.

Цовинар-хатун просит отца:
«Мой отец, государь,
Ведь завтра — Вознесенье, ты разрешенье дай,
Пойду-ка я пройдусь к источнику в Гили.
Со мною чтоб десять сверстниц пошли, ты повели.
Гулять пойдем, потешимся вдали.
До вечера мы погуляем там,
А вечером на место я приду».
Царь Гагик сказал: «Разрешаю,
Пройдись, погуляй, вернись».
Цовинар-хатун и все прислужницы ее
Пошли гулять к Молочному роднику
И гуляли там до вечерней зари.
И видит девушка мир светлый, видит солнце.
И свой у каждого есть труд,
С поливкой — там, со стадом — тут,
И люди пашут и поют.
Замлела девушка и молвила: «Эй-вах,
Такой красивый мир не видела и в снах».
И в храм Гили пошли, молились там,
Из храма вышли, на гору пошли,
На травку сели, пили-ели там,
И выше взошли — и видят морскую синь.

Бвечеру, перед тем как домой идти,
Цовинар своим молвит девушкам:
«Девушки, поднимайтесь вы,
Погуляйте вы, веселитесь вы!
Горсть воды я выпить пойду».
Она к берегу моря пошла
И сдержала свой шаг на скале.
И стоит и глядит, где же морю конец?
И с мамкою села на берегу, плачет она:
Устали ноги, долго шла.
И мамка захотела пить,
Да и царевну жажды томит.

Вот говорит:
«Как солона в море вода!
Ой, хоть бы каплю выпить воды!
Воды испив, смирила б я пламенный жар».
И мамка ищет, — нет! Нету воды!
Тогда сказала Цовинар:
«Господь, открой ты здесь родник,
Мне путь к спасенью ты яви!»
И господь повелел — расступился прибой,
Явился ключ сладкой воды.
Она глядит: на берегу большой валун,
Пенится, бьет бурливый ключ из валуна.
Вокруг же валуна вода обводит круг.
Никто б в одежде не сумел
Пройти к ключу, испить воды.
Она сняла наряд. И вот
Подошла к ключу.
И в ключ бессмертных сил она
Погружает ладонь.
Хлебнула горсточку воды,
Еще полгорсточки, —
Вода ушла.
И зачала она от двух горстей воды.

И царевна своих созвала подруг
В обратный путь, и домой пришла,
К царю Гагику пришла.

И отошла с зарей халифа рать.
А дочь свою армянский царь принарядил,
Ей сесть на седло помогли, повезли, привезли
В столицу арабской земли.
И лишь в Багдад они вошли —
Халиф обрадовался им.
Семь суток свадьбу онправлял,
Гостей созвал, пирыправлял,
Он ей чертог уединенный дал,
Снабдил водой, хлебов послал,
Сказал: «Из палат ни ногой!»
Цовинар-хатун в семипалатный дворец вошла,
Семь дверей заперла, плакала.

Дни миновали, срок пришел.
Цовинар поняла: зачала она

От моря пенного, — поняла она,
Но ни слова халифу она.
Догадался халиф, сказал: «Не от меня!»

Пошел, на трон воссел, везиру всё сказал:
Так, мол, и так!
Ну как тут быть?
Везир сказал: «Живи вовек! Убить!»
Дан палачу приказ:
«Ей голову снеси!»
В чертог палач вошел, сказал:
«Я приказ получил —
Тебе голову снять».
Говорит Цовинар:
«Ах, здесь правосудья нет!
Я на сносях, — когда меня убьют,
То двух людей мечом одним убьют.
Скажи халифу: пусть он подождет,
Пока рожу ребеночка я.
И поглядим,
Человек ли он иль другое что,
А потом пусть меня казнят.
Когда хотите правду знать,
В Багдад пришла нетронутой
И всё такая ж я.
А мой ребенок — богом дан,
От моря пенного зачат».

Палач к господину пошел,
Сказал: «Да хранит тебя бог!
Мне жена твоя, царская дочь,
Сказала так-то и так».
И везиры молвили царю:
«Правдивы слова Цовинар-хатун,
Подождем, пусть ребенка родит,
А потом обезглавим ее».
Дали срок, чтоб дитя родилось.

Халиф сказал: «Ее беречь!
Вам говорю: до дня родин она вольна.
Я — муж ей, Цовинар — моя жена,
Не вмешивайтесь!»
Прошло девять месяцев и девять дней,
Девять часов

И девять минут —
И тут
Она двух мальчиков родила,
Был один — полновесен, другой — не вполне.
Меликст-священник пришел,
Крестил над тондыром,
Дал имя старшему — Санасар,
Дал имя младшему — Багдасар.

И пришла к халифу весть:
Двое мальчиков у тебя есть!
Все люди годами растут,
А ребята эти днями растут.
И халиф как поглядел,
Да увидел детей — потемнело в очах.
Говорит он: «Велеть палачу —
Пусть пойдет, обезглавит ее».

И палач пришел к Цовинар.
Сказал: «Обезглавить пришел».
Отвечает ему Цовинар:
«Знать, законов нет правых у вас!
Как же вырасти детям грудным,
Если голову мне отрубить?
Вот как вырастут дети мои,
Мне и голову можно отсечь,
А бежать мне отсюда — невмочь».

Палач удалился, к халифу пошел.
Везира вызвали, сказал ему халиф:
«Посоветуй мне!»
И сказал везир: «Десять лет мы дадим ей пожить,
Подрастут мальчуганы — казним.
Ей ведь отсюда не убежать.
Пускай под замком сидит,
Пусть из дворца — ни ногой».

И полгода она провела во дворце
И халифу потом посыпает сказать:
«Да разве я птица, чтоб в клетке сидеть?
Разве я пленница здесь?
Почему в затворе мы?
Почему нам не гулять?»

Лишь в оконце на кровле
Мы солнышко видим,
Лишь в оконце на кровле
И видим мы свет!»
Говорит халиф: «Цовинар права!
Пускай погуляет с детьми».
И растворил им привратник дверь,
Пошли они погулять.

И в Багдаде опять побежали дни,
И дети росли день ото дня.
Годовалыми были они —
Пятилетним ребятам сравни.
Выходили гулять, с детьми играть,
Да били детей, колотили до слез.
А как только прошло годов пять или шесть,
Санасар да Багдасар —
Крупные крепыши.
Мать сказала: «Отец Меликсет,
Не пора ль им грамоту знать?»
Стал их священник тогда обучать
И научил их читать и писать.

И вот однажды халиф
Мальчуганов к себе позвал,
Ввел их в покой, оглядел.
И как мощные их он увидел тела,
Как заслушал их голос и речь,
Страх напал на него.
Отпустил их. Ушли.
Стало ребятам семь лет.
Раз играли с детьми Санасар, Багдасар,
И везира сынишке Санасар затрещину дал,
Шею свернул, искалечил навек.
Тогда везир к халифу пошел,
Сказал: «Что за кару нам бог послал?
Калечат наших детей!»
Халиф сказал: «Что делать мне?
Чувствую я, лишь подрастут —
В бороду вцепятся мне.
Потерпи, управу на них найдем!»

Мальчуганы подросли.
Они однажды поутру
Играли меж детей.

Вдруг те накинулись на них,
Кричат: «Ты — пич! Ты — пич! Ты — пич!»

Ушли два братца от детей,
Пошли к родимой и сказали ей:
«Расскажи-ка нам, кто наш отец,
Иль пойдем, в воду бросимся мы».
— «Вы дети халифа», — молвила мать.
«Нет, — сказали они, — если б он был нашим отцом,
Не кричали б нам дети: „Ты — пич, ты — пич!“»
И Цовинар тогда сыновей
Решила в дому подержать.
Но дни прошли, и вновь они
Пошли на площадь поиграть.
И каждому ребята вновь
Кричат: «Ты — пич! Ты — пич! Ты — пич,
Зачем привязался к нам!»
В слезах домой они пришли,
И мать их обняла.
И плачут всё сильней,
И матери — невмочь.
И говорит: «Уймите, детки, плач,
Возьму я вас утром с собой,
Скажу вам о вашем отце».

Проснувшись, Цовинар служанке говорит:
«Держи-ка узел. С детьми
Пройдемся на берег реки,
Чтоб с наших душ немного отлегло».

Идут. И снова сказал Санасар:
«Скажи мне, мать, кто был мой отец,
Не скажешь мне — утоплюсь».
Мать сказала: «Сынок, нет отца у тебя!»
А сын отвечает: «Мать,
Я ведь не камнем, я не кустом был зачат,
Верно, отец мой был — человек».

Сказала мать: «Сынок, как-то раз
Я с мамкою вышла на берег морской.
Я пить захотела, сказала я:
«Пойди, воды мне найди».
И море раскрылось, и вкусная вышла вода.
И выпила я воды.
Пригоршней полной — сперва,

Пригоршней неполной — потом.
Мне послал вас господь от этой воды.
Ты — от полной пригоршни,
От неполной — буян Багдасар».
И сын промолвил ей:
«Откуда мы родом, узнали мы.
Ты родом откуда, скажи!»
Говорит она: «Дети мои,
Я — царя армянского dochь».

И гуляли до тьмы,
И во тьме пришли ко дворцу, —
И в покой свой вошли.
И вновь немало дней прошло...
Глядят Санасар да Багдасар:
День ото дня тает их мать.
Говорят: «Мать, что с тобою, скажи?
День ото дня таешь ты, мать.
Очи твои слезами полны.
А нам ведь уж ведомо: сам творец
Нас, двух сыновей, ниспослал тебе,
Ты — халифа жена,
И нет у тебя недостатка ни в чем.
Ну гляди, посуди, что ж тебе горевать,
День-деньской убиваться зачем?»

Обернулась мать, говорит:
«Ах, сыночки мои, как мне грустной не быть?
Не сегодня, так завтра халиф
Снимет голову с вас и с меня!»
Отвечает ей так Санасар:
«Так вот оно что!
Ладно, мать, поглядим,
Как он головы нам снесет».

И когда десять лет истекло,
Царь арабов призвал палачей,
Сказал: «Отрубите головы им!»
Санасар и Багдасар
Сидят у себя на курсей,
Смеются, беседуют. В комнате смежной
Плачет их мать.
К ней вошли палачи, говорят:
«Сегодня будем головы вам рубить!»
Цовинар говорит: «Мне-то легко рубить,

Да как на деток моих
Поднимете руки — головы им рубить?»
Один палач говорит:
«Коли правду сказать — трудно руку поднять,
Да как же нам быть,
Государев приказ: рубить!»
Плача, молвила мать: «Тише ты говори,
Как бы нам деток не испугать.
Дайте им еще немного поиграть,
Да и сами посидите, отдохните».
— «Нам, — ответил он, — не велено сидеть,
Живей, из дома выйдем,
Не рубить же вам головы тут!
Всё можем кровью замарать. —
И кричит он: — Эй! Живей!»

Услышал его Санасар,
Дверь открыл, глядит: несколько человек
С обнаженными саблями ждут.
Сказал: «Кто вы там? Что тут нужно вам?»
Молит чуть слышно мать палачей:
«Не говорите деткам моим:
«Сюда велели прийти, чтобы головы вам снести».
Надо деток моих из дома вести.
Пусть встанет палач с одной стороны,
Пусть встанет палач и с другой стороны.
Пусть разом бьют, разом голову ребенку снесут,
Чтоб не видел и взмаха он,
Чтоб не ахнул бы он,
Да сперва разите меня, после — детей!»
Палач сказал: «Ну, ступай! Быстрей!»
Санасар спросил: «Мать, куда вы, зачем?»
— «Ненадолго уйдем, сейчас придем».
— «Зачем же, скажи, тебя повели?
Неспроста тебя повели».
Промолчала мать.
Санасар на пороге стоит, говорит:
«Тут что-то не так, ты что-то таишь».
В сердце колнуло мать, говорит:
«Сынок, если правды от вас не тантъ,
Государь велел мне голову отрубить».
Сын спросил: «Кто же посмеет рубить?»
— «Вот он».
Сын подошел к палачу, не сказал — прорычал:
«Ты ль моей матери голову смеешь рубить?»

Палач сказал: «Царь приказал
Головы с вас поснимать».
Лишь пощечину дал Санасар палачу —
Голова отлетела, только тело стоит.
И бегут со всех ног палачи наутек.
Пошли, каждый царю сказал:
«Твой сын палачу пощечину дал —
Голова отлетела, только тело стоит».
И послал тогда халиф
Рать на них войной.
Санасар и Багдасар глядят:
Идут померяться силой войска.
И вышли они и до полной мглы
Половину тех перебили войск,
А закончив бой, пришли домой.

Поутру против них никто не пошел.
И сказал халиф полководцу так:
«Ступай на бой!»
Полководец халифу ответил так:
«Идти не в силах мы, падишах,
Всех смелей они, всех сильней они,
Сметут они царство твое.
Лучше нам расплюз забыть,
Чем все войска загубить».

И думу думает халиф, —
И понял: выбора нет,
Опасно упорствовать, — и сказал:
«Ничего с ними сделать нельзя.
И теперь-то мне ясно:
Невинна была Цовинар,
А дети могучие, дети морские,
Цовинар — мне жена,
Будут ее сыновья моими детьми!»

И халиф большое войско взял
И пошел на наш народ.
И когда войска еще собирали,
Цовинар-хатун приснился сон.
Проснулась она, о сне говорит.
Сказала: «Халиф, да хранит тебя бог,
Послушайся ты меня,
Не ходи войной на армян!»

Халиф спросил: «Почему?»
Она говорит: «Этой ночью видела сон».«Какой же ты видела сон?»
Она говорит: «Много маленьких видела звезд,
И сомкнулись они вокруг большой звезды.
И негаданно звездочки эти
Бросились, как на бой, гурьбой,
На большую звезду,
И сверкнула звезда — и вот
Упала у наших ворот».
— «Эх, — молвил он, — милая Цовинар,
Ты спиши на подушках своих
Да видишь сны за других».
Сказал: «Покуда время мое не ушло,
На войны мне должно ходить».
Она в ответ: «Как знаешь поступай,
Желаешь — иди, а нет — не ходи!
С моим отцом всё ж словом связан ты».
Сказал: «Я раздумал,
Пойду я войной, соберу свою дань».

Он войско собрал,
Всё нужное в войне для войска он собрал
И вот в поход идет.
И он семь лет войну ведет.

И пришел, войсками обвел Берд-Капотин,
Осадить повелел, засел.
На пастбища скот не мог выходить,
И ни сева, ни пахоты нет,
И давно не падало наземь зерно.
Вздорожало в городе всё.
И так всё росло в цене,
Что, хоть отдай золотой, —
Хлебца не получить.
И ни хлеба нет, ни воды.
Помирал с голода люд.
Сидит народ по домам,
Всё об одном говорит:
«О господь! Вернутся ль года,
Когда доступна была еда
И сыты были всегда».

Набрал царь Гагик горячих юнцов,
Из них сколотил полки.

И еще до зари
Царь Гагик сомкнул все войска в одно
И к бою готовить стал.
Лишь когда повелю, вы бросайтесь в бой».
И когда в ночи была тишина,
Только раз он воскликнул: «В бой!»
И лишь начали бой
Против языческого царя —
Передовые врага побежали вспять,
Тыловые врага — их стали кромсать.
Кери Торос и все юнцы
Разят, крашут халифа войска,
И кромсают они, разрубают они, убивают они.
И в такой тут резне халифа войска,
Что друг друга не могут бойцы признать,
И рубят они своих, и кромсают они своих,
И кровь их бежит рекой.

Вот идолопоклоннику царю
Докладывают: «Войска уж нет!»
Царь-идолопоклонник посмотрел:
Его бойцы друг друга бьют, разят, —
И к нему всё ближе резня.
И вот он стоит один.
И сильно его наш народ потеснил,
На большого верблюда он сел, —
Из Шама был этот верблюд, —
Сел, ускакал.
С зарей встают, идут
И видят — войско халифа истреблено.

Когда халиф верблюда гнал, скакал,
Молил он идолов своих помочь ему в беде:
«О где вы, идолы, о где?
Спасите, вырвите меня из рук армян,
Вам в жертву сорок дам отборных телок!»
(Но ведь нет у идолов силы, чтобы помочь!)
И опять взмолился он:
«Спешите, идолы, помочь, —
Пуд серебра я вам преподнесу,
И золота я вам преподнесу,
Укройте меня от врага!»
(Но может ли идол помочь,
Ну кто он, чтоб помочь подать?)
И тогда воззвал халиф:

«О идол Главный!
Когда придешь, когда придешь,
Из рук армян меня спасешь,
И домой вернусь и укроюсь там —
Санасара, Багдасара в жерту тебе я дам».
И дэвы явились,
Подлезли под брюхо верблюда,
Его понесли, халифа спасли.

Этой ночью привиделся сон Цовинар.
Ей снится: в руках у нее по свече,
Вот-вот погаснут они, дрогорят,
И вот горят еще горячей.
И вот среди ночи встает она,
Своих детей к себе зовет она.
На колене одном уселся один,
На колене другом уселся другой.
И плачет она, целует их лица она.
Сыновья говорят: «О чём твои слезы, мать?»
И мать обо всем, что видела во сне,
Рассказала своим сыновьям:
«Как уснула — явился святой Карапет,
Сказал, что халиф в большую беду попал
И в жертву идолам вас обоих обрек,
Только в дом он войдет — в жертву вас принесет.
Ищите к спасению путь,
Сыновья мои, в жертву он вас принесет!
Бегите, спешите к царю армян,
Звезда большая укажет вам ночью путь,
А днем выспрашивайте,
Где царя армянского край».

И встали мальчики, оружие берут,
Лук, стрелы, сабли, палицы берут.
Еду они берут,
В хурджины суют,
Идут в конюшню царя.
«Дай, конюший,— кричат,— нам двух добрых коней
Выводи их нам скорей».
Привели коней, сели, к матери спешат,
В грудь ее целуют, говорят:
«Ну, мать, пускай халиф теперь придет
Нас поймать, заколоть, идолам отдать!»

И возвзвали к богу своему,
И удалились ночью в путь.
Уж далеко в пути застал их рассвет.

Свет зари всплывал, уже день вставал,
Цовинар-хатун из палат идет.
На кровлю поднялась она,
Глядит: без войска, без полководца халиф
Сидит на верблюде шамском, спешит.
Почернел халиф, словно смола.
Спрыгнул с седла нечестивый халиф,
В тревоге бросился он к дверям.
Цовинар-хатун говорит:
«Ох, да крепок будет твой дом,
Помоги тебе бог!
Семь лет о тебе слухи добрые шли,
Так что же с тобою стряслось?
Где же, царь, войско твое,
Военачальник твой?»
И ответил жене халиф:
«Прижал неверных я, я лишь победы ждал,
Их запер накрепко в стенах.
Близка была сдача, пришли их последние дни.
Как вдруг на заре посыпался огненный град,
Побил полководцев и войско мое,
Меч огненный меж ратей полыхал,
Друг друга рубили бойцы.
Я сам в эту сечу едва не попал,
На верблюда сел — ускакал.
Я идолам своим немало жертв сулил,
Им серебро, им золото сулил, —
Не пришли, не помогли,
Не пришли выручать меня.
Главному идолу тогда я обещал
Санасара дать, Багдасара дать —
И спас он меня, унес он меня».

И подумала так Цовинар:
«Создатель! Детей моих вздумал убить,
Безвинных моих детей!»

И вот немного дней спустя
Нечестивый халиф в капище был.

И тут злой враг — храни вас бог! —
Для козней в идолов проник,
И жертву потребовал он.
И Главный идол взревел:
«Где Санасар? Где Багдасар?
В жертву их дай, мне в жертву дай —
Все желанья твои,
Все твои пожеланья выполню я».

И верховный жрец пред халифом предстал, сказал:
«Идолы требуют жертв».
А халиф: «Всё бери, всё отдашь!»
— «Два сына у тебя
От дочери армянского царя,
Вот их-то и просит он,
Он жертвы другой не возьмет».
Халиф сказал: «Так! Дней через десять
Поведем к родникам идолов мы гулять.
Со мной оба сына окажутся там,
Там идолам в жертву их дам».

И халиф в тот же день пришел, сказал:
«Ты знаешь, в чем дело, царская дочь?»
— «А что?» — говорит Цовинар.
«Ты знаешь ли, идолы жертвы хотят».
Цовинар-хатун говорит:
«Да разве тут коров нетельных нет,
Иль нет овец, иль им конец?
Зарежь, в жертву дай!»
Он сказал:
«Нет, нет! Человечины ждут!»
— «А! Человечины ждут?
Да мало ль в столице твоей бездомных детей?
Зарежь, в жертву дай!»
Говорит халиф:
«Нет! Нет! Детей твоих ждут!
Жена, я обещал им в жертву твоих детей,
Я должен мальчиков твоих взять,
Им в жертву отдать
За то, что ими был спасен я от врага».
Дочь Гагика-царя говорит:
«Да не рухнет твой дом! Ну так что ж!
Ведь дети мои — также дети твои,
Как хочешь ты, так и делай ты».

Зарежь, в жертву дай!
Но где же наш Санасар, где Багдасар,
Мы — тут, ну а дети где-то снуют».

БЛИЗНЕЦЫ СТРОЯТ САСУН

И с той ночи, когда сыновья Цовинар
На седла вскочили, отправились в путь,
Четверо суток всё гнали они коней,
И покинули край, где царил халиф.
И кружили, кружили они,
Добрались до чужой земли.
Приехали к ущелью и вошли,
К большой реке, что там текла, они пришли.
И видят — узенький ручей
Бежит, спешит с высоких гор,
И прямо в реку буйно бьет,
И реку режет поперек,
И оставляет светлый след среди реки,
И с ней сливается в одно, и с ней течет.

И друг другу тогда задали братья вопрос:
«Что за сила живет в этом тонком ручье,
Что может реку он делить, пересекать,
И перерезать всю, и в берег ударять?»
Багдасар сперва помолчал,
Санасару потом сказал:
«Я немало дивлюсь, да, немало дивлюсь.
Чуть видная вода течет,
Вон с тех вершин сюда течет,
И в реку бьет, и реку рвет она,
И с ней течет, вперед течет она.
Что за вода то, Санасар?»
Ответил брат:
«Всесильных то вода.
Кто выпьет воды у истока ее,
Тот станет силен,
Спину его не ударит оземь никто.
Кто отыщет исток еле видной воды,
Кто дом свой построит у этой воды,
Тот сам будет сильным, сильнее других,
И сын его будет силен.
И сын ему сильного внука родит,

И внук будет сильных иметь сыновей. —
И клятву дает Санасар:
— Хлеб и вино и сущий господь!
Где отыщем исток воды,
Мы жилье там себе возведем.
Нам сила дана — и вода сильна.
Мы напьемся этой воды, всех мы станем сильней»,
Багдасар сказал: «Быть по воле твоей!»

Большую реку пересекли, дальше прошли,
Путь вдоль ручья нашли,
Вдоль узкой воды пошли.
И пошли два брата, пошли.
И все шли, и все шли, по горам, по горам,
И по высям пошли этих гор,
День и ночь для них стали — одно.
И все шли, и пришли в неведомые края:
Пропасти, скалы, увалы, провалы, обвалов края,
И лес, и медведь, и много зверя.
Безлюдно было вокруг.
Еще издали полюбились им эти края, —
И пошли и нашли они ключ.
Из ключа бежала струя,
Текла, рассекала реку внизу.
И видят: сладка вода, отрадно окрест.
Санасар сказал: «Пригоже кругом,
Вот наконец и путям конец,
Тут мы выстроим дом, построим дворец».

И вот их привал у истока вод.
И решили: крепости место есть.
И младшему брату старший сказал:
«Ступай поживей, дичи убей,
Костер запалим, поедим.
А я на камни камни навалю,
Чтобы мета была, где селенью быть».

С неделю, до поры как полдень наступал,
Багдасар дичь убивал, приносил.
Санасар глыбы таскал, межи обводил,
Основание крепости он заложил.
Санасар к востоку пошел,
Багдасар к закату пошел.
И каждый по глыбе брал, таскал
И еще таскал, взгромождал.

И брат брату руку помоши дал,
Каждый к богу воззвал,
Мастером стал, стену из глыб вздымал.
У малой воды, где был их привал,
Рука об руку строили дом,
Дом всё выше вставал.
Потом Санасар брал стрелы и лук,
На ловитве порой он дневал-ночевал.
Багдасар всё наваливал глыбы —
И крепость взрастала у скал.

Так десять-двадцать дней всё строили
крепость они,

И раз пришел Санасар,
Увидел: устал Багдасар
И сон его одолел.
Окровавленную не зажарил добычу,
Бросил на землю и спал.
Загоревал Санасар,
Сказал: «Подымайся, братец, пойдем,
Тут худое житье!
Долго ли жить будем мы здесь
Да мясо без соли есть?
Если б господь нам помог —
Мы халифский имели б чертог».
Багдасар Санасара спросил:
«Ну что же нам делать, брат?»
— «Что же! По свету пойдем».

И сели два брата тогда на коней,
Поехали, прибыли в Муш,
К царю Мушегу пошли;
Склоняют чело, землю целуют семь раз,
На восьмом поклоне застыли,
На груди руки скрестили.
И спрашивает их царь:
«Что, дети, нужно вам
И в чем у вас нужда?»
Говорят они в ответ:
«Нужды у нас нет!
Нам на небе защитой служит бог,
А на земле ты нам защитой стань.
Хотим, чтоб ты нас принял и берег,
И чтоб твой взор был покровитель наш,
И чтоб в долгу нам пред тобой не быть»,

Спросил их царь:
«Ну, а чьи же вы дети?»
Они: «Халифа багдадского».
Царь сказал: «А! Тогда
Мы вас не смеем, дети, держать.
Ведь он — могучий царь.
Он придет, добычу возьмет, пленных возьмет.
Прощайте. Ступайте. Тут пристанища нет!»

И встали они, пошли, оттуда ушли.
И решали они, куда ж им идти.
И решили они, к эмиру в Эрзрум пошли.
Вот два брата к нему пришли, подошли,
Склонили чело, стоят перед ним,
Рослые — залюбуюсь, — широки в груди,
Исполины.
Эрзрума эмир
Благосклонно на них взирал,
Об их племени, роде спросил,
Вопросил: «Что за люди вы?»
Ответствовал Санасар:
«Халифа багдадского сыновья».
И промолвил эмир: «Ай, ай, ай! —
И, решив отвязаться от них, сказал:
— Бежим от их мертвцов,
Наталкиваемся на живых!
Не можем вас приютить.
Уходите скорей, а куда — всё одно!»

И встали они, пошли и оттуда ушли.
И речь в пути повели.
Санасар Багдасару сказал:
«Послушай-ка, братец, ведь мы от халифа бежим,
Так зачем же имя его себе навязали мы?
Имя собачье его не станем мы называть.
Покуда будем имя его называть,
Пристанища нам не сыскать.
Теперь куда б ни пошли
И кто бы нас ни спросил,
Мы скажем: нет у нас
Ни матери, ни отца, ни родной земли.
Скажем так, чтобы люди приютить нас могли».
И вновь они пошли
И в крепость Маназкерт пришли.

Там был царь один, звался Тевадорос.
Пришли, глядят, стоят у ворот.
К ним стражи царя идет.
«Откуда вы», — вопрос она задает.
«Сюда захотели прийти,
Чтобы царскую службу нести».
Царю донесли. Царь их зовет, ждет.
И пришли к царю, и кланяются до земли,
Семь раз землю целуют,
На восьмом поклоне застыли,
На груди руки сложили перед царем.

Лишь только увидел царь
Белокурых, пригожих юнцов,
Ему стали любы они, он вопросил:
«В чем у вас, дети, нужда,
Зачем вы пришли?»
И ответили они:
«Нам на небе защитой служит бог,
Ты на земле защитою нам стань.
Хотим, чтоб ты нас принял и берег,
И чтоб твой взор был покровитель наш,
И чтоб в долгу нам пред тобой не быть».
И спрашивает царь:
«Дети! Пришли откуда?»
Ответ ему дали, сказали: «Не знаем!»
— «Что у вас есть, чего у вас нет?
Есть ли отец и мать?»
Говорят они: «Ничего у нас нет,
Ни дома, ни родины нет.
С тех пор как нас мать родила,
Ни матери, ни отца не видели мы,
Себя лишь сиротами видели мы».
Снова царь спросил:
«Зачем из безвестной дали сюда забрели?»
— «Захотели сюда прийти,
Чтобы службу тебе нести».
И царю полюбились они, приказал:
«Этих юнцов поведите,
Отведите чистую горницу им,
Расстелите в горнице тюфяки».
Их повели, горницу им отвели,
Носили им снедь по часам.
Царь Тевадорос очень их любил.

Был назначен стольником Санасар,
Виночерпием — Багдасар.

И держал их царь ровно год.
Когда же год миновал,
Тевадоросу везир сказал:
«Призови их, царь, испытай,
Поглядим, есть ли какое уменье у них».
И вымолвил царь: «Неплохой совет!»
Вот и позвали этих юнцов,
Привели в диван царя.
Тут и сказал им царь:
«На боевую игру утром мы, дети, пойдем!»
И братья встали, ушли.
Пошли — в горнице сели своей,
До зари оставались в ней.
Ясный день заалел — встали они,
Доспехи надели они,
На своих сели коней,
Едут на поле.
Туда и царь с войсками прибыл.
И царь тут молвил: «Санасар,
Возьми себе воинов, на ту сторону стань,
А сюда станем мы — я, везир, Багдасар».
Сказал Санасар: «Не так, государь!»
— «Ну, а как?» — спросил государь.
И сказал Санасар:
«Сюда станем лишь мы, я да мой брат,
А туда — ты, везир и войска».
И промолвил царь: «Быть по-твоему!»

И пошли они друг на друга в бой.
Посмотрел государь: рядом с ним
Уже воинов нет — все лежат.
Сказал: «Везир, да рухнет твой дом,
Как дом ты разрушил мой!
Они до сих пор думать могли,
Что мужчина есть между нас, —
Видят теперь: женщины мы».
Ответил везир: «Ежели так,
Изгони их, пускай уйдут!»

Городское стадо разбойники угнали в тот день.
Тридцать всадников царь отобрал,
С молодцами хотел снарядить,

Чтоб угонщиков похватать.
Сказал Санасар: «Государь,
Тридцать всадников нам не нужны.
Для чего? Мы пойдем вдвоем!»
Оружие взяли. Поехали на конях,
Поехали, настигли воров,
Схватили, избили, стадо освободили,
Со скотом разбойников смешали,
В город погнали, до города довели.
Царь тут воров схватил и скрутил,
А двух братьев с тех пор
Ублажал еще больше царь.

И утром встают они, идут, гуляют они
И видят однажды:
Со щитами ребята играют в войну,
Прикрываясь щитами,
Палкой друг друга бьют.
Сказали они: «К ним пойдем, в их
игру войдем».

Пошли: кого ни ударят в щит,
Тот без чувств на земле лежит.
И стража к царю спешит, бежит, говорит:
«Встань, взгляни, что творят они».
И позвал их царь, говорит:
«Эй, вы! Разве можно так?
Не схоже это ни с чем!»
— «Государь, живи вовек,
Поиграли мы слегка!»
Царь сказал: «Ведь вы — богатыри,
Разве могут они с вами быть наравне?
Нет, так не делайте впредь!»
И сказали они: «Больше не будем!»

Город был большой. Свадьба в нем была.
Молодежь пошла, скачки начали.
Вымолвил тогда Багдасару царь:
«Вставай, с братом ступай,
Скакунов гоняй, поиграй».
Братья подъехали — всадники ждут.
Братья встали с одной стороны,
Всадники встали с другой стороны,
И налетают, хватают друг у друга огонь.
Как старшой за всадниками скакал —
Метал он джерид без вреда.

Когда ж гонялся меньшой —
Джериды метал он, ломая бока.
Двух-трех юношей он подбил.
Недоволен был Санасар.
Повернули коней, вернулись домой.

И с плодами поднос поднял старший брат,
На голову младшему положил
И пошел с ним в диван царя.
Родные побитых пришли,
Жалобы принесли:
«Государь! Выпроводи молодцов,
Могучи они, тебе вред причинят!»

Когда Санасар с плодами пришел,
Забыли жалобщики про ребят,
Набросились на плоды, едят.

Один из сверстников к ним прибежал, сказал:
«Рассердился на вас государь,
Из города вас он хочет прогнать».
Санасар Багдасару сказал:
«Брат, приюта нам тут не сыскать,
Уйдем, достроим дом.
Много сил мы потратили там,
Над заброшенным домом своим».
Брат ответил: «Воля твоя, пойдем!»
Пред рассветом сказал Санасар:
«Хлеба ты не готовь,
Не стану я вина цедить, подавать;
Поутру не пойдем к царю».

Пробудился царь, — ну а братьев нет.
Царь дает приказ их к себе позвать.
И предстали они пред царем.
«Государь, — говорят, — в чем же наша вина,
За что из города ты изгоняешь нас?»
Ответил: «Дети, коль слово сказал я —
Воля моя быть выполнена должна.
Из города вас я должен изгнать.
Ступайте-ка в свой покой,
Обсудите всё, поглядим.
Где бы вы ни решили жить, я ту землю дам,
Идите, живите там».

Подумали мальчики: «Мы пойдем,
Где место наметили,
Там заживем».

Провели они эту ночь у себя,
А когда раскрылся день,
Вышли вдвоем и стоят пред царем.
И спросил их царь: «Дети мои,
Где вы решили осесть?»
Говорят: «Государь, живи вовек!
Мы, право, не знаем, где отец, где мать, —
То, что богу известно, мы не будем скрывать,
Скажем всё тебе: мы стали дом наш воздвигать,
Да его не возвели, а пришли сюда».
И царю подряд говорят все:
«Где возник в горах родник,
Заложили мы свой дом,
Разреши нам, государь,
Достроить этот дом да поселиться в нем».
Тевадорос-государь отвечал:
«Ведь вас я когда-то, дети, спросил,
Есть ли у вас отец или мать,
Вы ответили мне, что нет никого,
Нет ни дома, ни места, где жить.
Ну а теперь, коли так, — он сказал, —
Вам тысячу раз желаю добра.
Ступайте вдвоем, постройте крепость и дом!»
Санасар, Багдасар царю говорят:
«Государь, живи вовек!
Вот если б ты нам мог не отказать —
Ведь мы там станем тосковать,
Как нам там время коротать —
Дать неимущих несколько семейств,
Зажиточных дать несколько семейств,
Чтобы с нами пошли, возвели рядом дома.
Чтоб время вместе коротать порой,
Чтобы беседы вести порой».
Размягчилось тут сердце царя.
Сорок домов отобрал, им дал.
Ну и дома!
Было в каждом дому
По одному
Ослу,
Было в каждом дому одно
Веретено.

Послал везиров в город он —
Переселить те сорок домов,
Муки им сорок выюков дать
И пищей в путь снабдить.

Попрощались они с царем,
И свой скарб утрясли и пошли,
И пошли, и взошли на кряж,
К роднику своему пришли,
У каменьев своих стоят.

Багдасар молвил брату: «Скажи,
Что начать нам, крепость взводить
Иль взводить дома?»
Санасар отвечал:
«Сперва дома устроим для них,
Достроим крепость свою потом,
Кров иметь над головой
Бедный должен в лютый зной!»
И начинают с домов.

Санасар был настолько силен,
Что в день для десятка домов выкапывал рвы.
И строили братья дома.
Два брата в четыре дня всё до конца довели,
Вдвоем сорока домов стены они возвели.
Много стволов с этих огромных гор
Приволокли, нанесли, не снимая коры,
На стены взнесли, покрыли дома.
И новоселов они по домам развели.
Пока эти юноши строят дома,
Кормит их то одна, то другая семья.
Наконец у всех тех, где кормились они,
Опустели корыта, опустели кули.

Когда пришельцы зажили в домах —
И братья вновь за крепость принялись,
Санасар безмерные камни принес,
Багдасар необъятные камни принес.
И потом в город пошли,
Мастеров, рабочих привели.
На камни мастер посмотрел,
Сказал: «Я строить не могу!»

Санасар в город пошел,
Другого мастера привел.
На камни мастер посмотрел,
Спросил: «Санасар, как тут кладку вести,
Как приладить друг к другу эти скалы смогу?»
— «А кто б это смог?» — спросил Санасар.
Ответствовал тот:
«Не сможет никто!»
— «Ну как же с ними нам быть?»
— «И сам не пойму», — мастер сказал.
И вот что тогда сказал Санасар:
«Ну, мастер, берись, нить натяни, место умни
Да укажи, куда мне камни класть».
Вот так-то крепость они и взвели.
Камни огромные, камни безмерные они волокли
И с мастером вместе работы вели.
Всё руки их мощные превозмогли.
На каменный столб столб из камня взнесли,
Перемычки свели,
До конца довели крепость свою.
И вот целый год все работы они так вели,
И вот, как исполнился год,
До конца довели, достроили всё.
И когда довершили крепость свою,
Церковку в ней возвели.
Осталось им только название крепости дать.
И задумались братья,
Как бы им крепость назвать?

Санасар Багдасару сказал:
«Хорошо, мы закончили дом,
Да как нам его назвать?»
Багдасар говорит ему: «Братец,
Как знаешь!
Строить было дело двоих,
Дать названье — дело твое!»
Шедших мимо спросил Санасар:
«Как назвать мне мой дом?»
Ничего не могли ему люди сказать.
Сколько мимо людей ни прошло —
Никто не сказал, как им дом назвать.
Если ж прохожий имя давал —
Неудачным казалось оно.
Вот как-то под вечер братья держали совет.

Брату сказал Багдасар:
«Хорошо, если ты пойдешь,
Старца найдешь, сюда приведешь.
Тут вдоволь его угостим,
Имя крепости даст и уйдет».
И когда наступила заря,
Сел Санасар на коня,
Долго искал.
На холме
Седобородого старца нашел,
Старец землю пахал.
Как завидел старец молодца,
Задрожал он, пахать перестал,
Санасар тут руку протянул,
Старца за руку взял, сказал:
«Дедушка, едем ко мне!»
Молвил старик: «В покое меня оставь!»
А Санасар: «Дедушка, не страшись,
На сегодня к нам в гости пойдем,
Тебя отвезу и назад привезу».
Согласился старик.
И дедушку за руку он схватил,
На коня своего посадил,
И наземь спустил, как домой привез,
И в дом повел, и угостил,
И беседа до вечера шла.
«Ты знаешь, дедушка, зачем
Тебя сюда мы привели?»
— «Эх, ты, зеленый-молодой,
Да как же ведать я могу,
Зачем меня вы привели».
Санасар сказал: «Ну так вот!
Ты старый, дедушка, седой,
Ты много по свету гулял.
Мы построили крепость себе,
Еще имени нет у нее,
Да не знаем, как и назвать.
Тебя я, дедушка, привел,
Чтоб имя крепости ты дал.
Наш дом позвонче назови.
Скажи нам, как ты назовешь?»
Старик сказал: «Хорошо. —
Обернулся к ним, говорит: —
За вас я рад и помереть,
Говорите, как назвать».

Говорят они: «Ох, старик, седой,
Да не мы, а ты должен имя дать!»
Седовласый тогда сказал:
«Сейчас — темень, утром встанем, пойдем,
Поглядим, оглядим, имя подберем».

Спать легли, на заре поднялись,
Умылись они, помолились они,
Старый досыта поел,
Встал, пошел — всё вокруг оглядел,
Что тут плохо, что хорошо?
Вернулся, сказал: «Где же дом?
Чему ж мне название дать?»
Санасар сказал: «Дед,
Тебя на спину возьму,
Понесу тебя вокруг крепости,
Оглядишь ее, и название дашь».
Взял он на спину его, вокруг крепости пошел.
Всё старик оглядел с четырех сторон.
Видит: камни лежат — что гора на горе.
Из западных ворот вышли поутру,
Вокруг крепости обошли,
Только под вечер к тем же воротам пришли.
Пришли и стали у ворот.
А раньше решили они:
«Как только обратно придем,
Со старцем заговорим,
И какое слово обронит он —
Именем крепости станет оно».

И сказали: «Дедушка, говори!»
На ворота старец взглянул,
Увидел он башни над ними —
Сложенены стены из скал.
Удивился старики и сказал:
«Как имя этому дать,
Ну, как мне это назвать?
Да пошлет вам господь добра!
Кто же вам силу дал,
Что эти скалы ввысь вы поднять смогли?
Ох, эти яростны камни,
Свирепы, яростны камни!
Как это вы их поднять смогли,
Как вы на каменный столб столб вознесли?

Не дом вы построили, нет,
Ярость, ужас построили вы!
Ух, это — ярые камни,
Ух, это — ярость, не дом!»
Сказал Санасар: «Хватит, седой,
Замолчи, больше имени не давай!
Имя нашли.
Ты — ведун! Это имя — Ярость, Сасун,
Лучшего имени не сыскать.
«Яростны камни», — вымолвил ты,
Крепости имя будет — Сасун!»
И назван был дом — Сасунский дом.

Название крепости было дано,
И старцу сказал Санасар:
«Оставайся, дедушка, тут,
О тебе позабочусь я».
А старец сказал: «Если господа чтишь,
Отвези ты меня, молодец, в родные мои края.
Я ведь родился там, тут — не ужиться мне».

И отвез его Санасар,
И оставил в родном kraю.

САНАСАР НА ДНЕ МОРСКОМ

Что ж было им привычно и под стать?
Да по горам по целым дням блуждать,
И в дол сходить, до моря доходить,
И зверя бить; лишь вечером, с зарей, иди домой.
И час настал, Санасар сказал: «Багдасар,
Пойдем-ка с тобою на берег морской,
Коня доброго там найдем, сюда приведем».
(О коне морском ведали братья чудорожденные!)
Пошли, до берега дошли
И сели у воды.

«Багдасар, — сказал Санасар, —
Кинемся в море, брат,
Поглядим, достигает ли дна человек».
Багдасар оглянулся, сказал:
«Мне душа дорога,
В море не брошусь я».

Сказал ему Санасар:
«Что ж, оставайся тут, брошусь я!
Не пойду я ко дну — вслед за мной ступай,
Если ж я потону — ты за мной не ходи,
Здесь останешься, будешь в живых».

Набрался смелости Санасар,
Господа помянул,
В море бросился кувырком.
А господь повелел — расступилась вода,
И пошел Санасар по морскому дну.
Багдасара глаза видят море одно.
Багдасар возле моря стоял,
Горько плакал он, причитал:
«Ой, проглочен водой мой брат,
Брат мой в море ушел, ко дну пошел, потонул».
И когда уже след его брата пропал,
Он в беспамятство впал,
Упал у воды.

Хоть и был Санасар на дне,
Но как по суху там ступал.
И сад подводный видит он,
В саду чертоги, дворец.
И он видит: в саду водоем,
Перед башней дворцовой взлетает струя.
И видит он — привязан конь,
Конь в перламутровом седле,
На нем Меч-Молния висит.
И видит он: тут и церковь есть,
И только в церковь он вступил —
Он впал в дремоту, он упал.
И видит сон:
Пред ним богоматерь стоит, говорит:
«Эй, Санасар, подымись!
Ратный крест обретается тут,
Встань, пред ним семикратно склонись, помолись.
Коль его ты достоин, он будет твоим,
К правой руке приложи — всех поборешь ты с ним,
Вон стоит невдали конь морской Джалали.
Меч-Молния, с неба упавший, на нем,
Под седлом конь, ждет, удила грызет,
Коль достоин его — сядешь в седло.
Здесь потайной увидишь ларь,
Кафтан железный ларь хранит,

Сапожки банные тант,
В нем пояс панцирный лежит,
Шлем, что не может быть пробит,
И в нем Пыгор-труба, и щит,
И палица, чей грозен вид.
Копье, кинжал, стрела и лук,
Ты всё отыщешь в нем.
А после в водоем дворцовый окунись,
Окрепни, возмужай, отваги наберись,
В семь раз крупнее стань!
В семь раз ты возрастешь и станешь ты сильней, —
Всё сущешь, что захочется тогда душе твоей».

Санасар ото сна восстал, сказал:
«Что снилось мне, что видел я?
Правду ль молвил мне сон иль солгал?»
И пошел он путем, куда сон указал,
И открыл он ларь, и увидел в нем
Всё, что он видел во сне.
Такой он увидел там шлем,
Что если бы хлопка в него и два литра вложить —
И то б ему на плечи пал.
Железный увидел кушак, —
Семь раз он обвил его стан.
Видит железные сапожки,
По литру хлопка в них вложить —
Всё будут широки.

К водоему тогда пошел,
Одежду скинул, в воду вошел,
Ключевой воды хлебнул и уснул.
Едва вздрогнул, по милости творца,
Раздобрел, посильнел, покрупнел,
Вспламенел,
И посмел, и доспехи надел.
И надел кольчугу он,
Пояс панцирный надел: впору стал,
Шлем надел: по голове, впору стал,
Каждый кованый сапог впору стал,
И Меч-Молния впору стал.
Всё добыл, всё достал.
Семь поклонов отдал он
И молитву прочитал,
И положили ангелы ему

На руку правую Ратный крест,
Чтоб ничей удар Санасара не поразил.

И пøшел он, дерзнул он к коню подойти.
А конь Джалали обернулся, спросил:
«Тварь земная, что надо тебе?»
Санасар: «Иль я сесть на тебя не смогу?»
Джалали: «Я взметну тебя к солнцу,
О солнце сожгу!»
Санасар: «Я от моря рожден,
Я припрячусь под брюхом твоим».
Джалали: «Оземь хлопну тебя,
В землю вроешься ты!»
Санасар: «Я от моря рожден,
Мигом вспрыгну на спину твою».

Схватил поводья, сел в седло.
Только взнес его конь,
Вздумал солицем спалить —
Он укрылся под брюхом коня.
Конь хотел его в землю ударом вдавить,
Он на спину коня перелез.
Конь не раз еще прыскал ввысь
И бросался по сторонам,
Приседал, на дыбы вставал,
Уздечку пеной покрывал,
Санасара напрасно сбросить желал.
Покорился, смирился, стал.
Сказал: «Ты — хозяин мой! Твой Джалали!»
Гонит по саду коня Санасар,
И вновь завидел волны он,
Завидел моря синеву,
И к брату на берег спешит.

Сидит на камне, плачет брат,
Глядит: гора, на гору взгромоздясь,
На него идет.
Воскликнул он: «Громадина зверь,
Меня он сожрет!
Утащил он в море брата,
Он за мной теперь идет».
Не узнал, задрожал, убежал,
Санасар закричал: «Не беги, Багдасар!»
Поскакал, Багдасара догнал, сказал:
«Что же ты плачешь, брат?»

Отвечал Багдасар: «Ну как же не плакать мне?
У меня ведь один был брат,
А мой брат бросился в море, пропал, потонул,
И вот я теперь — один.
Ну кому же плакать, если не мне?»

Санасар сказал:
«А коль встретишь ты брата, узнаешь его?»
— «Еще бы! Ну как не узнать».
Санасар сказал: «А я ведь твой брат!»
— «Нет, мой брат был не такой большой,
Лишь на локоть возвышался надо мной.
Да и где коня такого б он сыскал,
Да и где доспехи б эти он сыскал?»

Сошел с коня Санасар, целует он брата в лоб:
«Багдасар! Ведь я — твой брат,
Санасар я! не плачь, не бойся».
Багдасар Санасара поцеловал,
Сказал: «Покуда, мой братец, я видел тебя,
Не спускал с тебя глаз,
А лишь скрылся ты из глаз — сел, заплакал я».
Поцеловались они
И вместе пошли домой.

БОРЬБА БЛИЗНЕЦОВ С ХАЛИФОМ

В Сасуне братья дни ведут.
Уснул однажды Багдасар
И видит — думал ли о том? —
Вот Главный идол стал козлом,
Заблеял, в изголовье встал,
До рассвета покоя ему не давал.
И так целый месяц являлся он.
А месяц прошел —
Пожелтел Багдасар.
Заболел, помрачнел.
Санасар брата спросил:
«С чего ты болеешь, брат?
Как работали мы — ты веселым был,
Ныне — брови насупил».
И ответил ему Багдасар:
«Ты не ведаешь, братец, я ночами не сплю.
Главный идол уж с месяц является мне,

Чтоб я ночью не спал.
Становится он козлом, приходит во тьме,
До зари подпрыгивает надо мной,
Блеет над головой,
Покоя мне не дает.
Отправлюсь я, братец, в Багдад,
Или халиф идолу в жертву отдаст меня,
Или халифа — я!»
Говорит Санасар:
«Не убьет нас халиф, нам поможет бог».
Говорит Багдасар:
«Братец, мне не к лицу
Одному отправляться в путь.
Вместе пойдем, халифа побьем, убьем,
Капище мы сожжем,
Скверных людей мы бросим в огонь
И заглянем в дом,
Нашу бедную мать найдем,
Поглядим, какова она
Да и чем она занята».

И встали они, взяли немного людей,
И как порешили —
Пустились в путь.
И вот видят они: перед ними Багдад.
И на поле, перед городом,
Разбили шатер, сидят.
«Багдасар, — сказал Санасар, —
Пойди, нашу мать обрадуй».

И вот к халифу подошли
И весть халифу принесли:
«Будь счастлив, мальчики пришли!»
И халиф подобрел, повеселел, сказал:
«Главный идол наш могуч,
Привлечь детей он смог, привлек!»
Кругом взглянул и сказал:
«Меня попрекали вы,
Ну, поняли идолов мощь?»
Главный идол детей притянул,
Свои жертвы вернул.
Послал он людей, — и детям они говорят:
«Вам халиф сказал: „В добрый час пришли!
Верно, ведали вы — завтра идолов день,
Ради праздника должен вас взять,

В жертву отдать“».
Отвечают: «Познали мы идолов силу,
Пришли, чтобы нас он им в жертву принес».

И ночь прошла, и пошли они
Пред ликом халифа предстать.
И видят: поднялся халиф
На кровлю плоскую дворца,
И подбоченился халиф,
Вздохнул и вперед шагает он.
Видит братьев халиф, орет:
«Отродье собак! Выродки! Псы!
Ушли? Куда ушли? Что раньше не пришли?
Не знали вы — куда бы ни ушли,
Главный идол вернул бы вас!»
Сказали они: «Отец, не сердись, твои мы по гроб!
С тех пор как нас мать родила,
Не знали света мы.
И всё мы забыли, увидя свет.
Кинулись на восток, но спасенья нет,
На закат понеслись, но спасенья нет!
Избегнуть идолов твоих мы не могли.
Твой Главный идол — могучий идол,
Являлся ночью нам,
Покою нам не давал».
Молвил халиф: «В капище, следом за мной!
Там идолам в жертву вас я отдаю!»
Говорят они: «Государь, живи вовек!
Ты идолам должен нас в жертву отдать,
Но всё же — царевичи мы.
Не подобает нам
Быть втихомолку заколотыми.
Тебя мы просим поутру собрать
Всех подданных твоих,
Чтобы славу твоим идолам воздать».
И халиф сказал: «Правильно!
Как вы желаете — обставлю торжество,
На этот праздник всех я соберу»
И молодцы вернулись в свой шатер
И к матери пошли.
И вот халиф написал указ:
«Завтра детей своих должен я взять,
В жертву идолам их отдать.
Все на праздник должны прийти,
Славу идолам вознести».





И город — всем городом,
Всеми селами — села
Повалили валом, пришли.
Тьма-тьмущая людей пришла,
Поле покрыла сплошь.
Иголка на землю упасть не могла.

Сидела всю ночь до зари Цовинар
И горькие слезы по детям лила.
Санасар с постели встал, сказал:
«Багдасар, коня подержи за узду, я пойду,
А крикну я, подведешь коня».
Сказал и к халифу пошел.
Санасара увидел халиф,
Опознал, взликовал, сказал:
«О Главный идол наш,
К себе свою жертву ты притянул:
Пришла на собственных ногах.
Принудишь скоро ты
Вторую жертву подойти к тебе
На собственных ногах».
И Санасару сказал: «Эй, сынок,
Где же братец твой? Что с тобой не пришел?»
Отвечает Санасар:
«Брат мой мал. Он отстал, придет,
Ты возьми, зарежь меня, а затем подоспеет брат».
Молвил халиф: «Нагнись, заколю тебя».
Санасар сказал: «Почему же здесь?
Где закалывают жертву, в поле иль у врат святых?
В капище поведи, там такие совершают дела,
Чтобы идолам жертва угодна была».
Молвил халиф: «Ты, пожалуй, прав!»
В руку меч свой взял халиф,
Позвал, сказал: «Пойдем со мною, сынок,
Главному идолу поклонись,—
И заколю я тебя, в жертву ему отдам»
И взял Санасара с собой,
И в капище рядом вошли.

И сын халифу говорит:
«Детьми мы из дома ушли,
О силе идола мы и знать не могли,
Не склонялись мы перед идолом.
Как пред идолом мне поклоны бить,
Чтобы идолу мне приятным быть?»

Ну-ка, ты сперва поклонись, нагнись,
Ты к ногам его припади сперва,
Чтоб я увидел твой поклон,
Чтоб так же мог склониться я».
И отвесил халиф идолу низкий поклон,
И сказал: «Вот так наклонись, вот так!»
Санасар наклоняет стан,
А халиф поднимает нож,
Хочет голову сыну снести,
В жертву его принести.
Санасар глядит: будет сейчас убит,
Он говорит: «Хлеб и вино и сущий господь!»
И такого пинка дал халифу ногой,
Что халиф завертелся, споткнулся, привстал
И еще завертелся и на спину пал.
Схватил Санасар халифа, связал.
Халифовы люди весть разнесли
И войско собрали и в бой пошли,
Повалили на битву городом всем.
Санасар кричит: «Багдасар, коня!»
Багдасар коня пригнал,
Санасар вскочил на коня.
Говорит Санасар: «Ай-вай! ай-вай!
Если бы хлопком стали они, а я обернулся б огнем,
И то б их не смог спалить.
Если бы пламенем стали они, а я обернулся б водой,
Я не смог бы сквозь них протечь».
Языком человечым сказал ему конь:
«Санасар, свой страх прогони,
Имя господа помяни.
Скольких справа, скольких слева
Твой Меч-Молния убьет,
Столько рати хвост мой пламенный сметет.
Сколько рати твой Меч-Молния убьет,
Столько рати дых мой огненный сожжет,
Столько рати разбросает мой полет.
Сколько рати твой Меч-Молния убьет,
Столько рати под копытами умрет».

Поднимают братья мечи.
И пустили два брата коней
На халифовых людей.
Пронеслись они взад и вперед,
И до неба пыль поднялась.

И так все крошили кругом,
Как кони крошат ячмень.
И халифа народ
Лег подобно ковру.
Повернули, слезли с коней,
Привели халифа к матери своей.
Прикрутили его с головы до ног,
Привязали к столбу,
Сквозь доску голову продели,
На голове лучину зажгли,
Под лучиной уселись Санасар, Багдасар,
Вино гранатное берут,
Пред глазами халифа пьют,
Пир веселый ведут.

И весть пошла, до деда дошла:
Санасар, Багдасар, — подросли они,
Халифа поймали, связали они,
Сидят, веселятся они.
А дед говорит: «Ах, господь!
Хоть бы этих увидеть мне молодцов,
А потом — умереть».
И встал христианский царь,
Письмо написал, Ветру отдал, сказал:
«Отнесешь посланье в Багдад,
Санасару, внуку, вручишь».

Ветер посланье принес,
Санасару бросил в окно.
Прочел письмо Санасар,
А дед в письме написал:
«Тысячу благ, Санасар, мой внучек, тебе!
Как получишь это письмо —
Намылишь голову — там, обреешься — тут».
Санасар Багдасару сказал:
«Отправляюсь в путь, позорче с халифом будь!»

Вывел коня Санасар, сел, к деду поскакал.
По схожести с матерью дедушка внука узнал.
Были рады они, беседы вели,
Так речам предался Санасар,
Что про мать и про брата забыл.
Каждый день Багдасар, как вставал, на охоту ходил,
Каждый день Багдасар по барану дикому приносил.

И сходились, и садились есть и пить,
И веселый спроявляли пир.
И раз Багдасар на охоту пошел,
А халиф, тухо связанный, Цовинар говорит:
«Не жалок ли я? Да не рухнет твой дом!
Путы мои немного ослабь».
И встала Цовинар, путы сняла,
Положила в сторону их.
Тут и встал халиф. Что же сделал он?
В город пошел: сколько было князей,
Он всех встретил, собрал,
И халифовы люди держали совет,
Что, мол, сделать нам, чтоб свободными стать?
Говорит один из князей:
«Санасар ушел, тут один Багдасар,
Пойдем, убьем его».
Молвил другой: «Не сумеем его убить!
На свадьбу его позовем, напоим вином,

возьмем,

В яму бросим,
Колючим бурьяном завалим — умрет».
Халиф своим людям сказал:
«Идите, семь верблюжьих нош
Налейте уксуса-вина,
Возьмите на гору Ахмах,
Я завтра Багдасара обману,
Проведу его на гору,
Там вина мы ему дадим,
Напоим, опьяним, умертвим».
Люди пошли, выполнили указ.

Вернулся Багдасар вечером с охоты,
Глядит: развязан халиф. Багдасар промолчал,
А халиф Багдасару сказал:
«Багдасар, знаешь ли что...»
— «А что?» — сказал Багдасар.
«Разреши мне с тобою на Черную гору пойти.
Я такое там знаю местечко,
Дикий бык, дикий баран
Заполнил это место сплошь.
Разреши, завтра пойдем, дичь перебьем,
Повеселимся с тобой, Багдасар,
Покуда вернется твой брат».
Сказал Багдасар: «Ладно! Пойдем!»
Уговорил Багдасара.

Ночь миновала, сели они на коней, едут.
А как въехали на гору Ахмак —
Люди встали кругом, подняли чаши с вином:
«Тысяча благ тебе, Багдасар!»
Обступили кругом, потчуют все вином.
И сколько ни было тут вина — не выпил никто,
Выпил всё Багдасар.
Так обманут был Багдасар.
Семилетнее уксус-вино ему навязали,
Все, кому в руку чашу винную дали:
«Тысяча благ Багдасару!» — сказали.
Закричал Багдасар: «Провались ваша тысяча!
Лейте в корыта! Хлебну!»
Выпил всё Багдасар, опьянел,
Без памяти наземь пал.
И халиф своим людям сказал:
«Взять булавы, на него идти!»
Взяли булавы, убивать пошли,
Да боялись все, били издали.

Били так, били так
Багдасара со всех сторон,
Что всю землю изрыли они,
Верно, яма была — сорок газов вглубь.
Но, по воле творца,
Ни одна булава не коснулась его.

Вышел из дома Санасар, на небо поглядел,
А звезда Багдасара — тускла.
«Тugo брату», — подумал он.
В дом вернулся, деду сказал:
— «Ах, мой дедушка, должен ехать я,
Пусть ведут мне коня.
Что там, дома, я найду —
Брата или труп его?»
Говорит ему дед: «Да не рухнет твой дом,
Верно, брат твой спокойно сидит,
Веселится с матерью он.
Он смеется — с ней, а ты радуй — нас!»

Не стерпел Санасар,
Встал, сам вывел коня,
Сел на коня, глаза он закрыл,
Открыл — возле матери был.

«Марэ, где мой брат Багдасар?»
Она: «Да халиф его взял, на охоту повел,
На гору Ахмак веселиться пошли».
И сказал он: «Ах, заманил его, заманил!
Эй-вах! Брата убил!»
Сказал, поскакал, к Багдасару примчался.
Глядит: Багдасар так напился,
Что без памяти наземь пал,
А те — палицы взяли, взяли мечи,
Вокруг него всё снуют, бьют его, бьют.

Бога призвал Санасар,
Как безумный, метнулся вперед,
И палица пала, и багдадский халиф
На семь гязов был в землю вбит.
И халифа убил, и людей всех убил.
И пошел, и над братом встал,
Облил голову брата водой,
Вымыл голову, грудь растер,
Чтобы вышел хмель, чтоб очнулся брат.
И зовет: «Багдасар, Багдасар!»

Вот очнулся брат,
Поднял голову, говорит:
«Гей, да не рухнет твой дом!
Как сладко я спал, не дал мне ты поспать!»
Говорит Санасар: «Да не рухнет твой дом,
Ну, привстань, погляди кругом!»

И встали два брата, в город пошли.
Всех созвал Багдасар, сказал:
«Тот, кто верует в то, во что верую я,
Пусть придет, пусть пройдет под моим мечом».
Повалил тут весь город, пришел,
Прошел под его мечом.

И родительница его, Цовинар-хатун,
Склонилась ниц до земли.
И встала она, сказала она:
«Благодаренье тебе, творец,
Что ты вызволил нас из тирана рук,
Что ты вызволил наш народ».

Немного времени прошло,
И с матерью и с мамкою ее

Направились в родимый край,
К царя Гагика городу пришли,
И у ключа они разбили стан.
Глядят — идет прохожий человек.
И путника зовут и речь они ведут:
«Отправься, обрадуй Гагика-царя,
Пред ним склонись,
Пред Кери Торосом склонись,
Скажи: „Твоя Цовинар и двое ее сыновей
Живы-здоровы, сидят у ключа,
Да будет радость твоим очам!“»

И царь Гагик и Кери Торос
Встают, навстречу прибывшим идут.
Все друг друга в объятиях жмут,
Тут слезы текут, и поцелуи тут,
И веселятся, поют и пьют.
Говорят царь Гагик и Кери Торос:
«Встанем, в город пойдем!»
И в город спешат,
И сели под сенью царских палат.
Семь дней, семь ночей пироварье шло.
Однажды царю сказал Санасар:
«Попросить тебя, дедушка, я хочу!»
— «О чём попросить?» — вымолвил царь.
Сказал: «Мы построили для себя
Крепость одну, туда мы хотим».
Сказал царь Гагик Санасару в ответ:
«Сыновей у меня ведь нет.
Когда я помру,
Всё царство мое останется вам,
Владейте им».
Санасар сказал: «Государь, живи вовек,
К себе мы хотим.
Мы сюда пришли, во здоровье вас нашли,
Видим — живы вы милостью творца,
И тоска уж нам не сжимает грудь,
И пора нам в путь».

А когда приготовились вернуться в Сасун,
Цовинар так учила детей:
«Просите вы, дети мои, у царя,
Чтоб он дал вам Мараткаджур,
Цовасар, Чапаходжур и Коде».

Сказал Санасар царю:
«Попрошу я еще об одном...»
— «Дети мои, — сказал царь Гагик, —
Кроме души, я вам всё отдашь,
Хлебом, вином, господом сущим клянусь!»
Сказали они: «Цовасар нам дай и Мараткаджур,
Чападжур и Коде!»
Царь сказал: «Отдаю их вам, дети!»
И встала с детьми Цовинар-хатун,
На коней они сели, отправились в путь.
И с ними поехал Кери Торос,
Впереди всех был Санасар.
И прибыли, поднялись в крепость Сасун.

Могучим таким стал Санасар,
Что слава по миру о нем потекла.
И молвили многие, слыша о нем:
«Чего это ради мы тут сидим,
Тут воры нас грабят, тут каждый день
Нападают на стадо, уводят скот.
Да, ей-богу, пойдем мы в этот Сасун,
Где живут удальцы Санасар, Багдасар.
Налогов они, податей не берут,
И не будет никто трогать наше добро».
И к ним понемногу стекался народ,
И Сасун большим городом стал.

ПИСЬМО ДЕХЦУН И ССОРА МЕЖДУ БЛИЗНЕЦАМИ

О чем ныне сказ поведем?
О городе Медном сказ поведем,
О дочери царя каджей сказ поведем.

Санасар, Багдасар, — имена их гремят!
Уж по всем краям весть о них прошла.
Так, мол, и так, и так, без конца...
Есть, мол, в Сасуне два храбреца!
И когда Санасар стал известен везде,
В Медном городе слышит о славе его
Дочь царя мощных каджей; сплетала она
Сорок кос золотых и звалась Дехцун.
Этот царь, — он имел только двух дочерей,
Только их одних.
Дехцун была чародейкой, околовывала.

Санасару приснилась она,
И он сильно ее полюбил.
Узнала об этом Дехцун, говорит:
«Имя того человека — храбрец.
К нему я отправлю письмо,
Пусть придет, понравится мне —
В мужья я его возьму».
И дочь царя каджей
Полный кувшинчик воды налила,
Яблочком его закупорила.
И другой, пустой кувшинчик взяла,
Яблочком его закупорила.

И взяла, написала Санасару письмо.
Пишет в письме:
«От дочери царя каджей, от Дехцун
Санасару большой привет!
Багдасару, Санасару привет!
Санасар молодой!
Медного города царь — мой отец.
А душа моя, словно этот кувшинчик пустой,
Чиста, ясна.
А моя голова, словно полный кувшинчик,
Полным-полна,
Божьим даром наделена.
Ко мне текли женихи, просили руки моей.
Из сорока краев сорок пришло женихов.
Никому обещанья не давала я никогда,
Никому не сказала «да».
Тебя во сне увидала я,
Увезешь меня, как придешь сюда,
Ты мне очень понравился,
Санасар молодой!
Тебе я пишу письмо.
Долго ль тебя мне ждать?
Если даже намылил ты голову —
Ты не брейся, спеши,
Приди, уведи меня».

Свой начертанный облик вложила в письмо,
Девушкам двум кувшинчики и письмо отдала.
Сказала: «Несите в Сасун,
Бросьте в кровельное окно
Санасару юному на постель.

Поставьте кувшинчики в его головах,
Чтоб он утром встал, увидал.
Если правда, он храбрец,—
Пусть придет, возьмет меня.
Но, смотрите, не бросьте
Багдасару мое письмо!»

Эти девушки чародейками были.
Облачились в птичий наряд,
В двух белых голубок они превратились,
Посланье в Сасун понесли,
На Сасунский дом опустились они
И на правое сели окно.
Видят разостланную постель,
На постели цветущий лежит молодец.
Так румян, что мог бы он солнцу сказать:
«Ты в сторонку стань, я пойду вперед».
Два светильника светят, горят в головах,
Два светильника светят, сияют в ногах.
Одна голубица сказала:
«Давай-ка, сестра, полетим,
В другое окно поглядим,
Может быть, это не Санасар!»

И полетели к другому окну.
Глядят, на постели лежит молодец,
Еще поглядели и видят они:
В десять раз он пригожей, чем юноша тот.
«Сестрица, — сказала одна, —
Ведь это и есть Санасар,
В это окно бросим письмо».
Сказала другая в ответ:
«Послушай, творцом я клянусь,
И тот ведь тоже пригож.
Не знаю, этот ли — Санасар,
Или тот — Санасар».
Полетели направо и бросили вниз письмо.
Упало оно на постель ярого Багдасара.
Как зарею Багдасар от сна восстал,
Как привстал он, взор его на постель упал.
И посланье на постели видит он.
Взял он в руки письмо, и раскрыл, и прочел.
Видит, пишет письмо царя каджей дочь.
И пишет в письме: «Санасару большой привет!
Багдасару, Санасару привет!»

Подумал: «Что же это? Два раза в письме
Санасара приветствует, а меня только раз.
Так, Санасар — старший брат,
Сперва его назвала, ну ладно!
Но дважды зачем называет его?»
Прочел, глядит: дочь царя каджей
Санасару пишет в письме:
«Приди, уведи меня».

До безумья порой доходил Багдасар.
Взбеленился, сказал: «Так! Брат жену
себе берет,
Без меня он посватался, меня не спросил,
Не ставит меня ни во что. —
И сказал: — Всё же братья мы,
А вот он помолвился и мне не сказал,
Санасар что-то втайне творит». —
Разгневался, сел на постель,
Не вышел из горницы.
И видит — изображенье в письме.
Ошалел он тут, носом кровь пошла.
Говорит: «Или брат мой останется жить, или я!»
Сложил письмо, за пазуху положил,
В сердце злость затаил.
С Санасаром не говорит,
Что ни спросит его Санасар — молчит.

Вот утром встают, идут,
Постелили скатерть, сели за стол.
Багдасара ждут — не пришел.
Багдасар у себя сидит,
Из горницы не идет,
«Эх-эх, — говорит, — вероломен мой брат,
Втихомолку дела творит.
Ну, так я к их столу не пойду,
С ними хлеба не стану есть!
Сяду я на коня,
Сгину — не сыщут меня.
Поглядим, что мне бог пошлет».

И сказала мать: «Это что же,
Почему не пришел Багдасар?» —
Встает, к его дверям идет.
Дверь открыла, вошла, говорит:
«Багдасар, почему ты к столу не пришел?

Что с тобою, скажи, уж не болен ли ты?»
Отвечает Багдасар:
«Если б кто другой, а не ты, моя мать,
Эту дверь отворил и вошел —
На куски бы его разорвал!»
Молвит мать: «Почему, что с тобою, сынок?»
И он вынул письмо, в руки матери дал, сказал:
«Марэ! Письмо возьми, прочти,
Поймешь, почему не иду.
С какой это стати я сяду за стол?
Посвatalся брат, а мне не сказал.
Человек я иль нет? У меня бы спросил,
А потом бы женился, — иль нет?
Встань, иди, Санасару скажи:
Или он будет жив, или я!»
Мать письмо взяла, говорит:
«Дитя, не пойму!
Я сержусь еще больше, чем ты».

И с письмом Цовинар к Санасару пошла,
Санасару письмо отдала.
Говорит: «На! Возьми!»
Санасар взял, прочел.
А прочел письмо Санасар — поклялся, сказал:
«Марэ! Твоим богом клянусь,
Ничего я не ведаю!»
Молвит мать: «На тебя обиделся брат»,
Сказал Санасар: «Что ж делать мне!
Эта девушка — чародейка,
Околдовывает.
Услыхала про нас, написала письмо,
Что же я сделать могу?
А разгневался брат — сумасброден он.
Ты пойди, ласково с ним потолкуй,
Коль пройдет его гнев — хорошо,
Не пройдет — пусть придет,
Раза два пусть ударит меня,
И отляжет с души, успокоится он».

Мать пошла, уговаривать ласково начала,
Не затих Багдасара гнев.

В этот вечер домой пришел Санасар,
«Здравствуй», — сказал. Багдасар промолчал.

Сказал Санасар: «Чем обижен, брат?»
Санасару сказал Багдасар:
«Или ты умрешь, или я умру!»

Санасар сказал: «Почему? Не пойму!»
— «А почему царя каджей дочь
Два раза тебе привет написала,
А мне только раз?»
— «Послушай, не знал я, она так решила сама». — «Нет, — он сказал, — мы биться должны!»
— «Из-за чего? Из-за привета? Ответь!»
Сказал Багдасар: «Втихомолку дела творишь,
Этой девушке ты письмо написал,
Почему же мне не сказал?»
Отвечал Санасар: «Братец, богом клянусь,
Не писал ей письма».
Багдасар говорит: «Нет, мы биться должны,
Мы схватиться должны, бить друг друга должны!»
Отвечает Санасар: «Тебя не стану, братец, бить,
Ты бей меня, убей!»
Уговаривал брата, не смог убедить:
Упрямым он был, до безумства порой доходил,
Сумасброндым звался Багдасар.

И сказал про себя Санасар:
«Встанем, с братом вдвоем в поле пойдем,
Пойдем на зеленый луг, там поиграем с ним,
В скачки игру поведем, —
И успокоится он».

Встал, брата позвал; поехали.
А до луга доехали, слезли с коней,
Друг на друга надвинулись и сплелись,
Завязали борьбу.
За шею друг друга схватили руками,
До полдня друг друга мяли они.

Мать сказала: «Что случилось? Всё их нет!»
Вышла и слышит: шум разносится по камням,
Под ногами у них дрожит земля.
Дальше идет, видит их бой.
По коленам своим ладонями хлопнула,
Дух у нее занялся.
И глядит на бой удалой.

Ни тот не может победить,
Ни этот наземь брата сбить.
Санасару-то что! Только шутит он,
А бьет Багдасар вовсю — взбешен.
Видит мать: ослабел Багдасар,
Стал сдавать, иссякает мощь.
Во весь голос она голосит, зовет:
«Горы, взгорья, камни, кусты,
Донесите весть до дядиного крыльца,
Пусть на помошь придет к своим удальцам!»
И целый час глядит она,
Глядит: Багдасар уж готов упасть.
Она слезы льет, зовет:
«О моря, о волны морей,
Известите дядю скорей.
Пусть на помошь племянникам поспешит!»

И до вечера бились они.
Ни этот того не мог наземь свалить,
Ни этого тот — положить.
К вечеру бросили бой, вернулись домой.
Брату в пути сказал Багдасар:
«Утром сойдемся вновь!»
Дома проспали они до утра.

Утром встали, хлеба поели,
Выводят коней,
Палицы берут,
Подвязывают щиты, садятся на коней,
Чтобы вести на поле бой.
Пошла за ними Цовинар,
И села, и плачет она,
И девушку, чары знающую, клянет:
«Да не видит вовеки добра
Та, что моих принудила сыновей
Спозаранок встать,
Чтоб друг друга бить и терзать».

А братья погнали коней,
Стали палицами играть,
Биться палицами.
Санасар у меты — возле камня — стал.
Ударил палицей Багдасар.
Санасара он яро бьет, насмерть бьет.
Верхом палица летит.

Санасар ее схватил,
Не спеша ее метнул, чтоб до брата не достичь.
И вновь ударил Багдасар.
Вновь палицу поймал, отбросил Санасар.
Санасара сердце было чисто,
Без злобы бьет Санасар,
Брата не хочет бить.
Только щит выставляет он, ловит удар,
Чтоб удар не коснулся его.
Багдасар с натугой, вовсю
Санасара бьет.
С коня Санасара хочет свалить,
Хочет, чтоб брат его
С одного удара был им убит,
А палица Санасара над его головою
Высоко летит.
И подумал Санасар:
«Когда ж успокоится он?»
Багдасар всё бьет и бьет,
И подумал Санасар: «Не перестает!»
И до полдня бой вели,
До поры, как солнце к закату пошло.

И подумал Санасар:
«Всё гневается Багдасар,
И, как я погляжу,
Бьет он люто меня.
А ну-ка взгляну,
Есть ли силы в нем столько же,
Сколько во мне,
Коль он хочет меня убить.
Перехватываю его я удар,
Поглядим, его я ударю разок,
Быть может, удар мой и он отстранит,
Выдержит, выставит щит».

Санасар удар, свой легкий удар,
Багдасару едва нанес.
Багдасар выставил щит,
Да удара не мог сдержать.
Чуть задел Санасар — сбросил брата с коня.
Санасар закричал, застонал:
«Что наделал я! Силы своей,
Меткости рук не рассчитал!
Я ударил брата, убил!»

Он мигом сошел с коня,
Подбежал к Багдасару с одной стороны,
С другой стороны подбежала мать.
Подбежали в слезах, простерлись над ним,
Увидели — не убит.
Задела палица по ноге —
Без сознанья на землю пал.
Взвалил Санасар на спину брата,
Домой принес.
Растер ему сердце, пупок покрутил,
Изображение девушки у него за пазухой увидал.
И сел он, плакал до зари.
А когда рассвело, брат в сознанье пришел.
Санасар сказал: «Брат,
Почему ты в беспамятство впал?»
— «Нога заболела, в голове помутнело».
— «Нет, из-за облика этого, из-за письма
рассердился ты

Не говоришь со мной.
А ведь я за тебя готов умереть.
Девушка мне не нужна,
Если хочешь, иди за ней!»

Санасару сказал Багдасар:
«Брат, я не ведал, ей-ей,
Что ты настолько меня сильней.
Мириться давай. Ты меня удалей.
Решено. На тебя поднимать я не стану руки.
Я — твой младший брат, ты — мой старший брат.
Что ты скажешь мне, всё выполню.
Я тебе не перечу, брат.
Встань, пойди, возьми эту девушку,
Для себя приведи!»

Сказал Санасар: «Не пойду, не приведу!
Ты иди, для себя приведи!»
Сказал Багдасар: «Не мешкай, иди,
Вставай, приготовления сверши,
Сядь на коня своего, бога призови, поезжай!»
Санасар сказал: «Не поеду, не привезу,
Она чародейка,
Околдовывает!»
Багдасар сказал: «Поезжай, говорю, привези.
Она слышала: величают нас,
Нам — людям великим — она послала письмо.

Если ты не поедешь, ее не возьмешь,
Будем унижены мы.
Ведь скажет люд: не смогли они
Эту девушку взять, привести к себе,
Нет, это — не дело, не ехать нельзя!
Вставай, поезжай, девушку привези!»

БЛИЗНЕЦЫ В МЕДНОМ ГОРОДЕ

Вот приходит Санасар к Цовинар-хатун,
Говорит: «Меня в дорогу снаряди,
В область каджей должен ехать я,
Я письмо получил!»
Молвит мать: «Не стремись в чужие края,
Ведь недавно мы из Багдада освободились, пришли». Отвечает сын: «Должен ехать я,
Хотя бы это стоило мне головы!»

Приготовила мать
Всё, о чём он просил.
Как собрался в путь Санасар,
Попрощался с ней, к ее руке уста приложил,
На коня вскочил,
Коня придержал, закричал:
«Багдасар, брат любимый,
Иди, погляжу на тебя.
Ты здесь останешься, брат,
Я за девушкою отправляюсь в путь.
Коль на третий день я приеду — всё хорошо,
Не приеду — значит, беду нашел,
На помошь ко мне прискакешь тогда».
И прощенья они
Друг у друга просили,
Верности дали залог:
Обменялись перстнями.
Отправился в путь Санасар.

Хоть этот путь сорокадневным был,
В один лишь день его он проскакал.
До перепутья доехал он.
И глядит, седовласый сидит старик.
«Привет тебе, дедушка», — сказал Санасар.
«Тебе привет, Санасар, — молвил старик, —
Ну, слезай с коня, слово тебе скажу».

Спросил Санасар: «Кто же ты, дедушка?
Как ведаешь ты, что я — Санасар?»
— «Я ангел божий, — старец сказал, —
Вот сижу я здесь, указываю пути.
Ты куда спешишь, Санасар?»
Говорит Санасар: «В сторону каджей
Укажи ты мне добрый путь».
И слышит в ответ:
«Коли этим поедешь путем —
Ты станешь большим царем,
Коли тем поедешь путем —
Ты станешь купцом,
Коли в сторону каджей путь изберешь —
Опасности обретешь!»

Сказал Санасар: «Поеду туда,
Хоть бы трижды там голову срезали мне.
Если можешь совет мне подать — подай!»
И старец сказал: «Как поедешь, сынок,
Кого бы ни встретил ты,
Камни ли встретишь, зверей иль кусты,
Со всеми здоровайся ты,
Ты без приветствий не проезжай.
Заколдованы эта страна,
Без приветствий поедешь —
Беду причинит она!»
— «Ну, прощай», — ему Санасар сказал,
Вскочил на коня, в сторону каджей коня погнал,

Сколько был он в пути, знает только господь.
И вот очутился он в стороне,
Где царь каджей царил.
И увидел он пастуха посреди овец.
А был это — царский пастух,
Один из могучих его.
Он позвал Санасара, сказал:
«Эй ты, храбрый молодец, едешь ты куда?»
— «Еду в город, туда, где царь каджей царит».
Сказал пастух: «Иди ко мне, присядь,
Я молока надою, выкушай и ступай».
Сказал Санасар: «Я тороплюсь, нужно мне в путь».
Сказал пастух: «Проходящих здесь,
Не накормив, непускаю в путь!»
Усадил Санасара силком.

Корыто стояло недалеко,
Четырех человек вместило б оно легко.
Наполнил корыто он молоком,
К Санасару подвинул и хлеба дал.

А вот почему так пастух поступал:
Испытывал он людей.
Хотел посмотреть, есть ли сила в них.
Потому и глядел он, как пьют молоко,
Чтобы силу их распознать.
И всех, кто шел по пути,
Потчевал так пастух,
Потом отпускал, чтобы шли к Дехцун,
А там пахлеваны их и приканчивали.

И вот пастух корыто принес,
Санасару подставил его, —
И пошел вокруг стада бродить.
И лишь круг он свершил — закричал Санасар:
«Иди, пастух, свою чашу прими!
Спасибо. Будь счастлив. Отправляюсь в путь!»

Пастух пришел и глядит:
Выпил всё Санасар, корыто перевернул.
Пастух задрожал, сказал:
«Санасар, счастливый путь! Не страшись,
Ты нигде не будешь побежден».
И тронулся в путь Санасар.
Вот у Медного города он.

И вот он глядит: у стены городской
Сорок старых людей, видно, издавна тут.
Заросли бородами, с желтизною их седина.
Сказал он: «Здравствуйте, знатные удальцы,
Седобородые, рыжебородые,
Чернобородые храбрецы!»
— «Здравствуй, — сказали они в ответ, —
Еще не погаснет завтра солнечный свет,
Ты станешь, как мы. Увидишь,
Различья меж нами нет!»
Один седоволосый сказал:
«Эй-вах, эй-вах, юнец-молодец,
И ты прийти пожелал, в руки попал к той,
У которой жалости нет!»

Тут юноша спрашивает его:
«Скажи, отец, почему же я уподоблюсь вам?»
Ответил тот: «И мы у达尔цами были, как ты,
За девушкою пришли.
Не успели опомниться — изменились мы».
— «Скажите, откройте, как это сбылось,
Как стали такими вы?»
Ответил: «Она умеет, она колдует,
Немного подожди:
У этой безжалостной птица есть —
Она прилетит, сядет на стену, прокричит,
И ты постареешь, как мы!»
Санасар был разумен, в город не поспешил,
Коня повернул, немного отъехал от стен,
Выжидал он вечерней мглы.

Стемнело. И тогда
Он к городу повернул.
Крепкой рукою поводья стянул,
Джалали направил на путь.
Он к господу воззвал,
Пришпорил он коня
И в один прыжок через медную стену
Перемахнул.
Спешился, в город вступил.
(Не было в городе этом ворот,
Вот почему через стену махнул.)
По городу он бродил,
Пристанища не находил,
До главных улиц дошел,
Двор постоянный нашел. Содержал его армянин,
Белобородый старик.
Спросил Санасар:
«Дедушка, милый, сколько надо платить?»
Отвечает старик: «Сынок,
Серебренник — за коня, половину — за человека».
Сказал Санасар: «Дедушка, дам
Два серебренника за коня,
За себя — три серебренника
(За себя он больше давал),
За моим конем только в оба гляди!»
И Джалали он там привязал,
А сам пошел город смотреть.
Купил он в пекарне себе каравай,

На постоянный вернулся двор,
Уселся рядом со стариком.

Уж ночь была. Съел он хлеб, сказал:
«Старик, мне сказку скажи, послушаю я».
Ответил старик: «Не знаю я ничего».
— «Дедушка, хотелось бы мне
Кой о чем тебя расспросить».
— «Ну что же! О чем спросить?»
Сказал Санасар: «Как этот город зовут?»
Ответил старик: «Сынок,
Медным городом город зовут».
— «Так вот оно что! Это Медный город и есть!»
И молвил старик: «Да!»
Спросил его Санасар:
«Здесь у царя имеется дочь...
Хороша ли она, скажи!»
Сказал старик: «А тебе-то что,
Хороша, ну и пусть — хороша!»
— «Дедушка, это я так спросил, спроста».
Промолвил старик: «Сынок,
Царская дочь околдовывает людей.
Сколько царевичей
Приходило за ней,
Всех она за горы угиала,
И туда, и сюда.
Уж не за ней ли пришел и ты?
Жалею тебя, молодца,
Если пришел ты за ней.
Брось, брось, вернись, жалко тебя!
От Дехцун ты отступись,
Многие шли, ничего не смогли...»
Сказал Санасар: «Дедушка, нет,
Я не за нею пришел.
До нее мне и дела нет!
И неужто нельзя ее колдовство превозмочь?
Дедушка, да будет покой праху отца твоего,
Мне правду открой —
В чем сила ее ворожбы?»
— «Сила ее ворожбы там — таится на дне морском.
В пасти вишапа, на дне морском,
Драгоценный камень лежит.
Только чудо-богатырь
Мог бы в море низойти,
Камень пламенный схватить,

На заре сюда прийти,
Обнаженной девушку найти,
Ворожбу ее предотвратить:
Уж не будет чарами томить,
И ее он сможет увести».

Сказал Санасар: «Если б, дедушка,
Указал ты мне башню ее, чертог ее,
Погляжу на них».

— «Да тебе-то они зачем?»

А он всё просит его: «Милый дедушка,
Ради господа, чужестранцу из дальней страны
Хоть разочек их покажи.
Погляжу немного на них,
Вернусь я в страну свою,
Об этом городе расскажу».

Взял старик молодца с собой,
Вышел на кровлю, перстом указал, сказал:
«Ты видишь черные окна, черный видишь чертог?
Это башня дочери царской, это ее чертог.
Завесами черными завешаны окна,
Чтобы к ней свет не проник».

Молвил юноша: «Дедушка,
А что, как светильник, сияет вверху?»

— «Золотое яблоко, мой сынок,
Лежит оно на столбце дворцовых ворот,
А на башенной кровле еще палица есть.
Кто яблоко схватит, за пазуху спрячет свою,
Снова взлетит на коне и обратно положит его,
Кто столько силы найдет,

Что палицу сверху на землю метнет,
Что камень из пасти вишапа возьмет,
Что царя на бой призовет,—
Тот девушку уведет».

Сказал Санасар: «Эх, дедушка, я не тот,
Кто мог бы такие дела свершать!

Тебя обо всем расспросил,
Чтоб в других краях говорить,
Вот, мол, какой Медный город есть.
Пойдем, уйдем, клонит меня ко сну!»
Пошли, на постоялом дворе постелили постели, легли.

Уснул старик, не спит Санасар.
Думает он: «Что ж, если так,

Этой ночью свою испытаю мощь».
И видит он, что уснул старик,
Стихло кругом, люд разбрелся.
И встал он к востоку лицом,
Трижды перед богом колени склонил,
Поднялся, вскочил на коня, выехал со двора.
А лунная ночь словно день светла.
Бога он помянул,
Ратный крест он призвал,
На майдан он поскакал, он коня разгорячил,
Он пришпорил Джалали, Джалали рассвирепел,
Взлетел на коне он до верха столба,
Руку протянул, яблоко схватил,
Положил за пазуху его,
И с разбега он опустился вниз, далеко —
Целый час езды.
Коня повернул он и на площади встал.
Снова взлетел на коне,
Вершины башни достиг,
Он господа помянул,
Ратный крест он призвал,
Руку протянул, палицу взял, сжал,
Потянул, повернул, на землю метнул.
Пронеслась она далеко — полчаса пути —
И на целый гяз
В землю, окрепшую от летней жары,
Врезалась.

А после коня он к морю погнал,
Погрузился с конем на дно,
Увидел — приподнял шею вишап.
Над головой у вишапа он встал,
Палицей раз лишь ударил его,
И пошатнулся вишап.
Сверкающий камень из пасти
Далеко на берег упал.
И повернулся вишап, залил город водой,
Словно ливень, весь город водой окатил.
Вспенилось море, над городом смерч пролетел.
Возвратился в стоянку свою Санасар,
Улегся в углу,
Свернулся, уснул, до рассвета спал.

И утром, едва рассвело,
Глядят: растворились окна Дехцун,

И по городу свет от нее идет.
И едва рассвело, проснулся, встал Санасар.
Встал, поднялся, с кровли взглянул:
Девушка за окнами стоит,
Девушка в светлице видна,
Девушку видит он.
Иссякли чары Дехцун.

Санасар к старику обратился, сказал:
«Дедушка, ночью ветер подул,
Туча черная от Сасуна шла,
Ливень она принесла, город она залила».

И призвал глашатаев царь.
«Посмотрите, — сказал, —
Кто это яхонт из пасти вишапа достал?
Царство пройдите мое, найдите того,
Кто золотое яблоко моей дочери взял.
Его надо найти, сюда привести,
Ему голову надо снести».
И по Медному городу глашатаи стали ходить.
Два часа они шли, никого не нашли.
На постоянный приходят двор, говорят старику в упор:
«Отвечай, старик, сюда не пришли
Люди чужой земли?»
— «В эту ночь на мой постоянный двор
Не зашел никто,
Лишь юнец один, — отвечал старик, —
Как пришел — залег, до сих пор он спит».
(Ни во что считал Санасара он,
Вот и молвил так: «Чужеземцев нет».)
А тут Санасар взял да сказал: «Эй, друг,
Да как же здесь нет чужих? Я — чужеземец!»

Старик рассердился.
«Молчи, — говорит, — возьмут тебя и убьют».
Санасар сказал: «За что?»
И глашатаев Санасар позвал, сказал:
«Слушайте, я чужеземец, что вы хотите знать?»
На него глашатаи устремляют взгляд, глядят:
«Этот приезжий — цветущий юноша».
И упало сердце у них.
Говорят: «Тебя, молодчик, утаим,
Жалко тебя, ты к царю не ходи!»
Спросил Санасар: «Что такое с царем,

Почему мне к нему не пойти?»
Отвечают ему: «Сынок,
Ночью пришли, унесли
Золотое яблоко дочери царской.
Имеется царский указ:
У кого яблоко дочери царской найдут,
Должен он в бой вступить. Победит — и уйдет,
Не победит — головы не снесет».
Сунул руку за пазуху Санасар,
Золотое яблоко достал, показал
И глашатаям сказал:
«Ступайте, глашатаи, скажите царю:
Похитителя яблока видели мы».

И они пошли, государю весть принесли:
«Похитителя яблока видели мы!»
И говорит им царь:
«Идите, скажите, пусть явится он,
Он — узник царя».
К Санасару приходят сказать:
«Ты — узник царя,
Пойдем, сдавайся царю!»
Сказал Санасар: «Царю? Какому царю?
Пусть мне битву назначит ваш царь,
Может быть, мне победу дарует господь,
Для чего же мне узником быть?
Боя я требую от царя!»
Как услышал царь — говорит:
«Что ж! Ведь тот, кто это всё совершил, —
Ради моей Златокосой совершил.
Пусть придет, поглядим, как он это совершил.
Пусть поведает — дочку отдам».

Санасар явился, сказал: «Я пришел».
И царь вопросил: «Ты всё это совершил?»
Санасар говорит ему: «Да!»
И сказал ему царь: «Если это не ложь,
То, подобно тому как ты яблоко взял,
Как похитил его ты с вершины столба,
Положи его снова и вновь возьми.
Всё ты днем соверши, — и отдам тебе дочь,
Но казню, коль тебе это сделать невмочь».

Санасар в седло вскочил, вспять коня он повернул,
Он отъехал далеко, он коня разгорячил,

Он пришпорил Джалали, взвился до верха столба,
Золотое яблоко на место положил —
И на целый час езды пролетел вперед.
И коня повернул и предстал перед царем.
Царь сказал: «Хорошо!
Но ведь это не ты, а твой конь совершил! —
И сказал: «Я хочу,
Чтоб, подобно тому как ты палицу вниз
С кровли башни метнул,
Ты бы взбросил на кровлю ее.
Сделай все на виду, и отдашь тебе дочь,
Но казню, коль тебе это сделать невмочь».

Санасар поднялся, палицу взял,
Покрутил, подбросил ее,
И на башенной кровле упала она
И разрушила башню в прах.
Тут промолвил царь: «Погляжу,
Удалец ты изрядный. Ты силен.
Испытанье второе выдержал ты.
У меня шестьдесят пахлеванов есть,
Я их всех заковал и в темнице замкнул.
Отпущу их — с ними дерись.
Если ты шестьдесят пахлеванов побьешь —
Дам тебе дочь, ее увезешь».

Размышлял Санасар: «Срок себе я поставил
На чужбине пробыть не больше трех дней.
С каждым порознь биться должен я пахлеваном
Или царь их погонит всех зараз на меня?»
Сказал он царю: «Государь,
С каждым порознь биться должен я пахлеваном
Или ты их погонишь всех зараз на меня?»
Молвил царь: «Санасар!
Если выпустить всех шестьдесят,
Растерзают мигом тебя.
Порознь их пущу,
Их победишь и получишь дочь,
Не победишь — умрешь».
— «Государь, живи вовек, — молвил он, —
Я шестидесяти не имею дней, чтобы биться здесь.
Всех зараз их пусти — поборюсь,
Или им бог победу пошлет, или — мне».
Государь говорит: «Что?
Всех зараз на тебя пустить?

Да они растопчут тебя!
Жалко тебя! По отдельности с каждым дерись».
Сказал Санасар: «Нет, государь,
Я шестидесяти не имею дней,
Всех зараз их пусти на меня!»

И царь приказал сразу выпустить всех
Шестьдесят пахлеванов своих.
И сел Санасар на коня Джалали,
Вынул Меч-Молнию и на поле стал.
Пахлеваны, как буйволы, мычат,
Наступают на Санасара.
То они кинут слово, то Санасар.
Друг на друга надвинулись, и раздался удар.
Дехцун у окна стоит и глядит.
Врезался в них Санасар,
Пахлеванов мечом разит.
К нему подступить не могут они.
И до вечера бой идет.
Двадцати пахлеванам он голову снес.
И ночью боятся они.
Сказали они: «Убьем его в ночь,
Убьем его, ночь темна».
Еще десять из них он убил до утра.
Вновь до вечера боятся они,
Еще десять убил, еще двадцать в живых,
И лежат их тела кругом,
И лужа крови меж них.
В луже крови стоит Санасар,
И увяз он в густой крови.
Из крови не может выбраться он,
Не могут они Санасара убить.
Вокруг Санасара всё бродят они,
Им страшно к нему подойти.
Онемела его рука.
Уж не в силах, как должно, удара он дать,
Только может еще он удар отражать.

Но уйдем, хоть и слышится новый удар,
Поглядим, что делает Багдасар.

Багдасар был в Сасуне.
И вот он встает, умывает лицо,
И взор его падает на кольцо Санасара,
На обмененное с братом кольцо.

Глядит — почернело на пальце кольцо.
«Эй-эй, — закричал, — спешите, ведите скорей коня.
На коня я вскочу, к брату полечу».
Он вышел, взглянул: тучи черные в небесах,
В дом он вернулся, матери молвил: «Эй-вах! эй-вах!
Брат мой в большой беде, в моем сердце — страх».
Спросила она: «Как ведаешь ты?»
— «Нам поведал один старик,
Он сказал:
«Когда черная туча пойдет вон с той стороны,
А вы — два брата — будете разлучены —
Одному из вас опасности суждены,
Спешите друг другу помочь».
Я должен спешить, чтобы с братом быть».
Сказала она: «Сынок, потерпи,
Терпеливым дается жизнь.
Со мною пойди, хлебца мы поедим,
А потом снарядишься в путь».

Огневого он вывел коня,
Осадлал его, палицу взял.
Вскочил на коня,
К богу воззвал, коня погнал,
Забыл он хлеба поесть.

Домчался до дальних гор.
И пастух-пахлеван глядит,
Кто-то мчится, словно ураган.
И сказал он: «Это, верно, Санасара брат».
Навстречу идет, говорит:
«Всадник, иди, молока подою. Пищу прими,
Присядь, отдохни и вновь поезжай».
Кричит Багдасар: «Ты, сатана,
Умирает мой брат,
А ты говоришь мне: «Пей молоко». Еду. Прощай!»
Пастух отвечает: «Ну, нет!
Пока не выпьешь ты молока, проехать тебе не дам».
Багдасар поглядел: тот на скору готов.
Слез он, присел.
И в корыто пастух надоил молока,
К Багдасару подвинул и хлеба дал,
А сам пошел вокруг стада бродить.
И семь раз обошел он вокруг овец,
Пока Багдасар допил молоко,

Опрокинул корыто и крикнул: «Пастух!
Эй! Чашу прими, трогаюсь в путь!»
Пастух подошел, Багдасару сказал:
«Семикратно сильнее тебя Санасар,
Смотри, не противься ему.
Ступай! С сорока пахлеванами справился брат,
Но двадцать осталось, этих — ты перебьешь.
А потом вы вернетесь в свой дом,
И не бойтесь, не сможет никто
Вас, двух братьев, одолеть».

И погнал Багдасар коня,
Доскакал он до стен Медного города.
И вот он глядит: у стен городских
Сорок старых людей до того уж стары,
Что одежда их, космы их, бороды их — желты.
И всем он отвесил поклон, проговорил: «Привет,
Белобородые, краснобородые, темнобородые!»
И всё тот же старик поздоровался с ним, сказал:
«Эй-вах, эй-вах, юнец-молодец,
И ты прийти пожелал, в руки попал к той,
У которой жалости нет!»
Сказал Багдасар:
«Ну что же такого, что к ней я попал?»
— «Сыночек, и часу тут быть нельзя.
У безжалостной птица есть, прилетит, закричит —
И ты станешь ровесником нам».
Сказал Багдасар: «Милый дедушка,
Вчера сюда прибыл один молодец,
Он тут проезжал. Не видали его?»
И ответили старики:
«Не вчера, позавчера проезжал подобный тебе.
Был он даже сильней, удалее тебя,
Да и конь у него огненный был.
Пронесся он; в городе он.
И до этого дня гром битвы был слышен,
Гром битвы пахлеванов был слышен.
Но сегодня умолкло всё.
И неведомо нам, кто в живых там
И кого уже нет в живых».
Вскричал Багдасар: «Эй-вах! Ведь это мой брат!
Если не слышно ударов его, стало быть, он убит!
Вот обет мой: всех я палицей хвачу,
Я весь город на ветер пущу,
Я за брата отомщу».

И он от старцев ускакал.
И всё, что видел он,
Всё, что двигалось вокруг,
И животных, и людей — перебил.
Подскочил, палицей медную стену хватил, развалил,
В город вступил.

Санасар и двадцать пахлеванов
Друг против друга стоят.
Санасар уж так утомлен,
Что едва отбивается он.
Залеплены кровью глаза, размахивает мечом.

Багдасар коня погнал,
Под окно Дехцун прискакал,
Спросил: «Девушка! Где сраженье идет?»
Узнала его Дехцун, говорит:
«По ту сторону города — там!»
Багдасар коня погнал,
Примчался, в битву вступил.
А как несколько он пахлеванов убил —
Закричал: «Эгей! Браток Санасар!»
И слова его громко звучат,
И узнал Санасар, что примчался брат,
И сказал: «Слава творцу!
Подоспел помощник мой, больше не боюсь! —
И кричит: — Эгей! Братец! Багдасар!
Эгей! Это ты на помошь мне поспел?»
Кричит Багдасар: «Да! Это я!
Ты оттуда им путь прегради,
Я отсюда, разя их, приду».
И брата из крови вытащил он,
Повел и умыл его, и брат его очи раскрыл, спросил:
«Да где же они? Оставалось их двадцать в живых».
— «Я убил их», — сказал Багдасар.
И к царю они пошли.
И увидел их царь, сказал:
«Испытаний четыре ты одолел.
Но в Зеленый город должны вы войти
И вернуться, чтоб дочь увести».

Да где же ты, Зеленый город? К тебе мы идем.

БЛИЗНЕЦЫ В ЗЕЛЕНОМ ГОРОДЕ

Пошли они и пришли в безводные, выжженные края.
И в город вошли, и туда и сюда прошли,
И в дверь постучали. А в доме старуха жила.
Старуха вышла, спросила: «Кто тут?»
Они говорят: «Мы чужестранцы, не примешь ли нас?»
Отвечает она: «Почему не принять, гости —
от господа!»

Отворила старуха дверь, юношей в дом ввела,
Говорит: «Нет у меня детей,
Моими станьте детьми, я матерью стану для вас.
Вместе мы заживем, хлеб нам пошлет господь».

И когда рассвело,
Багдасару сказал Санасар:
«Зачем нас царь каджей направил сюда,
Что делать мы здесь должны?»
Отвечал Багдасар:
«Пойдем-ка в город, побродим,
А что нам пошлет господь, то и станем творить
И увидим, чем кончится всё».

Коней и оружье велели старухе хранить
И пошли по городу побродить.
Пришли они к царской конюшне, у входа стоят.
Вышел конюший, у братьев спросил:
«Кто вы, молодчики?
Конюхами хотели бы стать?»
Отвечают они: «Иноземцы мы».
— «А умеете вы коней скрести?»
— «Умеем», — они говорят.
Конюший повел их в конюшню и там
Сказал: «Очистите стойла коням».
Багдасар взял лопату, Санасар — метлу,
Убрали под лошадьми.
Конюший сказал: «Теперь поскребите коней!»
Спросил Санасар: «А скребницы где?»
— «Там на полке, в углу», —
Конюший сказал и ушел.
И какую б скребницу ни брал Санасар,
Рассыпалась она у него в руке.
По конюшне пошел он, глядит:
Не скребница ли большая там лежит?

То колода медная была, из нее поили лошадей,
В ней сегодня лежал ячмень.
И высыпал он ячмень, колоду медную взял,
Чтобы коней скрести.
Но лишь по крестцам коней,
От гривы до хвоста,
Кожу с коней сдирали.
А тут конюший пришел,
Позвал, закричал: «Что сделали вы?»
Они говорят: «Поскребли!»
— «Да будет разрушен ваш дом!
Погубили вы всех коней».

И конюший пошел, рассказал царю,
Какая стряслась беда.
«Как с ними нам поступить,
Это люди мощные, силачи!»
Вымолвил царь: «Пусть останутся здесь,
Утром их в горы пошлем
Драться с вишапом».

И братья опять к старухе пришли.
А вечером Багдасар сказал:
«Мамик, хочется пить, дай немного воды».
Старуха сказала: «Порази меня гром, нету воды!»
Сказал Багдасар: «Что за речи, мамик?»
Сказала старуха: «Умру за тебя,
Да в городе нашем нету воды.
Тут вода была и зелень,
Город был Зеленым назван,
И теперь на горе находится ключ,
Да только к истоку его
Вишап подошел,
Ключ запрудил,
Не дает воде к городу течь.
Мы боимся его, мы не смеем туда за водою ходить.
И в неделю раз мы на корм ему девушку отдаем,
Чтоб за это воды хоть немного давал,
Чтоб народ от жажды не пропал,
Чтоб наш город гибель не познал.
Тут живет одна девушка у царя,
Завтра ее черед».
— «Мамик! Неужели нельзя вам вишапа убить?»
Отвечает: «Сыночек, не можем вишапа убить!





Уж много, много раз государь
С войсками своими шел на него.
Ничего с ним поделать не смог».

А когда взошла заря,
Сказала старуха: «Вот волки слышны,
Это, верно, к вишапу девушку ведут». Глянули юноши — всё так и есть.
Схожа девушка с луной.
В черных тканях она.
Плачет она. Ведут ее к роднику.
Взяли женщины кувшины, за водой идут.
И два брата за ними следом пошли.
И как вышли из города,
Санасару, Багдасару говорят:
«Вы девушку возьмите, к вишапу отведите,
С вишапом сразитесь, его умертвите».
Санасар, Багдасар сказали царю:
«С чем же пойдем воевать?
Оружия с нами нет».
Царь отвечает: «Как знаете!»

Багдасар Санасару сказал:
«Войдем в этот дом большой,
Там два круглых камня лежат.
Пойдем, камни возьмем.
Оба с дырами они,
В дыры руки просунем, возьмем и уйдем».
Пошли и камни унесли.
А хозяева камней
К царю с жалобой подошли.
«Мы, мол, такие расходы несли,
Насилу-то камни сюда принесли,
А они унесли, чтобы бросить в горах.
Мы больше не в силах эти камни таскать».
И братьев спрашивает царь:
«Если камни возьмете — назад принесете?»
Говорят они: «Да,
И туда отнесем, и назад принесем».

Понесли они камни, с девушкой пошли.
И пошли, и дошли до вершины горы,
Где привязывали девушек всегда.
И сказали: «Девушка, не страшись:
Один станет вверху, другой станет внизу».

А она подумала так:
«Давай-ка я убегу,
Пусть пожрет их вишап
И даст нам воды».
Они глядят: вишапа нет, а девушка бежит.
Поймали ее, связали.

Брату сказал Санасар:
«Я стану внизу, ты станешь вверху.
Ведь если я стану вверху и камнем ударю,
Мой камень не сможешь ты удержать.
А как выйдет вишап, мы его поразим.
Но будь осторожнее, брат,
Чтобы в пропасть камням не упасть,
Чтобы им не пропасть».

И внезапно услышали: гром
Прогрохотал по горам.
Посмотрели — огромный подходит зверь.
Буйволу бровень его высота,
И длиною в пять буйволов он.
Еще издали их увидел вишап —
На съеденье к нему трое пришли.
Обрадовался вишап, зубами поляскал, разинул пасть,
Хвостом покрутил, зашипел,
К лакомой девушке тихо пополз.
Зубы стиснула она,
Онемела, заплакала.
Горючие слезы текут по лицу.
Подползает вишап.
Бросил камень Багдасар.
В зверя камень попал, да его не свалил.
Кричит Багдасар: «Камень лови!»
Дал удар Санасар, зверю бок проломил.
Тут с камнями они подошли,
Голову вишапу разнесли.
И камни с собою берут, к девушке оба идут.
Развязали ее, сказали:
«Возвращайся, девушка, домой».
А вишап окровавленный повернулся и сдох.

И открылся потока исток.
И родник потек — всё бы тек и тек.
Люди шли за водой,
И вдоволь каждый брат ее мог.

Багдасар Санасару сказал:
«Бросим камни в ущелье, уйдем».
Сказал Санасар: «Жалко людей,
Им камней не снести. Камни возьмем, им отнесем».
Взяли камни они, с девушкой в город пришли.
Рассказала девушка обо всем царю.

Царь призвал и спросил:
«А камни вы принесли?»
Ответили: «Да, у дверей лежат.
Пусть хозяева придут, свои камни возьмут,
Мы не знаем, куда их нести.
Мы сюда принесли, а уж дальше пусть сами несут»,
— «Да не смогут они сами в дом их внести»,
— «Как же раньше внесли?»
— «Раньше буйволов да коней впряженли,
На место камни приволокли,
А потом маслобойню и возвели».
Говорит Санасар: «Что ж! Пусть с нами пойдут,
Место укажут, откроют дверь.
Мы камни возьмем, в дом их внесем».
И хозяева с ними пошли,
Указали, где камни сложить,
Положили камни они — и вдвоем
Вернулись к старухе в дом.

Царь на следующий день
Санасару, Багдасару говорит:
«Просите, — всё вам дам!»
Багдасар говорит: «Ничего не хотим...
Разве лишь то, что мы сами спасли».
Снова вымолвил царь:
«Багдасар, говори!»
Трижды спрашивал царь, —
Багдасар не ответил царю.
Царь промолвил тогда:
«Ну, коль молчите,
Спасенная девушка — ваша! Давай
Я женю тебя, Багдасар».
Молвил юноша Багдасар:
«Да некогда мне жениться сейчас!»

Обручили всё же с девушкой его.

ЖЕНИТЬБА БЛИЗНЕЦОВ

Два брата встали, «Будьте счастливы», — сказали.
Из Зеленого города уезжали они,
К Медному городу поскакали они.
К крыльцу царя каджей прискакали они,
Чтобы вывести Дехцун, силою увести.

Царь каджей сказал: «Санасар,
Дехцун за городом, в замке живет,
А привратником там — дэв Амдол.
Коль посмеешь — иди, уведи».

В городе остался Багдасар.
Санасар был удальцом сасунским —
Оружие взял, в седло вскочил, и в путь.
И вот на скале белый замок увидел он.
И к нему направил коня.
«Поглядим, — сказал, —
Не здесь ли живет Дехцун златокосая?»
И доехал он до ворот.
И в громадных воротах видит он вход.
Ударил в дверь Санасар,
Закричал: «Открой, а не то
Ворота твои на тебя свалю».
Замер дэв Амдол, от страха ноги отнялись.
Дехцун посмотрела в оконце, глядит:
Там стоит Санасар.
И бежит, открыла дверь, говорит:
«Свет очей моих, ты на радость пришел,
Мой властелин».

Санасар с коня сошел.
Обнялись они
И пошли, в замок вошли.
Сказала Дехцун: «Умру за тебя!
Отвечай, Санасар, к добру ль твой приход?»
Отвечал Санасар:
«Я прибыл сюда тебя в жены взять».
И сказала Дехцун: «Добро!
Найду ли такого, как ты, удальца?»
И стояла она перед ним.
И глядит Санасар — красива она,
Милее для глаз, милее в семь раз,
Чем снилась ему.

Поменялись кольцами они.
И сказала Златокосая: «Санасар!
Мне жалко тебя, юноша ты,
Зачем ты пришел за мной?»
— «Почему ты жалеешь меня?»
Отвечала Дехцун:
«Потому я жалею тебя, что могут тебя убить,
Ведь это царство — край чародейный.
Мы ночью уйдем, — сказала она, —
Чтобы город не проснулся, не узнал,
А проснется город, узнает —
Не даст меня увести».
Сказал Санасар в ответ:
«Нет, не страшно мне! Нет, я днем уйду,
Не стоит и говорить!
Коли идешь,
На коня моего вскочи!
А не идешь — слово скажи, я коня поверну, умчусь!»
— «Как же мне не идти? — сказала Дехцун. —
Для тебя я живу, лишь тебя я люблю,
Я тебя призвала, чтоб уехать с тобой».

Сказала и прыгнула на коня.
И погнал коня Санасар.
Со всем, что встречалось ему в пути, —
Был ли то камень, куст или зверь, —
Здоровался Санасар.
Уж виднелась граница земли царя каджей,
Тут встретился им омерзительный зверь.
Не поздоровался с ним Санасар.
А зверь этот к небу взвился,
Громким голосом заревел:
«Р-р-р-а! Р-р-р-а! Забрал! Украл!
Санасар Рыжеволосую забрал!»
Голос камень услыхал, кусту сказал,
Куст деревьям сказал,
Ствол древесный зверям сказал,
Голос до города путь сыскал,
В городе каждый друг другу сказал.
Опомнились все.
Все поспешно поднялись.
Всадники по полю растеклись,
За Дехцун понеслись.
Морскому песку имеется счет,
И звездам небесным имеется счет,

И травам земным имеется счет,
Всадникам — счета нет.

Но то был Санасар! Он отвез
На вершину горы Дехцун,
И вернулся, и к всадникам прискакал,
Меч-Молнию выхватил и сказал:
«Тебя поминаю, творец,
Ратный крест, поминаю тебя!»
И всадников начал рубить.
В их гуще сражается Санасар,
Разбивает, кромсаает, скакет вперед.
А потом глядит Санасар:
От него люди бегут,
Вдаль спешат —
Издали люди бегут
И к нему спешат.
Это ярый бился Багдасар,
Он скакал, избивая горожан.

И увидел Багдасар всадника вдалеке.
Всадник кровью покрыт,
Всех мечом сечет.
Закричал ему Багдасар:
«Ты умрешь! Как вижу я,
Санасара ты убил.
Доберусь до тебя, твою душу богу предам».
Размахнулся он, и ударил он
Санасара палицей в грудь.

К крупу коня откинулся Санасар,
Но снова уселся в седле.
Повернулся брат и ударил вновь,
Снова выбил его из седла.
И опять — в седле Санасар.
И запел он так:
«Да не гаснет к молитвам жар,
Всё — царя небесного дар.
Знакомый удар! так ярый бьет Багдасар.
Знакомый размах! так ярый бьет Багдасар».

Слышит эти слова, узнает Багдасар,
Что пред ним Санасар, говорит:
«Ты весь кровью покрыт, я тебя не признал,

Как же ты не признал меня,
Не дал знака мне, мне ударить дал? —
И Санасара спросил:
— Ты добычу привез иль вернулся ни с чем?»
Отвечал ему Санасар:
«Я дочь царя каджей привез.
Вон там она, на горе».

И брата он взял, повел к Дехцун,
Да издали ей подмигнул:
«Поцелуй, мол, руку ему».
И руку Багдасара поцеловала она.
Ей очень обрадовался Багдасар.
«Невесточка, — молвил он, —
Смой ты кровь с одежды брата моего.
Недобитая рать — доля моя!»
И мгновенно Багдасар
В руку взял копье.
Бросился к коннице, начал колоть.
Не сразил только тех, кто дома сидел.
Всех перебил, никого не оставил,
Кто бы весть горожанам принес.

Так братья вдвоем,
С этого края — один, а с другого края — другой,
Опрокинули всадников рой,
И вопли неслися кругом.
И прибыл царь каджей, сказал:
«Ради бога, сасунские храбрецы,
Не убивайте больше моих людей.
Что хотите, я всё вам дам:
Дочь хотите — ее вам дам,
Царство хотите — его вам дам».
Сказали они: «Дехцун мы хотим —
Вот и берем».

И взяли они Дехцун,
Приехали к старцам они.
Сдержали коней, спустили наземь ее,
Поставили перед старцами.
Молвил юноша Санасар:
«Пришли эти сорок людей за тобой,
Приманила их ты, обратила их ты в стариков.
Ну-ка возьми, чары сними,

Снова возраст им дай
Тот, в котором пришли».
Златокосая говорит:
«Все они за мною сюда пришли,
Если им я молодость верну —
Вызовут вас на бой.
Возьмите меня, едем скорей!»
— «Так не годится», — сказал Санасар.
Поворожила тут Дехцун,
Позвала, призвала птицу свою.
Птица запела — к пришельцам вернулись года,
Те, в которых они пришли.
Сказал Санасар: «Хорошо!»

Отвел в сторону Дехцун,
К молодцам подошел,
Речь завел: «Храбрые пахлеваны,
К Златокосой вели вас пути,
Но было нужно вам в бой пойти,
После боя ее увести.
И мы Дехцун захотели найти,
И вот мы, два брата, в этом kraю
Сражались, и победили в бою,
И тогда лишь взяли ее, сюда привезли,
Ну! Силу вы снова теперь обрели.
Дехцун подождет за холмом,
А мы — биться начнем.
Коль нас двоих вы в силах одолеть,
Дехцун достанется вам,
А если одержим победу мы —
Станет нашей она».
Говорят пахлеваны в ответ:
«Эй, Санасар, Багдасар!
Вашей волею мы свободны вновь,
Снова в жилах у нас молодая кровь,
Неужели с вами драться мы станем?
Нет, с вами драться не станем,
Нужно ехать нам в наши края».
Сказал Санасар: «Чужеземные братья,
Так согласны вы, чтоб я взял ее,
Чтоб делить с ней стал житье-бытье?»
Говорят они: «Да, знай отраду с ней,
Поздравленья прими, ведай только добро!
Будьте счастливы!» — сказали эти сорок человек

И разъехались по своим краям.
И каждый вернулся в свой дом.

Санасар и Багдасар взяли девушку с собой,
К Сасуну направили путь.
Сказал Санасар: «Мой брат,
Златокосую ты бери!»
Отвечал Багдасар: «Не возьму!
Два раза тебе написала «Привет».
За нее ты сражался, ты и должен забрать.
Где это видано, где это слыхано,
Чтоб невесту брат у брата отбирал?
В жены себе возьму
Ту, что мы от вишана спасли».

Долго ль, коротко ли были в пути,
Глядят, кто-то едет на сивом коне.
Всадник им закричал: «Эй вы, псы!
Гурия эта достойна меня, куда вы везете ее?»
Сказал Санасар: «Брат,
Моего подержи коня,
Пойду погляжу, что он там говорит».
Закричал Багдасар: «К черту ступай!
Каждый раз ты идешь на бой,—
Я пойду!»
Сказал Санасар: «Иди, сердиться зачем?»
Багдасар коня погнал, поскакал, в поле встал.
Тот словцо послал — этот не сплошал.
Оба с коней долой и вступили в бой.
Багдасар врага схватил, наземь положил.
Ну а тот свой ворот расстегнул,
Грудь свою открыл, молвил: «Багдасар,
Я сестра вон той, что везете вы.
Я семь лет пробыла в горах.
Оттого я из дому ушла,
Чтоб не видеть колдовства Дехцун.
И в Зеленый город я пришла,
У царя той стороны жила,
И узнала я: иссякли чары Дехцун,
И увозит ее Санасар.
Ты ведь тоже со мной обручен,
И вот я пришла к тебе».

И сели они вчетвером на коней,
К Сасуну направили путь.

И прохожего с вестью послали они
К Цовинар-хатун:
«Мы каджских царевен с собой привезли.
Златокосую Дехцун да ее сестру.
Трубы готовьте, бубны готовьте,
Пускай нас гусаны ждут,
Едем свадьбы справлять».
И родительница их, Цовинар-хатун,
Тут по сорок разных труб собрала,
И по сорок разных бубнов собрала,
И гусанов привела,
Горожан созвала.
С Дехцун венчается Санасар,
А с сестрой ее — Багдасар.
И сорок дней, и сорок ночей
Над снедью вздымается пар,
И радостен свадебный пир.

И вот Багдасар с женой молодой
Уехал в Багдад.
В Сасуне жил Санасар.
Бездетным был Багдасар.
Санасару сына послал господь,
И назван он был Верго.
А прошло еще несколько лет —
Еще двое мальчиков родилось.
Один был назван — Ован-Горлан,
Другого назвали — Мгер.
Ни на что не годен был Верго,
А Ован и вправду был Горлан:
Семью шкурами буйволов обматывал он себя,
А уж после вонзил, а то лопнуть мог,
Ну а Мгер — одаренный был,

Всё ушло. Смерть пришла к Санасару, и умер он,
Цовинар-хатун умерла. Умерли все.
Остались в живых: Кери Торос и Дехцун,
Верго, Ован-Горлан и Мгер.
Времена Мгера пришли,

Ветвь вторая
МГЕР СТАРИЙ

*С поклоном помянута будь
Ты, Дехцун, — тысячу раз!
С поклоном помянут будь
Ты, Кери Горос, — тысячу раз!
С поклоном помянут будь
Ты, Ован-Горлан, — тысячу раз!
С поклоном помянут будь
Ты, Старший Мгер, — тысячу раз!
С поклоном помянута будь
Ты, Армаган, — тысячу раз!
С поклоном помянута будь
Ты, Исмил-ханум!*

МГЕР-ОХОТНИК

Как умер Санасар —
Пришел Ован к Верго, сказал:
«Верго, Сасун тебе принадлежит,
Ты — старший брат».
— «Что? — отвечал Верго. — Я править не могу!
При том же грыжа у меня;
Я как-то поднял палицу отца
И грыжу нажил от натуги».

Вот собрались,
Держали совет и решили они,
Что мать, Дехцун,
Будет править Сасуном,
Покамест дети не вырастут.
Села Дехцун на коня Джалали,
Поехала погулять по горам,
Потому что уж давно не выходила
Из дома она.
Без конца хотелось любоваться
Ею и конем.
Оседлала Джалали она перламутровым седлом,
Золотые удила вделя в рот коню,
Облеклась в свои она доспехи
И стальные башмаки надела,
Санасара булаву взяла,
Тул со стрелами и лук.
Горы все объехала окрест.
Так немало лет
Правила страной Дехцун.

Жил в это время Мсра-мелик,
Он халифу багдадскому близок был.
Над Мсыром владычествовал мелик,
Полновластно в Мсыре царил.
Как про смерть Санасара просышал мелик —
Он войска навел на Сасун,
Наложил на сасунцев тяжелую дань.
Брал он сорок коров нетелившихся в год,
Сорок мерок золота в год,
Сорок юных девственниц в год,
И Сасун был данник его с тех пор.

Когда исполнилось Мгеру семь лет,
Рост его был — семь шагов.
В монастырь учиться его отвели,
Поучился он. Вырос — статным стал.
Матери сказал: «Марэ,
Долго ль мне так жить?
Разреши мне пойти
По холмам, по горам погулять!
Я б ходил на охоту, встречал бы людей,
Человеком бы стал!»
Дехцун сказала: «Мгер,
Ты еще мал на охоту ходить.
Ты обожди несколько лет,
Ты подрасти сперва!»
Но часто матери Мгер говорил:
«Покамест в доме хозяина нет —
Дэвы могут напасть на дом,
Горе могут в дом принести.
Лучше, коль для боя буду я
Ныне же готов!»

Сына не смогла сломить Дехцун,
Разрешение дала.
И ходил он на охоту с той поры.

Он тогда на охоту ходил по полям,
Свой бег над горами стремил,
Лишь ночью домой приходил.
Охотился пешком, не знал коня.
Однажды Мгер чересчур устал:
Он целый день лисиц догонял,
За целый день не догнал ни одной,
Усталый, сердитый пришел домой,
Дубинку в угол швырнул.
Дядя спросил у него: «Дитя,
На что ты так сердит?»
— «Ах, Кери Торос! — ответил Мгер. —
Будь проклята охота моя!
Я бежал по лесам, лисиц догонял,
Удирали они между рук у меня!
Зверя бегом догнать не могу.
Я издали в зверя пытался стрелять —
Не долетала стрела,

Без добычи домой возвращаюсь.
Ах, дядя, как я устал!»

Был он телом в ту пору огромен и толст,
Тяжелым был на бегу;
Когда по земле бежал —
По колена в земле увязал.
Дядя молвил ему: «Ты безумец, дитя!
Разве всем сасунцам безумцами быть?
Лишь безумцы на лисиц ходят пешком,
Лишь безумцы руками ловят зверей».

«Как же быть мне, дядя? — Мгер спросил. —
Что делать мне, научи!»
— «Мгер, сыночек, — сказала Дехцун, —
Живет в Битлисе ишхан Горгик,
Вставай, сынок, иди к нему!
Он родственник нам.
У Горгика-ишхана сорок коней,
Даст он лошадь тебе побыстрей, посильней,
За зверями ты будешь гоняться на ней».
Мгер сказал: «Припаси мне два хлебца, нанэ,
Завтра рано я встану, пойду,
В Битлис-город к ишхану пойду».
Мгер утром рано с ложка встал,
Два хлебца просияные взял,
Себе за пояс положил,
Дуб вырвал с корнем, вскинул на плечо
И в путь пошел:
«А ну, где ты, битлисский дол?
Иду к тебе!»

Спустился он в огромную долину,
Дошел до города Битлиса,
Вошел в ворота городские.
Боролись юноши и дети у ворот
И видят — человек идет,
Громадный, до притолок лбом достает,
Столетний дуб на плече несет —
Бревно, как подпоры под крышей в домах,
На Мгера глядят. Галдит детвора:
«Откуда взялся такой человек,
Бревно на плечо положил и несет!»
Мгер подошел к ним и спросил:
«А где тут живет Горгик-ишхан?»

Запрыгали дети вокруг него,
Говорят: «Пойдем, мы тебя доведем,
Покажем Горика-ишхана дом».
Вот привели его к ишхановым дверям.
Мгер прислонил бревно к стене и в дверь шагнул.
Видит — в чертоге своем
Восседает Горгик-ишхан,
Все князья кругом сидят, беседу ведут.
Мгер поклонился им.
А ишхан на Мгера и не поглядел.
Мгер взглянул на того, кто всех выше сидел,
И сказал: «Так ли, этак,
А это и есть Горгик!»
К ишхану подошел,
Его за руку взял,
К потолку приподнял,
Руку малость давнул. Показалось тому,
Что рука сломалась в семи местах.
И Мгера он спросил:
«Кто ты, силач?»
— «Я из Сасуна», — ответил Мгер.
«А кто же твой отец?»
И Мгер ответил: «Санасар!»
Тогда сказал Горгик-ишхан:
«Добро пожаловать, родной,
Добро пожаловать в наш дом!»
Схитрил Горгик-ишхан,
Почувяв, как Мгер силен,
Задобрить его хотел,
Еду велел принести.

Мгер сел, поел, отдохнул,
Когда ж покончил с едой,
Ишхан спросил его:
«Как имя твое, лао?»
И тот ответил: «Мгер».
— «Как же случилось, Мгер, лао,
Что стал ты гостем моим?»
Мгер сказал: «Так я телом отяжелел,
Что, когда на охоту хожу,
Ни волка, ни лани догнать не могу,
Убегают от рук моих!
Я прошу у тебя одного коня,
Буду верхом зверей догонять.
Если дашь, так давай,

А не дашь — так я встану сейчас и уйду!»
И ответил тогда Горгик-ишхан:
«Я душу отдашь за тебя, мой Мгер,
А просиши ты только коня!
Сорок коней есть у меня;
Бери себе хоть десять коней!
Который конь тебе по душе,
Ты на того и садись!»

В тот вечер спать легли. Проснулись поутру
И сели есть и пить.
А потом Горгик говорит слуге:
«Ты веди Мгера моего,
Отопри конюшню для него,
Пусть берет себе он коня того,
Который ему по душе».
Вот Мгер со слугой в конюшню идут.
Мгер глянул — оторопел:
Двадцать коней — в одном ряду,
Двадцать коней — в другом ряду,
Чепраки цветные на всех сорока,
Удила стальные у всех сорока.
И слуга сказал:
«Мгер, я бы жизнь за тебя отдал!
Который скакун тебе по душе — гляди, выводи!»
Мгер обошел оба ряда коней,
Какого ударил рукой по спине —
Тот рухнул на брюхо, скорчился.
Всех коней перепробовал Мгер,
Молвил: «Нет коня, пригодного мне!
Не кони у вас, а клячи одни, —
Какого ударил рукой по спине —
Тот рухнул на брюхо, скорчился.
Ну где им тяжесть мою снести?»

Повернулся, хотел из конюшни уйти.
Вдруг видит он: между стойл
Жеребенок двухлетний, кругл и лохмат,
Прыгает, гривой трясет.
Мгер тогда сказал сам себе:
«Если нет для меня коня,
Дай ударю я этого по хребту,
Сдохнет он, я встану, уйду, —
Пускай попомнят меня!»

Как хватил жеребца поперек спины,
Угодил ручищей ему по крестцу.

Прыгнул тот, искалечил десять коней,
Дважды грянул копытами по стене,
А если бы Мгер задел —
В Сасун бы Мгер улетел.
Как в стену ударил конь —
Из гранита брызнул огонь.

Мгер воскликнул:
«Подымет меня конь —
Так этот лишь конь!
Лучшего мне не найти!
Я ведь знаю силу свою:
Раз его я ударили, он должен был сдохнуть
на месте!

Пойду теперь, хозяину скажу:
Коль даст коня, с конем уйду,
А коль не даст, так без коня уйду».

Вернулся Мгер, в палате сел.
Горгик-ишхан спросил его:
«Мгер, лао, какого ты выбрал коня?»
Ответил Мгер: «Все сорок коней
Пусть у тебя останутся,
Пусть их число не убывает.
Ты мне дай жеребенка лохматого!
А коль не дашь ты мне его —
Я брошу всё, домой уйду!»
Горгик-ишхан сказал:
«Мгер, лао, мне стыдно перед людьми,
Я — ишхан, а не кто-нибудь!
Ну на что тебе заморыш такой?
Скажут: Мгер за конем к ишхану пришел,
А ишхан коня пожалел,
Жеребенка малого дал».
Но Мгер сказал: «Нет, нет!
Жеребенка я сам прошу.
Если дашь его — я возьму,
А не дашь — без коня уйду».
Сказал тогда Горгик-ишхан:
«Из моих сорока коней
Мог ты лучшего взять коня.

Жеребенка ты сам избрал,
А не я тебе навязал,
Так бери его в дар от меня!»

Тут слуга взял узду, жеребенка взнуздал,
Из конюшни вывел во двор,
Мгеру повод вручил.
Мгер к себе жеребца потянул,
Только с места не сдвинул его.
Попросил веревку принести,
Жеребенку ноги связал,
Крепко связал, как мог,
Бревно продел между ног,
Взвалил себе на плечо,
Сказал: «Ну, ишхан, будь здоров!
Да хранят небеса твой кров!»

Поднялся, пустился в путь:
«Где ты, Сасун? Иду к тебе!»

Были дети в Битлисе чертей озорней,
К Мгеру сбежались они,
«Гу-гу, — кричат, — бу-бу», — кричат,
Орут, свистят:
Мол, дурак, коня на себе несет!
А Мгер не слушает, дальше идет,
С конем на плече до Сасуна дошел.

Увидел Мгера Кери Торос, —
Жеребенка Мгер на себе несет.
Молвил: «Толк не велик от твоей простоты!
Жеребенка, видать, еле выпросил ты?
Знать, ишхан пожалел красивых коней?»
Мгер ответил ему: «Кери!
Всё ты верно мне говорил:
У Горгика-ишхана сорок коней,
Я какого ни хлопнул рукой по спине,
Тот рухнул на брюхо, скорчился.
Не годны скакуны ходить под седлом.
Ну, а этого треснул я кулаком,
Угодил ему прямо в крестец.
Как подпрыгнул мой жеребец,
Искалечил десять коней,
Как он дважды в стену лягнул,
Так из камня брызнул огонь».

И промолвил Торос: «Ну, давай мне его, коли так!
Я уж выхолю жеребца!
Я его продержу девяносто дней,
Лишь тогда на коня садись».
А Кери Торосик был чудесный кузнец,
Знал он толк во всех породах коней.
Миновало тогда девяносто дней,
Вырос конь богатырский, в тело вошел,
И Мгер сел тогда на него.

Вот всадником сделался Мгер,
Весь Сасун он объехал верхом.
Сколько ни встречал дичи, зверей —
Убивал, ловил,
Привозил в Сасун, людям раздавал,
Охотой весь Сасун семь лет кормил.

ЕДНОБОРСТВО МГЕРА СО ЛЬВОМ

Было Мгеру меньше пятнадцати лет.
И день наступил,
Непомерно стал дорог в Сасуне хлеб.
Поднялся народ,
К Мгеру пришел, стал у ворот,
Молвил: «Ради любви твоей к богу, Мгер,
Слушай — мы с голоду мрем!
Иди, спаси от гибели нас!»
Мгер сказал: «Я в лицо не вижу беду.
Я к Кери Торосу пойду,
Может, знает он, откуда беда,
А я ничего не знаю».

Мгер к Кери Торосу пришел,
Молвил: «Дядя, в Сасуне голод,
Может быть, ты поможешь нам?»
Торос ему ответил: «Мгер,
Что я могу! Как помогу!
Хлеба в стране нет ни зерна,
Если и есть,
Так в амбаре твоего отца».
— «Где же наш хлеб? — Мгер вопросил. —
Ветер унес, град ли побил,
Солнце ль сожгло?»
И старец ответил: «Нет!

Мы не пашем в Сасуне земли никогда,
Мы разводим на пастбищах козы стада;
А хлеб нам возили Шам и Алеп.
Но отрезал дороги огромный лев,
Пешим и конным пути преградил,
Ни проехать к нам, ни пройти.
Боязно стало ходить купцам
Из Шама к нам, из Сасуна в Шам,
Вот и пала дороговизна на мир».

Мгер спросил: «Кери, что такое лев,
Какой такой лев?»
Отвечал Кери: «Над зверями зверь,
Он ест людей».
И Мгер спросил: «Издалека ест
Иль, когда подойдешь, тогда и съест?»
Отвечал Кери:
«Нет, сперва подойдет, а уж ест потом!»
Мгер сказал: «Если так,
На рассвете я выйду на льва!»
Кери говорит: «Не ходи, разорвет!»
Но Мгер не послушал дядю, пошел.

Все, кто мог упереться в стремя ногой,
Кто взобраться мог на коня,
Сели в седла, за Мгером двинулись вслед,
Прискакали к логову льва.

Мгера лев увидал издали,
Потянулся, поднялся с земли,
По земле колотил хвостом,
Подымал пыль и туман,
Встал, навстречу Мгеру пошел.
Мгер у войска тогда спросил:
«Это что там в поле пылит?»
Люди молвили: «Это лев,
Тот, о ком весь мир говорит».
Мгер сказал: «Если льва кто ударит мечом,
Я оставлю льва в стороне,
Повернусь, нападу на того,
Убью его!»
Потом сказал: «Мать льва того
Воззвала к богу — родила его;
Воззвала к богу мать моя — и родила меня!
Я меч свой должен снять и наземь положить,
Я без оружия в бой вступлю!»

Попятались люди.
Сошел с коня на землю Мгер,
Пошел вперед.
И Мгер воззвал:
«Хлеб и вино и сущий господь!»
Сцепились Мгер и лев.
Льва за верхнюю челюсть одною рукой,
За нижнюю — другой
Мгер ухватил, пополам разорвал,
На две части льва разорвал.
Левую часть налево швырнул,
Правую часть направо швырнул.
Сбежались люди вокруг Мгера.
Один побежал в Сасун
И матери Мгера весть принес:
«Свет очам твоим! Ликуй! Мгер льва убил!
Если раньше он был просто Мгер,
То теперь он — Львораздиратель Мгер!»

Вернулся Мгер в Сасун.
Ко Мгеру пришел
Сасунский народ,
Сказал ему: «Ты — наш хозяин,
Правь нами теперь!»
Как сделал его весь народ главою своим, —
Мать Дехцун ему отдала
Коня Джалали,
Молнию-Меч,
Шлем и доспех,
Капу-хапуки
И кушак на стан.
Он сел на коня Джалали,
Меч-Молнию в руки взял,
Объехал земли отца.

Склонили голову враги.

БОРЬБА МГЕРА С ДЭВОМ И ЖЕНИТЬБА НА АРМАГАН

Вот однажды Торос с стариками пришел
И спросили Дехцун:
«Ты что ж не женишь сына своего?»
Посовещались. Ночь прошла.
С рассветом встали Торос и Ован,
Собрали удальцов своих,

Уселись на коней и тронулись в дорогу
К царю Мелкону.
Царь Мелкон спросил: «Ну, зачем пришли?»
Отвечали: «Есть дело у нас».
— «А какое дело?» — спросил.
Кери Торос ответил: «Царь!
Из города иль из села,
Откуда б ни была она,
Нам девушка нужна. Пора
Племянника женить!»
Мелкон ответил: «Что ж, поедем в Маназкерт
И станем сватать Армаган, Тевадороса дочь!»
Вот царь Мелкон, везиры его,
Кери Торос, Ован и удальцы
Поехали в Маназкерт.

Тевадорос в Маназкерте жил.
Примчались к воротам Тевадороса,
Спросили: «Дома ли Тевадорос?»
Им отвечали: «Он уехал в Ван».
Они помчались в Ван
И там спросили: «Здесь Тевадорос?»
Ответили: «Он крепость заложил,
Позавтракал и ускакал в Арзум».
Те понеслись в Арзум.
Спросили: «Был ли здесь Тевадорос?»
— «Здесь был он, крепость заложил,
Потом обедал и уехал в Карс».
Примчались к ночи в Карс,
Спросили: «Здесь Тевадорос?»
— «Нет! — говорят. — Он крепость заложил,
Отужинал, уехал в Маназкерт».
Вернулись все в Маназкерт.
Царю Тевадоросу донесли,
Что царь Мелкон, Кери Торос, Ован и удальцы
Приехали к нему.
Тевадорос послал гонца встречать гостей,
Покой отвел гостям, особый для князей,
Особый — удальцам.

Пришли. Уселись есть. Поели.
Когда поели — кончили,
Убрали со стола,
Тогда Тевадорос сказал:

«Добро пожаловать, о царь!
Что за нужда у вас ко мне?»
Ответили: «Родства с тобой хотим!»
Спросил: «Какого же родства?»
Сказали: «Хотим, чтоб Мгер был зятем твоим,
Твою дочь Армаган отдай за него!»
Тевадорос спросил: «А чей он сын?»
Сказали: «Санасара сын».
И царь сказал: «Мелкон, Кери Торос, Ован!
Раз вы пришли ко мне —
Я дочь свою отдал бы вам,
Но дочь мою уже семь лет
Царь Хлата, Белый дэв, томит в плenу.
Коль Мгер освободит ее — возьмет ее!..»

Они пусть беседу свою ведут,
А мы весть дадим про Белого дэва.

Царь Хлата, Белый дэв, узнал,
Что слава Мгерова гремит
Во всех концах земли.
Сказал: «Не нынче завтра Мгер
Придет и нанесет мне вред,
Хлат у меня возьмет».
Сел дэв и написал письмо.
Пахлевану Ками вручил, а тот в Сасун умчал.
А Мгер тогда охотился в горах,
Вдруг вырос перед ним
Пахлеван Ками.

«Эй, будь здоров, Мгер!
Знать, вышел ты из детских лет,
Коль на охоту ходишь по горам!
Но знай, что Белый дэв
Тебя вызывает на бой!»
Он отдал Мгеру письмо,
Написано было в письме:
«Иди, борись со мной!»
Мгер прочитал письмо, сказал:
«Хорошо, приготовься, приду!»
И молвил пахлеван:
«Есть просьба у меня к тебе,
Но обещай, что выполнишь ее!»
Мгер сказал: «Мое слово — закон,
Коль вы — дэвы, так мы — уdalьцы,

Мы не лжем в обещаниях, мы слову верны!
Говори, чего б ты хотел?»
Тот молвич: «Знай,
Нам ненавистен Белый дэв.
Хотим, чтоб ты его убил,
Чтоб ты и нас освободил».
Мгер молвил: «Быть тому!»

После этих слов Мгер пришел домой,
Руку матери поцеловал, сказал:
«Знай, Белый дэв послал мне письмо,
Он хочет биться со мной».
Сказала Дехцун:
«Ты молод еще, сыночек мой,
Зачем тебе биться с ним?
Он всех земных царей сильней,
Он неуязвим для мечей.
Подожди еще немного, родной,
Подрасти, а там и на дэва иди!»
Мгер молвил: «Неплохо бы подождать,
Да слово дэву я дал, что приду!»
Тогда сказала мать:
«Поступай, как хочешь, сынок,
Но сделай то, что я скажу:
Иди садись на коня Джалали,
Он — к нь Санасара, отца твоего,
Он полон уменья, полон ума.
Ты отцовы доспехи надень,
Шлем отца железный надень,
Башмаки стальные надень,
Лук и тул со стрелами возьми,
Булаву и Молнию-Меч и скачи.
Куда знает — помчит тебя конь Джалали,
Ты скачи, покамест не станет конь».

В доспехи отца облачился Мгер,
Оседлал коня, вскочил на него, погнал.
Мгер вступил на пастбища Белого дэва,
Прискакал на вершину горы.
И в горах весна была,
И склоны окрест цветели, как цветник.
В ту пору дэв со своими
Поднялся на яйлу.

Мгер в поисках его
Пить захотел, но на пути не находил воды.
Он ринулся по долам и горам
Искать родник.
Вдруг видит: два громадных дэва,
Водой наполнив буйволовый мех,
У родника стоят.
Мгер поздоровался, спросил:
«А можно из ключа мне горсть воды испить?»
И те в ответ:
«Нет! Хлатский Белый дэв, владыка родника,
Пьет из него один,
А всем другим — запрет».
Мгер молвил: «Братцы,
Я пить хочу. Прошу у вас лишь горсточку воды,
Напьюсь и снова в путь».
— «Нет, — отвечали дэвы, — Белый дэв
Заклятье страшное изрек
И тут приставил нас.
Мы извещать его должны,
Коль кто чужой придет».

Тут Мгер не стерпел,
На дэвов напал, два удара нанес.
Он убил одного, а другой убежал.
Мгер напился воды.

И раненого дэва след кровавый
Его привел в ущелье
К пещере. Видит он,
Что дэв, им раненный, к пещере подошел.
Огромный огонь вылетал из пещеры.
А у входа в пещеру прекрасная дева,
Привязанная к дереву,
Склонилась к раненому дэву,
Отирала кровь с него.
Мгер дэва схватил,
Скрутил по рукам и ногам,
Утес на него навалил.
На деве путы разорвал,
И дева прекрасная поднялась.
Красавца Мгера увидела она,
Залюбовалась на него,
И полюбила без ума
Мгера Армаган.

Она сказала: «Удалец!
Ни птицы на крыле, ни змеи на пупке
Не долетят сюда, не доползут,
А как же ты пришел?»

И Мгер спросил: «А как же к ним
Попала ты сюда?»
И девушка ответила, вздохнув:
«Не спрашивай! Увы,
У дэвов я в плену
Томлюсь уже семь лет.
Царь Хлата, Белый дэв,
Напал на нас,
А я тогда гуляла в хас-бахче.
Вдруг появился Белый дэв,
Схватил меня, умчал,
Сюда принес.
Хотел он, чтобы я была его женой,
Но, с божьей помощью, я не далась
И девственница до сих пор.
Послушай! Мне приснился сон,
И в этом сне сказали мне,
Чтоб не боялась я:
Некий Мгер, удалец, будто б должен прийти,
Должен дэва убить
И с собой меня увезти».
— «А Белый дэв сейчас не здесь?»
— «На гору Черную молиться он ушел;
Уж девять дней, как нет его,
Вернется ныне он.
Чары Белого дэва в черном быке!
Сядет он на быка, и весь мир облетит,
И любую страну разорит,
И не может никто устоять перед ним.
Но если кто-либо быка бы убил,
Бессильным стал бы дэв».

Услышав это, Мгер вскочил на Джалали
И к Черной горе поскакал.
Увидел он болото на горе,
А из болота черный бык
Навстречу ему идет.
Едва быка завидел Мгер —
Молитву прошептал, Меч-Молнию занес
И распорол живот быку,

Убил. Поворотил коня,
Вернулся к Армаган.

Выпил Белый дэв и поел,
Захмелел. Воды захотел.
Долго, долго с горы глядел —
Не несут водоносы воды.
Говорит: «Не случилось ли с ними беды?
Чую — встретился им человек-богатырь»,
Поднялся Белый дэв и сел
На Вихря-скакуна, помчался к роднику.
Вдруг видит: у его пещеры на тропе
Сидит огромный кто-то, как гора,
Конь огнедышащий пасется рядом,
А под утесом стонет водонос.
И крикнул Мгеру Белый дэв:
«Эй, человек!
Ни птицы на крыле, ни змеи на пупке
Не долетят сюда, не доползут,
А как же ты дерзнул прийти сюда ко мне?»
И Мгер ответил: «Вот я, Мгер!
Ты посыпал за мной,
И я пришел на тебя войной.
Ну, вставай супротив
И, как можешь, дерись!»

Лишь дэв узнал, что Мгер пред ним, —
Страх дэва обуял,
Руки, ноги его затряслись.
Веселым притворился он, сказал:
«Вай-вай! Добро пожаловать сюда.
Встань, в мой шатер войди, —
Мы попирем до утра,
Поборемся потом!»
— «Нет, — Мгер ответил, —
Предки мои оставили мне завет:
Как только встанешь перед врагом,
Не откладывай битвы с ним!»

Тут дэв на Мгера коня погнал,
А Мгер на дэва коня погнал.
Три дня и три ночи бились они,
Никто не одолевал.
Как только дэва ухватывал Мгер,
Он в теле его рукой увязал,

Как будто из теста был сделан дэв.
Лишь на третий день Мгер его убил,
Армаган в седло посадил,
Воротился мигом домой.

Приехал — глядит:
Кери Торос и Ован-Горлан
Воротились от Тевадороса в Сасун.
И шлют Тевадоросу радостную весть:
«Мгер дочь твою освободил!»
Приехал царь Тевадорос в Сасун
Со свитою своей.
Прекрасную Армаган
Повенчали с Мгером тогда.
А после принесли гранатное вино
И угощенье подали на стол.
Пировало на свадьбе у них много людей.
Пили и ели семь дней и ночей.

До Хлата весть дошла, что дэв убит.
Обрадовался там народ,
И Мгера он приветствовать пришел,
И в гости в город свой повел.
Оттуда дэвы роем поднялись —
Хотели Мгера в город не пустить.
Но выхватил он Молнию-Меч,
На дэвов кинулся, всех перебил
И город Хлат от них освободил.
И возвратился вновь к себе в Сасун.

МГЕР В МСЫРЕ

Был тогда еще жив Мсра-мелик,
О храбости Мгера узнал и разгневался он.
Ведь Сасун его данником был,
Только Мгер об этом не знал,
Дани в Мсыр он не посыпал.

И отдал мелик приказ:
«Подите в Сасун,
Скажите — пускай готовится Мгер
На битву со мной!»
Прискакали к Мгеру гонцы, говорят:
«Биться хочет с тобою мелик».

Мгер сказал гонцам:
«Он боя хочет, пусть придет! Я жду!
Посмотрим, чего он хочет от нас».
Тут брат его Ован-Горлан
Сказал ему: «Ты нынче взрослым стал,
Ты умным стал,
Садись в седло и поезжай к мелику в Мсыр,
Да будь поласковее с ним,
В чужом kraю учись людей распознавать,
Да попроси, чтоб нашу дань властитель облегчил —
Трудна она, не в силах мы платить».
Мгер обернулся, Овану сказал:
«Да не рухнет твой дом, Ован!
Я и не знал, а ты скрывал,
Что мы мелику платим дань!»

Сел Мгер на коня Джалали
И поскакал во Мсыр.
Мсра-мелик в то время сидел
У дверей дворца на ковре.
Вот он видит — всадник скачет во мгле,
Как громадная башня сидит в седле,
А конь словно буря летит.
Коня осадил он
И отдал поклон.
Как увидел лицо его Msра-мелик,
Ужаснулся, не смог поклониться в ответ
И сам себе сказал:
«Ужель такие люди в мире есть?»
Слугам сказал: «Подержите коня!»
На землю Мгер с седла сошел.
Мелик спросил: «Отколь ты, удалец?»
А Мгер: «Моя страна Сасун,
Я Санасара сын».
— «Ах, вот ты кто, — сказал мелик,
Ты тот, кто на моей земле живет?
Мгер, это — ты?»
Тот отвечал: «Я — Мгер».
— «Бороться ты пришел со мной? — спросил
мелик. —
Ты не привез мне дань?
Ты знаешь, что Сасун моя земля? —
Прибавил: — Утром будем биться!»
И Мгер ответил: «Будем биться!»

Заутра встал Сасунский Мгер,
Пошел, против мелика стал.
Сасунский Мгер и Мсра-мелик
Сошлись, взялись,
Вступили в бой.
Земля под их ногами вспахивалась,
Как будто бы плугами вспахивалась.
Объяли твердь и землю стук и гром.
Часть людей говорит:
«Это тучи с грозой надвигаются!»
Часть другая твердит:
«Это горы в долину свергаются!»
Мир дрожал от ударов их и толчков.
Каждый взял дубину в триста литр.
Расходились они — озирали друг друга,
А сходились они — ударяли друг друга.
Три дня и три ночи бились они,
Никак не одолевали друг друга.

Мгер — он был богатырь, он силою брал,
А мелик был хитер — сноровкою брал.

И увидел мелик, как могуч Мгер,
Как он крепок и доблестен был,
Сказал: «Послушай, Мгер,
Давай заключим договор!
Я думал в гордыне своей до сих пор,
Что я сильнее всех людей,
А теперь вот — не справиться с силой твоей.
Что ни есть за тобой податей,
Всё прощаю тебе, дарю!
Ты свободен от дани впредь, навсегда,
И Сасун-земля да будет твоей!
Возвращайся спокойно, блаженствуй, живи!
Но ежели будет война,
Мы с тобой союзники, знай!
И если я сперва умру —
И царицу мою и детей моих поручу тебе,
А коль ты умрешь — я твоих приму.
Чтобы люди сказать не могли,
Что сиротствуют дети у нас».
Тут порезали пальцы они,
Кровь смешали свою.
Побратимами стали.

Не от чистого сердца мелик поступал:
Испугался Мгер, схитрил.

Поехал Мгер. Пустился в путь,
В обратный путь.
В Сасун вернулся он,
Глядит: стоит в дверях Ован-Горлан
И отдает поклон:
«Нашу дань не уменьшил ты, Мгер, лао?»
— «Что за слово ты молвил, Ован-Горлан?
Человек хороший мелик,
Дань отменил и долг простил,
Сказал: «Хозяева Сасуна — вы»,
Сказал: „Живи, блаженствуй, ешь и пей!“»
И молвил Мгер: «Знай, Ован-Горлан,
Побратался с Мсра-меликом я,
Клятву дали мы и смешали кровь».

И время прошло с тех пор,
Так заботился о Сасуне Мгер,
Что боялся к Сасуну враг подойти.
Орел на крыле, змея на пупке
Не смели к нему подлететь, подползти.
Так Мгер укрепил и прославил Сасун.

И умер мелик.
А Исмил-ханум, мелика вдова,
Была молода, красива тогда.
Сказала она: «Мне нужен бы муж,
Мне нужен хороший муж,
Чтобы он правил страною моей,
Чтобы наших князей укротил.
Не послать ли за Мгером в Сасун,
Не просить ли его ко мне?
Быть может, ко мне приедет он,
И я сыночка рожу!
Коль крови его мы здесь не привьем,
Коль мы не случим
Своих кобылиц с его жеребцом,
Потомки его раздавят наш род!»

Тут Исмил-ханум
Поднялась, — и что ж делает она?

Двух гонцов она шлет в страну Сасун,
Пояс и лечак отдает гонцам
И, вручив письмо, им наказ дает:
«Ко Мгеру, в Сасун снесите письмо!
Скажите ему, что я его жду!»
И двое гонцов отправились в путь,
И Мгеру письмо они привезли.
А Мгер на охоту ушел,
Под вечер вернулся он с гор.
Показался, громадный, он вдалеке.
Подошли гонцы, говорят ему:
«Шлет Мсырская ханум тебе письмо,
Шлет пояс свой и свой лечак,
Тебя к себе зовет!»

Мгер смотрит на пояс и лечак,
Что Мсыра царица прислала.
«Что это значит? — молвил он. —
А ну-ка дайте письмо!»
Гонец письмо ему вручил,
И Мгер прочел в письме:
«Приди, возьми Мсыр. Ты дал обет мелику,
Что защитишь меня.
В твоих руках Сасун,
Мсыр будет тоже твой!
Я шлю тебе свой пояс и лечак,
Но не мужчина будешь ты,
Коль не придешь на зов!»

И Мгер сказал: «Эй, удальцы,
Бог милостив да будет к вам!
Войдите в дом ко мне,
Поешьте — и тогда обратно в путь.
И передайте мой поклон ханум,
Скажите: через сорок дней
Я сам приеду к ней».
И в дом удальцы за Мгером вошли
И сели за стол.
Вот Мгер отпустил обратно гонцов, а сам
Остался один.

Оставшись один,
Он перечитал письмо еще раз
И, перечитав, жене говорит:
«Послушай, жена, мелика вдова

Прислала письмо. В нем пишет она:
«Приди и возьми Мсыр!»
Я съезжу — узнаю, в чем дело».
Армаган ему сказала: «Мгер,
Лучше ты не езди к ней,
Не связывайся с ней.
Ведь никогда она не видела тебя,
Красив ты иль урод — она не знает, —
Так для чего ей нужен ты?
Она пленена не станом твоим, не лицом,
Ее привлекаешь ты силой своей, своим удальством.
Про удаль твою, должно быть, слыхала она,
Сына она захотела родить от тебя!
Не езди, Мгер, нехорошо,
Меня забудешь ты и женишься на ней».
Мгер молвил: «Выслушай, жена,
С меликом клятвою связались мы,
Жена его меня зовет,
Потому что умер мелик.
Нарушу я обет, коль не поеду в Мсыр.
Пусть тот умрет,
Кто слово не сдержал свое!
Нет выхода, мой долг пойти!»
Армаган сказала: «Не ходи!»
Мгер сказал: «Пойду!»
Армаган сказала: «Не ходи!»
Мгер сказал: «Пойду!»
И отвечала Армаган:
«Мгер, мне тебя не удержать,
Но если ты уйдешь — вот я даю обет,
Что ты мне — брат, ты мне — отец,
Но не взойдешь ко мне на ложе сорок лет!»

Мгер родных и князей созвал,
И вардапетов всех созвал,
К Дехцун их привел и сказал:
«Вот, вдова мелика послала за мной,
Я должен пойти. А что скажете вы?»
Ован сказал: «Зачем пойдешь?
Вдова мелика хитра,
А муж ее был наш враг,
Обманет она тебя!
И сына нет у тебя,
А ты идешь во Мсыр! Брат! Лучше не ходи,
Останься здесь,

**Авось бог сына даст тебе,
И будет он защитой нам!»**

Тут вардапеты и князья
Сказали: «Раз уж ты решил пойти,
Не будем мы
Удерживать тебя:
Коль захотел пойти — поди!
Что Мсыр? Пустяки!
Разве мы не хотим, чтоб весь мир был твоим?
И если сама царица тебе страну отдает,
Иди и бери!
Готовое место зачем не занять?»

Вот тридцать девять дней прошло,
До отъезда остался один только день.
И Мгер собрался в путь.
Что же сделала Армаган?
Покрывало черное принесла
И накрыла Мгера постель.

Как прянул Мгер в седло с земли,
Ован-Горлан повис на шее Джалали,
Заголосил:
«Ты обманут блудницей, останься!»
Тут, видя, что выхода нет,
Палицу свою Мгер ухватил,
Так ею взмахнул, что кругом
Потрясся воздух и оттого
Без чувств свалился Ован-Горлан.

Увидев это, опешил Мгер,
Сошел с коня
И с плачем начал Ована звать:
«Оchnись, Ован-Горлан, очнись, родной!
Я перед богом изрек обет,
Если я не пойду, я умру!»
Пришел в себя Ован, сел и сказал:
«Эх, Мгер, ты покидаешь нас!
Да расцветут перед тобою пустыни пески,
Да не подымут враги на тебя руки!»

Тут встал он, Мгера в лоб поцеловал,
Мгер сел в седло и ускакал.

Чарбаара-Ками пахлевана с собой он увез.
Мгер утром выехал и в Мсыр
К закату прискакал.
Исмил-ханум его ждала,
Сидела у окна.
Глаза сурьмою подвела она,
И выпустила локоны она,
Путь, что за час проскачет конь,
Коврами устлала она
И факелы зажгла, —
Чтоб Мгер был ослеплен,
Чтоб в нем зажглась любовь.
В дорогу глазами впилась, ждала.
Бот близится всадник во мгле,
Он похож на огромную башню,
Сидящую в седле,
А конь словно буря летит.
И молвила ханум:
«Вот он, Мгер, прискакал!
Наверняка — это он!»

Мгер круто — вот так — осадил у окна коня
И крикнул: «Скажи, зачем звала меня?»
Исмил-ханум ему в ответ:
«Помилуй, гости так с людьми не говорят!
Сойди с седла, зайди сюда, я всё тогда скажу!»
А Мгер: «Всё говори сейчас, мне ждать досуга нет,
Ног из стремян не вынимать я богу дал обет.
Скажи, что ты должна сказать!»
А Мсырская ханум ему:
«Недаром про сасунцев говорят,
Что они упрямый народ!
Иль провалился ваш Сасун,
Или огонь у вас погас,
А ты приехал за огнем
И с ним торопишься назад?
Войди же в дом, поешь, попей
И уезжай потом!»
Тут рассердился Мгер:
«О чём ты говоришь, ни слова не пойму?
Чего ты хочешь от меня?»

Увидела ханум — уехать хочет Мгер,
Служанкам крикнула она: «Нет пропасти на вас!

Где семилетнее вино?
Подать сюда сейчас,
А то в обратный путь собрался гость».

Вот семилетнее вино служанки принесли.
Мгер, не сходя с коня,
Взял, выпил то вино,
Ему вскружило голову оно.
Приказала ханум держать коня.
Поддержали. Спешился Мгер.
Царица Мгера ввела во дворец,
Там еще раз приветствовала его.
Мгер спросил: «Ну, зачем ты меня звала?»
Та ответила: «Мгер,
Я тебя позвала,
Чтоб ты успокоил страну —
Мсырских семь князей меня не признают».
Мгер сказал: «Ладно! Пусть мне поесть принесут.
Я поем. А когда рассветет,
Пусть ко мне этих самых князей позовут,
Я уж знаю, как их поучить».

Тогда Исмил-ханум сказала: «Мгер,
Тебе послала я свой пояс и лечак,
Я позвала тебя, чтобы ты со мною лег.
Вот я зачем тебя звала!»
— «Неисполнимо это! — Мгер сказал. —
Ты — иноверка, я — христианин, —
Как ложа твоего коснусь?»
Исмил-ханум сказала: «Мгер,
Ты должен в жены взять меня,
Моя страна твою стать должна,
Ты от врагов нас должен защитить.
Тебя я полюбила, Мгер.
Ты, волей иль неволей, будешь мой!»

Приветливо она его,
Любовно приняла.
Мгера чествовала, угостила на славу она,
Допьяна напоивши, к себе повела,
И волей-неволей Мгер пошел к Исмил-ханум.
А конюхам своим пред тем ханум приказ лала:
«Скорее к стаду кобылиц гоните Джалали».

И вмиг исполнен был ее приказ,
Погнали Джалали в пасущийся табун.

От Мгера мелика вдова зачала,
Кобылицы же зачали от Джалали.

А когда рассвело — пришли семь князей,
Стали в дверях, охватил их страх,
Со страху ни шагу ступить не могли.
Мгер посмотрел на них и сказал:
«Эге, князьки, явились вы?»
Пятаются с перепугу князья,
От страха ни слова не могут сказать.
Мгер спросил: «Ну, князья, а кто я такой?»
И князья говорят ему:
«На небе, мы знаем, — бог один,
А на земле — только ты один!»
И склонились князья перед ним до земли.
Встал Мгер. Хотел сесть на коня
И ускакать в Сасун.
Но не позволила ханум,
Чтоб хмель покинул голову его.
Вот девять месяцев минуло, девять дней,
Родила сына Мсырская ханум
И в память об отце
Мсра-меликом нарекла его.

Семь лет Исмил-ханум Мгера поит вином
И не дает опомниться ему.
Однажды Мгер, входя к себе, стал у дверей
И слышит голос за дверьми, — Исмил-ханум,
Лаская сына, говорит, смеясь:
«Мелик, пусть мать твоя погибнет за тебя!
Сынок мой милый, свет очей моих,
Ты укрепи наш мсырский очаг,
Ты раздави сасунский очаг!»

Когда это Мгер услыхал,
Он опомнился, тяжко вздохнул и сказал:
«Вот как! Я в Мсыре светоч зажег,
А светоч Сасуна я потушил!»
Мгер в дом вошел, спросил:
«Исмил, чему ты учишь сына? Он еще
Не вылупился из яйца,
А ты ему уже внушаешь зло!

Иль затем я его на свет породил,
Чтоб он погубил Сасун?»
Ответила: «Конечно! Я смеюсь,
Любуюсь на дитя свое,
Ведь он весь мир мне должен покорить!»
И Мгер сказал: «Так, значит, сына ты
Растила, чтоб сгубить Сасун, а Мсыр обогатить?
Так знай: к тебе я больше ни ногой
И на день здесь не задержусь,
Уйду к себе, в Сасун!»
И царица ответила: «Мгер,
Хотела я, чтоб у меня родился сын,
Хотела я, чтоб он взошел на наш престол,
Хотела я, чтоб наш светильник не погас!
В опьянении провел у меня ты семь лет,
Сам решай — уходить тебе или нет».

И отрезвился Мгер от этих слов,
И призадумался. И молвил Мгер:
«Увы, я прожил здесь не день, не два.
Как я предстану перед Армаган
И перед тобой, родной Ован?
Оправдались Оvana слова,
Оправдались слова жены.
Мне она говорила: не уходи!
Не послушался я ее».
Тут Мгер стал проклинать свою судьбу:
«Ослепнуть бы мне тогда,
Чем бросить дом!
Я поле чужое полил —
Зазеленело оно,
Я поле свое позабыл —
И высохло поле мое!
Ах, что наделал я!
Сасунский светоч я потушил,
А мысирский светоч зажег!»

Угрюмо, молча Мгер
С раскаянием покинул Мсыр
И возвратился вновь домой, в Сасун.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МГЕРА И РОЖДЕНИЕ ДАВИДА

Пришли обрадовать Армаган,
Сказали: «Вернулся Мгер!»
Тут Армаган — ворота на засов
И двери — на замок.
Мгер пришел, видит: заперты ворота,
Дверь заперта, кругом ни души.
И Мгер сказал: «В чем причина,
Что дверь передо мной заперта,
В свой дом нельзя мне войти?»
И отвечала Армаган:
«Ты больше мне не муж —
Вот в чем причина!
Во Мсыр ты уходил, меня же бросил,
Ты больше мне не муж
И впредь не приходи!»
Мгер крикнул: «Отопри!»
Отвечала Армаган:
«Мною дан обет,
Что ты сорок лет
Не коснешься ложа моего.
Ты мне брат, ты мне отец!
Ты пошел и в Мсыре зажег очаг,
А в Сасуне ты погасил очаг.
Чтоб грех твой искупить,
Отчужденье сорок лет мы должны блести,
Только тогда можно тебе войти ко мне».
И смутился Мгер:
«Будет поздно через сорок лет:
Возмужает Мсра-мелик тогда».

Долго уговаривал жену,
Но не поддалася она.

Сообщили Овану о том,
Что вернулся из Мсыра Мгер.
Встал Ован, пришел к Армаган,
Говорит: «Невестка,
С ложа покрывало черное сними!»
Она покрывало с ложа сняла,
Сказала: «Ован, ты брат мой старший, мой отец!
Вот блудницей обманутый вернулся Мгер,
Серебро унес, а медь принес.
Не могу нарушить свой обет!»

— «Невестушка, — сказал Ован, —
А мы ишханов созовем
И вардапетов созовем,
Они придут, отпущене дадут!»
Вот ишханов зовут на совет,
Вардапетов зовут на совет,
Ишханы пришли и вмешались в спор,
Вардапеты пришли и вмешались в спор,
Сказали: «Здесь нет великой беды,
Ошибаются в жизни все!
Ну — он с любовницей пожил
И вновь пришел домой.
На сколько лет ты дала обет?» —
Спросили у Армаган.
Сказала: «На сорок лет!»
Тут вардапеты и ишханы говорят:
«Что вам тужить? Закон у нас в руках!
Мы сорок лет сочтем за сорок лун,
Мы сорок лун сведем до сорока недель,
Взамен недель поставим сорок дней,
А сорок дней сведем до сорока часов».
Тут случился кривой поп, сказал:
«А за сорок часов сочтем этот самый миг!»
И благословил их тогда вардапет,
Молвил: «Бог да отпустит ваши грехи!
Идите, будьте мужем и женой,
И да родится сын у вас!»

Тут Мгер сказал: «Жена,
Монахи правду говорят,
Пусти же меня к себе!
Авось бог пошлет нам сына,
Чтоб светоч армянский не погас».
И открыла дверь Армаган, сказав:
«Муж — это голова, а жена —
Нога, послушная голове!
Жена не может дверь перед мужем запирать,
Я дверь открою, ты войдешь,
Нарушим клятву мы,
У нас родится сын потом,
Но мы с тобой умрем,
И сиротой останется дитя».

И Мгер сказал:
«Пускай нам сына бог пошлет, —

Мелика пусть за горло он возьмет,
И не потухнет светоч наш!
А хранимого богом ягненка, поверь,
Не тронет и хищный зверь.
Вот мы с тобой живем теперь,
Но ведь пробьет наш смертный час!
Когда ж умрем —
Сын будет жить за нас,
И снова в нем мы оживем,
И с нами род наш не умрет!»

И ответила Армаган:
«Как хочешь! Мы всё же нарушаем обет».
И Мгеру пустила к себе Армаган,
Снова стала его женой.
Мгеря жена зачала.

Встал Мгер, поднялся на гору Сасун,
Хас-бахчу посадил на горе
И чертог свой поставил там.
Всяких птиц и зверей, божью всякую тварь
В том саду поселил, сад стеной окружил.
И название саду он дал: Цовасар.
И от сада того за два часа ходьбы
Он прекрасный воздвиг монастырь
И нарек монастырь в честь Высокой Марут.
И много поселил в монастыре
Слепцов и стариков, убогих и калек,
И много немощных и слабых приютил.
Привел монахов и попов,
Поставил там.
Окончил труд. Потом сошел в Сасун.

А когда минул месяц девятый,
День девятый, девятый час —
Сын родился у Армаган.
Окрестили, Давидом его нарекли
И домой принесли.
И за то, что нарушили клятву,
Оба умерли: Мгер и Армаган.
Сиротой остался Давид.

В тот день, как умер Мгер,
Дехцун обет дала:

За семью покоями заперлась,
Заперлась за семью дверьми,
В своем покое заперлась.
Поклялась не видеть солнца она,
На свет не выходитъ,
Пока не вырастет дитя,
Чтобы место Мгера занять,

После Мгера Сасун погрузился в скорбъ.
Давид сиротой остался.

Ветвь третья

ДАВИД

*С поклоном помянута будь
Ты, Дехцун, — сорок раз!
С поклоном помянут будь
Ты, Кери Горос, — сорок раз!
С поклоном помянут будь
Ты, Ован-Горлан, — сорок раз!
С поклоном помянута будь,
Старуха мудрая, — сорок раз!
С поклоном помянута будь,
Исмил-ханум!
Не тем помянута будь,
Чымшик-султан!
Не тем помянут будь,
Злой Мсра-мелик!
С поклоном помянут будь,
Ненаглядный Давид, — сорок раз!
С поклоном помянута будь
Ты, Хандут-хатун, — сорок раз!*

ДАВИД В МСЫРЕ

Остался Давид сиротой.
Двое дядей сошлись на совет.
Ован-Горлан спросил: «Верго,
Давида ты возьмешь
Иль я возьму к себе?»
И Трус-Верго сказал:
«Есть у меня свой сын,
Давида ты возьми, усынови!»
Давида взял Ован-Горлан,
Стал для него отцом.
Дитя хотели накормить
Все жены города Сасуна,
Кормившие детей.
Но младенец груди ничьей не брал.
Огорчился Ован-Горлан,
Он созвал кормилиц и говорит:
«Мой племянник, видно, умрет,
Так что же делать нам, как быть,
Как нам его спасти?»

А народ ему говорит:
«В Мсыре, где Мгер прожил семь лет,
Кормилица есть для Давида!
Семь лет она Мгеру была как жена,
И Мгерова сына вскормит она.
Ты должен во Мсыр дитя отослать,
Там выживет он, а здесь он умрет,
Ведь здесь он и груди ничьей не берет!»
Ован говорит:
«А кто же его во Мсыр отвезет?»
Ответил народ:
«Дитя поручи коню Джалали,
К спине Джалали его привяжи,
Хлестни жеребца,
И к Мсырской ханум на дивном коне
Домчится Давид!»

И вывел Ован из стойла коня.
Убрали его. Спеленут Давид,
Цветным кушаком привязан к седлу.
И молвил Ован коню Джалали:
«Тебя я молю, мой умный конек:
Не сбрось моего малютку в поток!

Смотри, не ударь о скалу головой!
Домчи его в дальний Мсыр и отдан
Мсырской ханум самой.
Я светоч Сасуна вверяю тебе:
Не сбрось на кусты, об утес не разбей,
Домчи невредимым его, в добрый час,
Чтоб светоч Сасуна у нас не погас!»

И с ношью прянул и скрылся вдали,
За облаком и за горой Джалали.
А мать Мсра-мелика сидит у окна.
Видит она: пыль над полем летит,
Пыль столбом от земли до небес,
Пламенем в небо пышет земля,
Близится вихрь. И ханум говорит:
«То не буря, то может быть
Только прахом и пламенем, что летят
Из-под ног коня Джалали!»
Привратнику приказала она:
«Поскорей ворота открай,
К дому нашему скажет какой-то конь!»
Побежал привратник, ворота открыл
И коня Джалали увидал пред собой.
Поглядела ханум и узнала коня,
У него привязано что-то к седлу.
Мелику, сыну, говорит она:
«Вон Мгеров конь к нам прискакал
И что-то на седле принес.
Поди, схвати коня
Да погляди: что там за вещь на нем,
Дай мне ее!»
Вот подошел Мсра-мелик к коню,
Конь головой поник.
Свивальник детский увидел мелик,
Вмиг отвязал, с седелка снял
И матери принес. Сказал:
«Новорожденный был в седле у Джалали!»

Раскрыла царица свивальник, глядит:
В свивальнике спит младенец Давид,
И грамота рядом лежит.
В той грамоте пишет Ован-Горлан:
«Невестушка, сестра,
Вернулся Мгер, и сын родился у него.
Но умерли Мгер с женой,

Осталось дитя сиротой.
И ради Мгера, ты возьми его, вскорми.
Боимся — он у нас умрет.
Когда ж он подрастет,
Вновь я возьму его к себе».
Подумав, Мсырская ханум сказала:
«Так и быть,
И Мгер когда-то сделал мне добро.
Я из любви к нему его дитя вскормлю,
Ведь я еще могу кормить.
Я сына своего от груди отниму,
Буду Давида кормить.
Пусть он растет у нас!
Пусть будут братьями Давид и Мсра-мелик,
Товарищами пусть растут.
Пусть правят вместе Мсырскою землей.
Что ж! Неужто он должен вернуться в Сасун?»

Разгорелись тогда у мелика глаза.
Он сказал:
«Эй, прикройте ворота плотней!
Если конь Джалали в наши руки попал —
Поймаем его!»
Затворили ворота, и в тот же миг
Сто верховых окружили коня,
Заарканить его хотят.
Тут сказал сам себе жеребец Джалали:
«О господи! Как же вырваться мне?»
Влево бросился. Вправо бросился.
Подлетел к стене.
Взмолился: «Господи, силу мне дай
Стену перемахнуть!
Не уйду — я здесь пропаду».
Тут силы набрался скакун Джалали,
И люди его задержать не могли.
И в сорок гязов ограда была высотой,
Но прыгнул скакун, перепрыгнул ее
И скрылся вдали.
Крикнул Мсра-мелик:
«Горе! Убежал от нас дивный Джалали,
Вырвался из рук!»

Скакун дни и ночи скачет в Сасун.
А Ован дни и ночи в поле глядит.
Раз под вечер видит он:

Пыль клубится столбом от земли до небес,
Он узнал Джалали, но в седле у него
Не видать никого.
Вот конь Джалали ворота влетел,
И встретил его Ован и спросил:
«Джалали, ты свет моих очей!
Скажи, на какой скале он упал,
Скажи, что за волк его растерзал,
Ты где, на чужой земле потерял
Ненаглядного моего?»
И конь Джалали отвечал:
«Ни в пропасть его, ни в воду его
Не вверг я, и волк не тронул его.
Малютку во Мсыр я сразу домчал,
Царице вручил.
Но сам я едва из плена ушел:
Мелик запереть меня приказал.
Но в сорок гязов ограду двора
Я перескочил и к вам прибежал!»

И в лоб коня поцеловал Ован, сказал:
«Пусть божье проклятье грянет над домом того
И над потомством того,
Кто скажет, где спрятан конь Джалали!»
И за семь дверей ввел Ован коня,
Семью замками замкнул
И тайно от всех коня Джалали поил и кормил.

Обрадовалась Давиду ханум,
Дала ему грудь,
Давид грудь ее взял.
Кормила Давида сколько-то дней,
Но однажды младенец груди не взял.
И как ни совала грудь ему в рот —
Младенец груди не брал.
Бывало, дает одну из грудей —
Прочь отвернется дитя,
Другую грудь дает ему —
Опять отвернется дитя.
Троє суток Давид ничего не ел.

Огорчалась, плакала часто ханум
И не знала, что делать ей.
Позвала мелика, сказала ему:
«Третий день Давид мою грудь не берет,

От голода он умрет.
Как же быть нам, как же вскорить его?»
А мелик: «Вот сасунский упрямый род!
Чую, нас он в беду вовлечет.
Мы — арабы, а он — армянин,
Не давай ему груди своей!»
А Исмил-ханум говорит: «Он умрет,
Опозоримся мы пред его родней!
Как же быть, как же быть мне с ним?
Я в беде и беде не вижу конца».
А мелик отвечал: «Разве мало скота у его отца,
Разве мало масла и меду в доме у них,
Разве мало вкусных яств дорогих?
Пускай Батмана-буга идет
В Сасун, ко Мгеру в дом.
Пусть меду оттуда бурдюк принесет
И масла бурдюк принесет,
Ты с маслом мед смешай — младенцу дай».

Послала ханум Батмана-бугу
За маслом и медом в Сасун.
Пришел в Сасун Батмана-буга,
И всё, что может есть дитя,
Сасунцы дали ему.
Масла бурдюк, меду бурдюк
Привез Батмана-буга,
Положил пред Исмил-ханум.
Увидел бурдюки мелик, сказал:
«Вот видишь, как много в Сасуне добра?
Корми его, пусть ест и пусть растет!»

Маслом и медом Исмил-ханум
Стала Давида кормить.
Другие дети растут по годам,
А Давид вырастал по дням.
Любовно растила Давида ханум,
Думала: «Сыну помощник растет,
А вместе они завоюют весь мир!»

Так силен был Давид, что ремни колыбельные
рвал.
Железною цепью обматывать стали его,
Но Давид был настолько силен,
Что и цепь не выдерживала, рвалась.
Чем его ни спеленывали, всё он рвал.

И сплели канат из воловьих жил,
Привязали канатом к люльке дитя,
Воздух вдохнет дитя в себя —
Растягивается канат жиляной.
Воздух выдохнет дитя из себя —
Стягивается канат жиляной.

Как только узнал мелик,
Что умер Сасунский Мгер,—
Он написал приказ,
По Мсыру разослал, войска собрал,
Чтоб на Сасун идтивойной.
Арабы нагрянули в землю Сасун,
Решил мелик вновь Сасун покорить.
Опустошил мелик Сасун.
Все подати за много лет собрал,
Угнал во Мсыр стада,
И землю разорил,
И покорил народ.
Ована-Горлана и Труса-Верго
Схватил и в плен увел.
Привез во Мсыр, а там
Им скоро не на что стало жить.
Ован мелику говорит:
«Позволь нам уйти домой!»
Мелик их отпустил,
Но удержал Давида.
На этот раз Сасуном править стал Верго.

Велел мелик
Давида запереть, когда уснет Давид.
Проснувшись поутру,
Глядит Давид, а дверь заперта,
И в комнате он — один.
Рассвирепел ребенок, вышиб дверь
И вышел в сад гулять.
Деревья громадные там росли,
И княжеские дети в саду
Качались на бревне.
За тополь высокий схватился Давид,
Верхушку к земле пригнул,
Тополь к земле прижал и кричит:
«Эй, ребята, идите в лошадки играть!»
На верхушку уселись дети верхом.

Давид держал, держал,
Устала рука, и крикнул он:
«Слезайте, я больше держать не могу!»
Не послушались дети, сидят, галдят.
Еще раз крикнул — не слезли они.
Заболела тогда у Давида рука,
Вырвался тополь из рук,
Выпрямился, стал как прежде стоял,
Полетели ребята с верхушки его,
Кто убился, кто череп себе расколол.
Все они были дети знатных людей.
День кончался, пришли отцы за детьми;
Стоят у ворот, шумят,
Мелику говорят:
«Ты наш царь! Ты Давида от нас убери,
Иль мы все уйдем в другую страну!»

Еще больше тогда разозлился мелик.
Он в темнице Давида велел запереть,
Чтобы света не видел Давид,
И наставника он приставил к нему,
Чтоб покорность в нем воспитать.
И всем слугам мелик приказал:
«Каждый раз, перед тем как Давида кормить,
Вынимайте все кости из мяса
И все косточки из плодов!»

Вот обидели чем-то слугу, что Давида кормил.
И слуга сказал: «Ну, постойте вы!
Я обед понесу Давиду,
Но не выну из мяса костей,
Давиться костями Давид начнет
И разозлится и всех перебьет».
Взял он мясо с костями, в темницу понес.
Стал обедать Давид, начал мясо жевать,
Лишь кости никак не разжует.
Вынул кость, швырнул, угодил в окно,
А оно было камнем заслонено.
Щель пробил, пало на пол света пятно.
И воскликнул Давид:
«Это что, откуда оно?»
Набросился Давид на свет, бороться начал с ним.
Он луч хотел в руках сдавить
И под себя подмять.

Так долго дрался он с лучом,
Что градом лился пот с него.
И в этот миг наставник в дверь вошел,
Глядит он: бьется об землю Давид,
Спросил его: «Голубчик мой,
Да что с тобой? Что об пол бьешься ты?»
А тот: «Да вот ворвался он
И не уходит вон!»
Наставник сказал: «Ну, закрой глаза».
Закрыл глаза Давид.
Заткнул наставник щель платком,
И сразу свет пропал.
Давид открыл глаза, сказал:
«Вот тебе на! А я ведь тут с утра дерусь,
А выгнать его никак не могу!
Как же ты вдруг выгнал его?
Неужель ты сильнее меня?»
А тот: «То был не человек, не зверь,
То просто был луч солнца».
Давид сказал: «Но если солнце есть,
Так зачем же меня вы держите здесь?»
Наставник отвечал: «Дитя,
Всё есть: и солнце есть, и день, и ночь!»
А Давид говорит:
«Почему ж ты меня не выводишь на свет?»
И наставник сказал:
«Подожди, я спрошу у царя».
Вот наставник говорит царю:
«Требует Давид, чтоб вывели его,
Солнце хочет видеть он и свет».
Царь сказал: «Ну, выводи! Пусть пройдется он!»

Давида наставник за руку взял,
Из темницы вывел его,
По улицам стал водить.
Чего-чего не встречалось им!
Всё замечал Давид,
Верблюд или буйвол, — он обо всем спрашивал:
Что это? Что вон то?
И всё наставник объяснял,
Мол, это — то, а то, мол, — то!

За город вышли они.
Поглядел Давид и толпу людей увидел вдали,

Говорит: «Пойдем к ним туда и мы!»
А наставник в ответ: «Ничего там нет,
В другую сторону лучше пойдем».
Давид: «Веди меня туда!»
Наставник: «Да зачем? На что нам там смотреть?»
Давид спросил: «Ты поведешь меня туда иль нет?»
Наставник молвил: «Нет!»
Тут за ухо Давид его схватил, рванул.
Наставник молвил: «Что ж, пойдем!»
Вот к краю поля подошли они
И видят: что-то прямо к ним,
Свистя, несется с неба.
Глядит Давид: то дротик к ним летит
(Там дротики метал мелик).
Поймал Давид, метнул, и дротик
Над головой мелика пролетел.
«Ого! — воскликнул Мсра-мелик, —
А что за силач кинул дальше, чем я?»
Пошли, поглядели, пришли, донесли:
«Храни тебя бог, государь, то — Давид!»
Мелик говорит: «Приведите его,
Я голову срежу ему!»
Тут векилы все и везиры все
Принялись его умолять,
Говорят: «Храни тебя бог, мелик,
Ведь Давид дитя!
Чем он страшен, зачем убивать его?»
А везир наставнику шлет гонца:
«Провалиться б лучше тебе,
Нашел где с ребенком гулять!
Убери его, убирайся вон!»
А тот: «Да что ко мне пристали вы?
Не по своей я воле прихожу:
Он за уши меня дерет,
Он сам сюда меня ведет!»
А везир говорит: «Убери, убери, убери!»
И наставник домой Давида повел.

В тот день лишь домой вернулся мелик,
Давид спросил у Исмил-ханум:
«Мать, куда уходит мелик по утрам
И откуда так поздно приходит?»
Отвечала ханум: «Ненаглядный мой,
Он уходит на игры, приходит с игр,
Мечет палицу, иль дротик, иль ядро».

— «Почему ж и меня он с собой не берет,
Я бы тоже играл, я скучаю один.
Не с кем здесь мне играть,
Задыхаюсь я в этих стенах,
Пусть меня он берет с собой».

А ханум ему: «Ненаглядный мой,
Там ведь лошади могут тебя растоптать.
Только-только тебя мы взрастили,—
Ты погибнешь — нам будет позор».

Начал плакать Давид, сказал:
«Я пойду! Я не буду к коням подходить!»

Мсра-мелик услыхал, что плачет Давид,
И спросил у ханум: «Что с ним?»

Ханум отвечала: «Мой сын,
Когда бы ты брата брал играть с собой!
Пусть учится метать ядро!»

Давиду говорит мелик:
«Давид, ведь ты ребенок,—
Не сможешь ты в ядро играть,
Ты подрасти немножко».

Давид сказал: «Нет, я пойду с тобой».

Ханум просить мелика принялась:
«Возьми его с собой, уж больно плачет он!»

Царь ответил: «Мать, ведь упрямец он,
Я боюсь, в беду он повергнет нас!»

Тут мать рассердилась:
«Что смыслит он? Возьми его с собой,
Посади его на холму!
Пусть на игры Давид с холма поглядит,
Чтоб с холма не сбежал, под коней не попал».

Мелик ответил: «Мать,
Ведь ты права!

Коль не взять его, то пройдет молва:
Мол, вот — сирота в забросе живет.
Отлично! Он завтра со мною пойдет».

Поутру проснулся Мсра-мелик, сел на коня,
Давида взял, с собой повез.
Но близ себя держать не смел, оставил на горе.
Два пахлевана связали его
И по рукам и по ногам,
Чтобы тихо на горе сидел,
И сели рядом с ним настороже.
Меж тем мелик, а с ним войска и знать
И удальцы его спустились в дол Лера,

И начал он игры там.
А с места, где Давид сидел,
Еле был виден дол Лера.
Смотрел Давид, да только игр не различал,
Так он до полдня на горе сидел, скучал
И видел сам, что без толку сидит.
Тут нестерпело сердце в нем,
Сказал Давид двум молодцам:
«Вы развязжите руки мне!»
Два молодца ему в ответ:
«Нельзя, таков приказ царя,—
Должны мы сторожить тебя,
Чтоб не попал ты под ноги коням».
Разгневался, натужился Давид
И путы с рук и с ног сорвал.
Тут навалились на Давида молодцы,
Но его не могли удержать.
Обоих побил Давид,
А сам — убежал домой.
Сердитый прибежал домой, на землю лег,
Лежит. Мсра-мелика мать говорит ему:
«Ты что сердит, что воротился в дом?»
А тот: «Мсра-мелик меня на игры взял,
Да бросил там,
А сам стал на поле играть.
Не видно было, я ушел!»

А к вечеру велел мелик в Давида ядра кидать:
«Пусть попадут, Давида пусть убьют!»
Удальцы начинают ядра метать,
И мелик с удальцами метнул ядро.
На пригорок взошли,
Осмотрелись — Давида нет.
Вернулись все домой.

Пришел и Мсра-мелик домой,
Мелика мать навстречу сыну не идет —
Она дома сидела в сердцах.
Мсра-мелик сказал:
«Что ты надулась, что в доме сидишь,
Не встаешь, не идешь встречать меня?»
Мать ему: «Почему ты Давида не взял,
Чтоб игры он мог посмотреть?»
Мелик ей: «Мать, он породы упрямой,
Никаких не слушает слов,—

Ядро заденет да убьет — слух обо мне пройдет,
Что я его убил, что хлеба пожалел,
И будет мне перед людьми позор.
Я на пригорок свел его, а он удрал».
Вот вечером ужин Давиду несут,
Как ни просили, кушать не стал, разгневан был.
Пристала тут к мелику мать:
«Мсра-мелик, мой сын,
Ребенок Давид, он хочет посмотреть,
Поближе к играм ставь его!»
Мелик сказал: «Да будет так,
Завтра возьму, поставлю его вблизи».

На утро другого дня,
Как стала конница из Мсыра выступать,
Встал Мсра-мелик, сел на коня,
Давида взял, повез с собой.
Все удальцы, да храбрецы, да мсырская знать
На каменную площадь вышли — булаву метать.
Давида усадили там,
Поодаль, чтоб один сидел.
Мсра-мелик сказал: «Давид,
Ну, стой вот тут, смотри себе.
Вот видишь, булава, — сказал, —
Опасная вещь! Опасная вещь!
Заденет — сразу же убьет.
Смотри, ты в круг не лезь,
Стой сбоку, здесь!»
— «Добро, послушаюсь тебя», — Давид в ответ.
На площади стал мелик,
Булаву с друзьями он начал метать,
Давид же сел и стал в песок играть.
То сыпал на ногу песок, то зарывался в нем.
Все удальцы да молодцы искусны булаву метать,
Играли много на веку своем,
Не наносили друг другу вреда.
До полдня шла у них игра.
Сидел смирнеонько Давид,
Пока не наступил черед
Мелику метать.

Когда пришел его черед,
Сел на коня Мсра-мелик,
Помчался, прискакал к рядам,—
Все собрались смотреть.

А весом была булава велика
В триста литров и шестьдесят шесть.
Булавой он играл, влево, вправо бросал,
Подкидывал ввысь и рукой ловил.
Как булавой взмахнет мелик,
Так искры от нее летят.
Глядит Давид — настал меликов черед,
Сказал: «Пойду-ка выхвачу, пускай
Что хочет делает со мной мелик».
Лишь оземь булавой мелик ударял,
Давала трещину земля, как от потока с гор.
Пошел, в одну из трещин влез Давид,
Дырявая шапка на голове,
В щели сидит Давид, играет песком.
Он шапкой меряет песок,
Насыпает в шапку, высыпает опять,
Сам приговаривает: «Од-и-и-н!»
Всё приговаривает: «Од-и-и-н!»
(Еще не мог он «два» сказать.)
Мсра-мелик собрался метать, кричит:
«Давид, вставай, уйди,
Я булаву метать хочу!»
Три раза крикнул, а Давид
Не слышит будто ничего.
Вскричал мелик: «Эй, удальцы, Какан, Аслан!
Схватите за руку да уведите его!»

Какан, Аслан да удалых пять
Схватили за руки его.
Бьются из сил — ни с места Давид,
Играет, «один» да «один» твердит.
Как ни трудились — сдвинуть не могли,—
Так дерева с корнем не вырвешь никак.
Те два опешили, стоят,
Игра уже нейдет на лад.
В великий гнев пришел мелик, вскричал:
«Булавой в него — пусть убьет его!»
И стали в Давида метать,
Но правой — одну булаву под небо кидает Давид,
Глядишь, а уж левой другую схватил.
Был поражен Мсра-мелик,
Всем приказал он: «Отойти!
Я сам пущу булаву,
Говорил: «Давида с собой не вести».
Его я знаю нрав.

Когда-нибудь накличет он беду на голову мою,
Но раз уж так — добро:
Избавлюсь от него, убью!»

Давид услышал те слова,
Из трещины кричит:
«Бей, булаву кидай, мелик,
Слово — смотри — сдержи!
Богом не писано так,
Чтоб народ наш мсырскому пятки казал,
И Давид от мелика не побежит!»
Как это услыхал мелик,
Заревел своим: «Сторонись! Отойди!»
Он метнул булаву, сказал:
«Ты прахом был, так прахом будь!»
Метнул. Почудилось Давиду,
Что жернов мельничный в него летит.
Но руку протянул Давид
И булаву схватил.
А как схватил — почувствовал: легко.
И говорит: «Жаль тысячу раз,
Чуть легковата мне булава».
(Пудов бы сорок свинца достать,
Растопить да им булаву залить,
Вот было б Давиду под стать.)
Тут опечалился мелик,
А товарищи дразнят его:
«Мелик, мелик, гордился ты,
А вот Давид, хоть и дитя,
Как булаву твою схватил
Да вдобавок дразнит еще!»
Мелик сказал: «Эгей!
Чтоб я булавой Давида не убил?
Этак отымет он и царство у меня!
Я должен его убить!»

Давид же булавой мелика поиграл
И под колено подложил, спрятал ее.
Какан и Аслан с толпой удальцов
Погнали коней, к Давиду мчатся в опор,
Искали долго булаву, не нашли.
Тут булаву Давид достал,
Крутить рукою стал, твердит:
«Булава... Булава...» —
И булаву метнул.

А как метнул, зараз убил
Какана, Аслана и пять удалцов.
Смятенье охватило всех,
Обратились к мелику, сказали: «Мелик,
Мы для забав сюда пришли,
Ты знал, что Давид — сумасброд,
Зачем привел его, чтоб он людей убивал?
Как нам убитых в город взять?
В городе скажут: „Вы ушли
Гулять иль людей убивать?“»
Рассвирепел мелик, достал он меч,
Он за Давидом погнался — голову сечь.
Вскричал: «Эй, эй, убью собачьего сироту!»
Тут пахлеваны и весь народ
Окружили его, припали к нему:
«Ой, ой, мелик, Давида хочешь ты убить?»
— «Жаль его, он — сирота!»
— «Полно!»
— «Ребенок он, у него не долог ум». — «Мелик, не убивай, молва пройдет,
Что хлеба ты пожалел кусок, убил сироту!»
— «Он маленький, он булаву не мог схватить,
То ангел божий схватил булаву». А многие сказали: «Сын отца,—
От Мгера, видно, сила в нем!»
Не допустили, чтобы его убил мелик.

Ушел тут с площади Давид,
Не останавливаясь, домой бежал.
А дома кинулся к ханум.
Спросила ханум: «Да что с тобой, Давид?»
Давид ей: «Марэ, меня брат убьет,
Мелик придет, он голову мне отсечет».
Сказала ханум: «Зачем ему голову сечь твою?»
И всё Давид ей рассказал.

Когда мелик пришел домой,
Его спросила мать:
«Сынок, ты почему угрюм и молчалив,
Что ходишь опустив глаза?»
Он отвечал: «О чём нам говорить?
Я опозорен пред людьми твоим сыном!»
А мать: «Что же он натворил?»
— «Да вот я булаву метнул,

А он ее поймал!»
Мать сказала: «Что ж, не беда!»

Разгневался мелик на мать, он встал,
Давида схватил за плечо, спросил:
«Зачем ты булаву мою поймал?»
— «А почему бы не поймать,—
Сказал Давид,—
Ведь я молодец не хуже тебя!»
Позавидовал Давиду мелик,
Он поднял руку, сказал:
«Мать! Я должен его убить!»
Тут ханум заслонила Давида собой:
«Ты с ума, что ли, спятил? Он брат тебе!»
— «Мать,— молвил мелик,—
Я голову ему отрублю,
Он булаву мою сегодня взял,
А завтра он возьмет
Мой кров, мой трон, мой край!»
Сказала мать: «Мой дорогой,
Давид — твой меч, Давид — твоя опора,
Он скоро станет богатырем,
И друг за друга вы должны стоять горой.
Отец Давида — твой отец — ведь был герой!
Такими ж будете и вы,
Ты и Давид, как ваш отец!»
— «Эх, матушка,— сказал мелик,—
Всех других бы раздавила булава моя,
А Давид ее поймал и остался жив.
Нет, мать! Я больше терпеть не могу,
Такого брата я не персплю,
Я голову ему отрублю!»

Мелик в чертог к себе созвал князей,
Пред ними встал, сказал:
«Решайте, как же быть?
Теперь уже Давид
Хватает булаву мою
И убивает слуг моих».
Тут один из князей, справедливее всех,
Сказал: «Он дитя, что же смыслит он?
Государь, храни тебя бог,
Он умом не созрел, он ребенок еще!»
— «Нет,— ответил мелик,— он тебя и меня

умней!

Нету сил терпеть. Голову ему надо отрубить!»

Князь сказал: «Храни тебя бог, мелик!

Было бы грешно мальчика убить.

Государь, сперва испытай его.

И если увидишь, что он не дитя,—

Ты голову снимешь Давиду и мне».

— «А как же испытать его?» — спросил мелик.

Ответил князь: «Ты блюдо с огнем налево поставь

И золота блюдо направо поставь.

Давида меж золотом и огнем поставь,

Если схватится он за огонь,

Значит, ум его не созрел, он дитя.

А если золото он возьмет,

Тогда он не дитя,

Тогда убей его!»

Привели, посадили Давида на стол.

Принесли блюдо золота, блюдо огня.

Пред Давидом поставили и говорят:

«На, покушай, Давид!»

Давид руку к золоту протянул,

Но ангел руку его схватил

И к блюду с огнем поднес.

Едва за огонь схватился Давид,

Прилип к его пальцам огонь.

Он в рот сунул палец с огнем

И обжег язык.

Заплакало, завизжало дитя,

Достали огонь у него изо рта.

Ханум обняла его,

Расплакалась, заплакал Давид.

Молвила ханум: «Всё ты видел, сын,

Убивать грешно Давида!

Ты же говорил, что по злобе он это натворил!

Но ведь видел ты, что ребенок он,

Злата от огня он не отличил,

Руку положил прямо на огонь,

Сунул в рот огонь и обжег язык и заикой стал!»

— «Храни тебя господь, мелик,

Ну, прав я был иль нет?

Скажи, Давид дитя иль нет?»

Мелик сказал: «Ты прав,

Давид безумно поступил. Да, он дитя!»

При этих словах прочь ушел мелик.

Из судилища вышел Давид.
И в оружейную мелика
Давид пошел. Дверь открыта была,
Лестница вниз, в подземелье вела.
Спустился Давид по лестнице вниз,
Большая меликова палица там лежит.
И сказал Давид сам себе:
«Хорошая здесь игрушка лежит!»
Взял Давид, поднял палицу, на землю бросил ее.
По городу гром пошел,
Перепугался люд городской.
Вот видит Мсра-мелик:
Землетрясенье, трясутся дома,
Он смекнул, в чем дело, сказал:
«Весь Мсыр задрожал от того, что упала
Большая палица моя!
Что стало с городом, взгляните!» — он велел.
Везир тотчас же догадался,
Что виноват Давид. И вмиг
Примчался, стал у входа в склад. А там Давид
Большою палицей еще раз грохнул оземь.
Тут закричал везир:
«Давид, да будь ты проклят, эй!
Ты что там делаешь?
А ну, вылезай, да скорей!»
Давид взошел наверх, захлопнул дверь.
Везир сказал: «Давид, Давид,
Беги скорей к Исмил-ханум,
А то мелик сюда идет,—
Он голову тебе разобьет».

Мсра-мелик бегом прибежал,
У двери стал, закричал, заорал:
«Эй ты, везир, а ну, кто там?»
А тот: «Я не видал, кто тут был,
А дверь открыта была».
— «Как не так! — мелик закричал,—
Тут шалил Давид!
Кто же мог поднять палицу мою,
Если не Давид?»
Но не предал Давида везир.

По городу Мсыру прошел мелик,
Давида везде искал, не нашел,

А придя домой, видит, что Давид
У тондыра спит.
Мсра-мелик с лука снял тетиву,
Удавить Давида хотел.
Тут в двери мать его вошла,
Схватила за руку его: «Что хочешь делать, сын?»
— «Хочу Давида задушить.
Он палицей моей поиграл,
И город весь оттого задрожал».
А мать, перед сыном грудь обнажив,
Сказала: «Коль ты Давида убьешь —
Будет ядом тебе мое молоко!»
Мсра-мелик сказал: «Мать, он — змеиный сын,
И, коль на нас беда падет,
Ты знай — это он виноват».
Тут с ним спорить мать начала.
Пришел везир, дитя собой закрыл,
И, обратившись к Мсырской ханум,
Везир закричал: «Госпожа,
Почему ты Давида к родным не пошлешь,
К его дядям родным в Сасун?
Через день, через два ему голову срубит мелик.
Иди, еду заготовляй,
И пусть Давид уйдет в Сасун, в свой дом.
Довольно он пожил у нас, пора!»

Ханум сказала: «Милый мой Давид,
А если к дядям я тебя пошлю —
Пойдешь ли ты?»
Тот спросил: «Разве дяди есть у меня?
Я пойду, но скажи, где они?»
— «Давид, мой милый, они
Далеко, в Сасуне живут».
— «А как же их зовут?»
Ханум сказала: «Их зовут
Так: одного Ован-Горлан,
Другого зовут Верго».
— «Что ж до сих пор молчала ты?
Десять пар лаптей, десять пар чулок
Ты мне приготовь,
Дай хлеба мне на десять дней,
И я уйду в Сасун».
Десять пар чулок, десять пар лаптей,
Хлеба на десять дней собрала ханум.
Благословила Давида, сказала:

«Иди, любимый мой, иди
В город Сасун, к дядям своим.
Храни тебя господь!»

Тут Мсра-мелик сказал:
«Пускай придет Давид,
Пусть пройдет под моим мечом,
Чтобы я отпустил его».
Он поднял меч
И хотел Давида под меч подвести.
Схватившись за лечак ханум,
Давид сказал:
«Пусть хоть тысяча сдохнет таких, как мелик,—
Я скорее под этою тряпкой пройду,
Под его же мечом не пройду ни за что.
Пусть делает со мной, что хочет, он,
Коль сможет он, пускай убьет меня.
Боится он, что вырасту я
И меч на него подыму.
Нет, я не пойду под его мечом!»

Тут везир его за руку ухватил,
Хотел под мечом провести.
Но стоит, не сдвинется с места Давид;
Не хочет под меч идти.
За ворот его ухватил везир,
Стал за ворот тянуть, чтоб под меч подвести.
Но Давид не под меч, а мимо пошел,
Он мизинцем задел за кремневый утес —
Искры брызнули из кремня.
Увидел это Мсра-мелик,
И ужас охватил его:
«Ведь он малыш, а как силен!
Какой же он будет, когда подрастет?»

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДАВИДА В САСУН

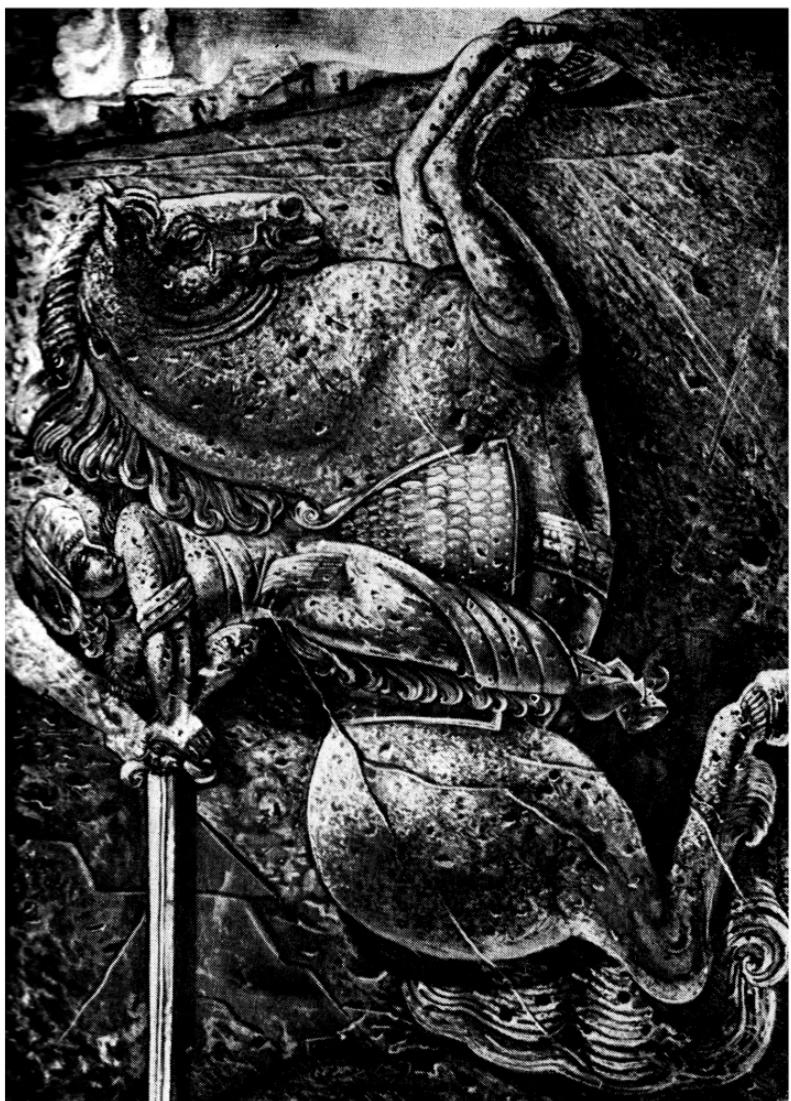
Двух пахлеванов он велел позвать,—
Один — Батмана-буга, другой — Чарбаар-Ками.
Повелел пахлеванам мелик
За семь горных хребтов Давида вести,
На мосту Батмана его убить.
На Давиде была надета ката.
И пахлеванам сказал мелик:

«Как убьете Давида, его капу
Намочите в крови, принесите ко мне.
Принесите крови его кувшин,
Чтоб я выпил кровь, душу облегчил».
Приготовились пахлеваны в путь.
А мелика мать
Думала — в Сасун поведут дитя...
Собрала ханум хлеба на десять дней,
Десять пар чулок, десять пар лаптей,
Вот поцеловал руку ей Давид
И пустился в путь.

Пусть они своею дорогой идут,
А мы весть о Кери Торосе дадим.

Как умер Мгер, так целых семь лет
Сасунский народ по Мгеру скорбел.
А прошло семь лет,
Собрался совет,
Крестьяне пришли, попы и князья,
И Торосу они говорят: «Эй, Кери Торос!
Юноши седеют у нас,
Девушки стареют у нас,
Коль будет народ запрет соблюдать
И Мгер от того оживет —
Еще мы семь лет продержим запрет!»
И Кери Торосик тогда
Всем сасунским людям сказал:
«Жените сыновей и дочерей,
От скорби проку нет!»
Кери Торосик свой дом им открыл
И всех, как друзей, за стол усадил.
Вино принесли. Поминки по Мгеру пошли.
Тут пир начался, стали есть и пить.
И молвил Торос попу:
«По Мгеру ты службу теперь отслужи!»
За упокой поп отслужил.
Разлили по чашам вино,
Поднесли Торосу, молвили: «Пей!»
Поднял чашу Кери Торос,
Встал и думу великую думать стал,
Но не пьет и не ставит чашу на стол.
Тут Хор-Манук сказал: «А ну, Кери Торос,
Коль пьешь — так пей. А коль не пьешь —
Так отпусти людей домой».





Сын Тороса тогда через стол
Бросил слово отцу своему:
«Ведь они безумцы сасунцы, отец,
Пей иль поставь вино,— пускай уйдут!»
Очнулся Торос и сыну сказал:
«А, собачий сын!
Ведь держит мелик Давида в плену,
А я буду здесь сидеть за вином?
Не стыдно ли нам!
О хлеб и вино и сущий господь!
Пока я не спасу из плена сироту,
Не поднесу вина ко рту!»
Тут сел Торос и отпустил гостей.

Жили в городе Мсыре сасунцы ткачи,
И вот долетела до них молва,
Что хотят Давида убить,
Собрались ткачи на совет,
Написали Торосу письмо.
Было сказано в том письме:
«Кери Торосик!
Ты щеки себе в Сасуне намыль,
Побреешься здесь!
Спеши, покамест Давид не убит.
Авось ты его от смерти спасешь,
В Сасун увезешь».

Гонцу то письмо вручили ткачи, велели ему:
«Садись на коня, в Сасун поезжай, Торосу отдай.
Поспеешь к закату — пускай с закатом же выедет он,
Поспеешь к рассвету — пускай с рассветом выедет он».
Кратчайшим путем поскакал гонец,
Помчался в Сасун.

И мысирских ткачей гонец в эту ночь
В Сасун прискакал.
И спрашивает: «Где живет Торос?»
К Кери Торосу гонца привели.
Поклонился Торосу юный гонец,
Поклон его принял Кери Торос.
Письмо из-за пазухи мальчик достал,
Кери Торосику вручил.
Как прочел письмо Кери Торосик,
Он крикнул: «Жена,
Лазги шестиногого мне оседлай!

Гонца угости, пока я в пути».
В ту же ночь Торос сел на скакуна,
Рано поутру прискакал во Мсыр.
У ворот сидел Мсра-мелик.
«О-о! — сказал, — добро пожаловать, Кери Торос!»
— «Бог на помощь, Мсра-мелик!» — молвил Торосик.
А мелик спросил: «Ну, Кери Торос,
По добру ли к нам,
Что так поспешил?»
— «Славу богу, по добру!» — отвечал Торос.
Подали друг другу руки, сели.
Тут Торос: «Ну вот, я да ты, мелик,
А над нами бог, пусть он судит нас!
Оцени плененного и хозяину верни,
За Давидом я приехал к вам!»
Отвечал мелик ему:
«Вот уже три дня как умер ваш Давид».

У Тороса слезы потекли по бороде,
Но ничем не мог он помочь беде.
Сел на шестиногого Лазги,
Утром ранним тронулся в обратный путь,
Воротился вечером в Сасун,
Всем поведал горестную весть.

Батмана-буга, Чарбаар-Ками,
Два пахлевана, Давида ведут.
Идет Давид, и они идут;
Оба думают, как им Давида убить,
Не придумают, как им Давида убить.
Не идет по дороге Давид,
Страной идти норовит,
Провожатым ни слова не говорит.
То пахлеваны идут впереди,
То сзади. Давид без дороги идет,
Давид далеко от них отстает;
Камни швыряет, играет в кустах,
Пугает птиц на горах
Да гоняется за зверьми.
Пахлеваны усядутся, сами едят,
А Давиду ни крошки они не дают.
Дня по три, бывало, Давид не ел,
В пути голодал Давид-сирота.
А чем же кормился Давид?
Он дикую репу искал и ел,

Траву полевую срывал и ел,
В долине грибы собирал и ел,
Пичужку камнем сшибал со скал,
Он зайцев встречал, догонял, убивал,
А хлеба у тех, у двоих, не просил.
Так они долго шли,
Дней пять или шесть в пути провели,—
Ни один пахлеван не сказал: «Давид,
Жаль нам тебя, ты устал,
Ты, наверное, голоден, хочешь пить».

Как до моста Батмана они дошли —
Батмана-буга сказал: «Чарбаар,
Давай Давида сбросим в реку!»
А Давид зашел далеко.
Вот пахлеваны решили присесть и хлеба поесть,
Давида зовут:
«Давид, эй, Давид, иди-ка скорей!»
Давид к ним подошел, сказал:
«Вот уж пять-шесть дней мы идем в Сасун,
Но за пять-шесть дней
Вы меня не спросили ни разу: «Давид,
Ты не голоден ли, ты не хочешь ли пить?»
Что же сели вы у моста теперь,— продолжайте путь!»
Те говорят: «Давид,
По земле и воде мелика мы шли до сих пор,
А нынешним днем
Вступаем на землю и воду отца твоего,
Потому тебя мы зовем.
Сядь же, Давид, хлеба поешь».
Ответил Давид:
«Мать на десять дней нам хлеб запасла,
Вы ели его, но не дали мне; я голоден был.
Когда же на землю и воду отца я вступил —
Не нужен ваш хлеб!»

Глядит и видит Давид,
Что по мосту два пахлевана пошли
И стали у края моста.
Давид подошел в упор и спросил: «Что стали опять?»
А те говорят: «Всё ради тебя!
Мелик приказал
Нам за руки весть тебя по мосту,
Чтоб не испугался ты, не упал.
Ведь ты испугаешься, ты еще мал!»

Давид сказал: «А до сих пор
Встречались и волк, и медведь,
Но не думали вы, что Давид еще мал, испугается он.
Идите же!
Вы впереди, я за вами вслед».

Пахлеваны тогда говорят меж собой:
«Пусть один впереди пойдет,
А позади другой;
Как только дойдем до средины моста,
Обернемся к Давиду, схватим его,
Сбросим в воду его, чтобы он потонул».
Не слыхал Давид ничего.
Тут они сказали ему: «Нет, Давид,
Пусть один впереди, а другой позади пойдет,
Чтоб не испугался ты на мосту».
Давид говорит: «Быть по-вашему, пусть!»
Но сам про себя сказал:
«Почему до сих пор они оба шли впереди,
А теперь один — впереди, другой — за спиной?
Вижу я, что-то есть у них на уме...»

И вот дошли до средины моста,
Обернулся передний к Давиду,
В упор за плечами задний стал.
Давид спросил: «Что ж задумали вы?
Ах, вы сбросить в реку хотите меня!»
Переднего за ворот правой рукой,
А заднего за ворот левой рукой
Взял Давид, друг о друга ударил их,
Держит их на весу по краям моста,
Говорит: «Где вам в воду людей бросать,
Я сперва покажу, а потом уж бросайте и вы!»
Пахлеваны взмолились: «Ради Христа,
Не бросай нас в реку, Давид!»
Тут Давид их ударил о камень моста,
Придавил им коленями грудь и сказал:
«Откройте всю правду, не то я вас
Убью и сброшу в реку!»
А те: «Давид, мы в твоих руках,
Говорить нам мешает страх.
Пусти, мы скажем всё».
Тогда Давид снял руки с них.
Поднялись пахлеваны, уселись, кряхтя,
Больше часу опомниться не могли,

Так их измучил Давид.
Давид сказал: «Говорите же!»
Наконец дыханье перевели,
Опомнились силачи,
И Чарбаар-Ками сказал: «Давид,
Коль правду скроем от тебя —
Не скроем от небес.
Собачий этот сын, Мсра-мелик,
Насильно принуждал нас погубить тебя.
Мсра-мелик сказал:
«Взведите Давида на мост Батмана
И там убейте его,
Налейте крови его кувшин
И сбросьте в воду тело его,
А кровь принесите. Я выпью кровь
И душу свою облегчу».
О, прошу, не убей меня!»
Но то был Давид!
Он сердцем его пожалел.
Он поднял, поставил его на мосту
И молвил: «Иди себе!»

Батмана-буга тогда сказал:
«А как же я вернусь?
Мелик меня убьет
За то, что не исполнил я приказ!»
Видит Давид — заяц мимо бежит. Поймал, разорвал,
Кровью зайца капу свою намочил,
Кровь в рог нацедил, пахлевану вручил,
Приказал: «Отнеси Мсра-мелику, скажи:
„Я Давида убил!“»
Обрадовался Батмана-буга,
Пустился в обратный путь.
И сказал Чарбаар-Ками: «Я был
При отце твоем, вырастал при нем!
Не знал я, что и ты могуч, как твой отец.
Меня в плена держал мелик
С тех пор, как умер Мгер.
Но буду я теперь слугой тебе,
Я мелику впредь не буду слугой,
Я судьбу свою тебе отдаю..
Я Мгера любил и Мгеру служил,
А нынче тебе я стану служить
За то, что ты так могуч!
Коль силы такие скрыты в тебе,

Пока я жив — весь я твой!»
Давид сказал: «Если так, что ж, иди со мной!»
Поцеловали друг друга в лоб
И пошли в Сасун.

А в ту же ночь Ован-Горлан
Увидел про Давида сон.
Сказал: «Бог знает, жив иль нет
Племянник мой Давид.
Возможно, скоро он
Вернется к нам в Сасун.
Он, быть может, уже на родной земле».
Ован-Горлан позвал жену: «Сариэ, Сариэ,
Вставай скорей!»
Сариэ сказала: «Ты, старик,
Чего ты не даешь мне спать?»
Ован-Горлан сказал: «Жена,
Ты из чужих, душа твоя за наших не болит.
Вставай, вставай! Я видел сон!
Вставай, раскрой мне сердце, погляди:
Вокруг города стены вдруг поднялись,
Вокруг города вдруг сады расцвели,
На стенах светильники наши зажглись,
В садах соловьи зазвенели вдали.
Я верю — на днях Давид-сирота вернется домой!»

А Давид травы собирал, что попало — хватал,
Он с голоду всё поедал.
И стал Давид от того дуреть,
Вылетел ум из головы.
Так шли они много дней, Давид и Чарбаар-Ками,
И в один из дней до Сасуна дошли.
Там скотопасы с подпасками
Побросали свой скот, отары свои
И давай на Давида глазеть.
Примечают они по одеже его,
Что он из Сасунского рода Джоджанц.
Подошел один скотопас,
Давид ему: «Как в Сасун пройти?
В Сасуне я родился».
К Овану-Горлану спешит скотопас, радость несет:
«Ты слушай-ка, Ован-Горлан,
Человек к нам идет, он — ваш сын Давид,
Радость тебе приношу я».

Ну и рад же тут был Ован-Горлан,
Кери Тороса кликнул он,
Из богатых домов своих вышли, ждут,
Всех горожан, всех селян зовут:
«Нам сына бог послал,
А ну вставай, идем Давида встречать!»
Горожан, селян охота взяла на Давида взглянуть,—
Уж, верно, могуч, коль Мгером рожден!
Встали все, собрались, за Кери и Ованом идут
Давида встречать.
«Эгей,— кричат,— где Давид? Эй, где он тут?»
Вот встал Ован-Горлан,
Вдаль на дорогу глянул он,
Глянул, видит: по ней пахлеван идет,
А следом за ним паренек идет.
Напрямик без дороги валит,
Просо, шагая, мнет.
Сказал Торосику Ован:
«Ишь, как парень тот вразвалку идет,
Напрямик без дороги валит.
Это, видать, наш безумный Давид пришел,
Солнце Сасуна зажглось».

Как шел Давид, как брел Давид в Сасун —
Он лапти свои стоптал,
Одежу свою изорвал, изголодался весь.
Глядит: народу тьма,
А куда пришел — не поймет Давид,
Оторопел он, стал, говорит:
«Бос я и гол, ну как пойду в Сасун?»
Давай тут селяне руками махать, Давида звать.
Невдомек Давиду к ним подойти,
Побрел кое-как, идет себе,
Никак не смекнет, что в Сасун пришел,
Что ему, Давиду, такой почет;
А тем невдомек, что устал Давид,
Притомился, устал, отощал.
Ован-Горлан вперед подался,
Подошел, на Давида глядит,
Стал перед ним, говорит:
«Сыночек, лао, откуда ты?»
— «Сасунский я», — говорит Давид.
«Не встречал я в Сасуне тебя, лао.
Вот он — город Сасун: этот и есть.

А кто ж у тебя в Сасуне?»
— «Двое дядьев, говорила ханум».
— «А как их звать?»
— «Старшего дядю Верго зовут,
Второго дядю — Ован-Горлан».
Подбежал тут к Давиду Ован-Горлан,
Давида обнял, расцеловал,
Поцеловал его, плача, в лоб.
«Эх, Давид,— говорит,— так вот ты какой!
А ведь я — Ован, дядя твой!»
Он целует Давида и раз, и другой,—
Так, рука с рукой,
Со смехом с весельем идут домой.
Всех кличет Ован: «Эй, братья, друзья,
Идем пировать, идем ликовать!
Воротился Давид!»

Тут собрались Давидовы дядья
И давай его обнимать, целовать.
Сасунцы к Овану сошлись,
Поздравляют с радостным днем.
«Хвала тебе, господи, — молвил Ован-Горлан. —
Пришел к нам, причалил птенчик наш.
Но что ты тут скажешь — убогий он,
Ждали мы удальца, а н — убогий пришел».
Сел Ован за стол, с ним сасунцы все,
Пировали, беседу вели,
Потом разошлись за гостем гость.
Остались вдвоем Ован и Давид.
Давид ему: «Дядюшка, как живешь?»
Ован в ответ: «Грех на бога роптать,
Милостью вечной его
Да гробом отца твоего — живем кое-как».
— «Коли так, то и ладно», — сказал Давид.

ДАВИД-ПАСТУШОК

Поутру проснулся Ован-Горлан, с постели встал,
Он трижды коснулся рукой земли, хвалу воздал,
Молвил: «Господи, слава тебе,
Еще раз ты мне сон послал,
Будто солнце взошло,
Озарило сасунский очаг.
Нам больше не страшно, брату и мне».

Встал он, слазил в сундук, Давида принарядил,
Бабок в карман ему насовал, изюму дал,
Поцеловал его в лоб и молвил: «Давид,
Ступай с ребятами играть!»
Пошел Давид, стал с детьми играть.
Набежали мальчишки, давай его бабки хватать,
Давай с кулаками к Давиду лезть.
Не стерпел тут Давид, тумаков надавал,
Одному мальчишке шею скривил.

Мать под вечер к Овану с жалобой шла,
Ован-Горлан в ответ: «Заживет,
Велю, чтоб не дрался».
Пришел к Давиду Ован, сказал: «Родной мой Давид,
Вперед не дерись!»
Наутро встал Давид, пошел с ребятами играть.
А те навалились целой толпой,
Давай Давида бить.
Махнул кулаками Давид,
Трем мальчишкам шеи скривил.
Тут женщины с плачем к Овану-Горлану пришли.
Сошли старшины,
Народ собрался, говорит меж собой:
«Этот сучий подкидыш
Всех наших ребят покалечит,
Пойдем, Давида убьем!
Кто он такой, чтоб наших детей избивал?»

Вот встали, идут, Ована-Горлана зовут, говорят:
«Где Давид? Кликни его, пусть выйдет к нам».
Спросил Ован: «На что вам Давид?»
Они ему: «Твой безумный Давид —
Нашим детям враг.
Зачем покалечил столько ребят?»
Струхнул Ован, к Давиду пришел.
Молвил: «Бог разори твой дом, Давид,
Зачем детей избивал?»

Ответил Давид: «Пропади они!
Лезли драться — я и побил».
Ован ему: «Горожане пришли,
Запрудили дверь, ступай, ответ держи».
Поднялся Давид, вышел, глядит —
Тьмы людей навалились на двор.
Кто Давида в глаза не видал —

Его повидать пришел,
А кто про Давида дурное слыхал —
Его избивать пришел.
И как только вышел Давид,
Тьмы людей, завидев его,
Задрожали, шепот встал:
«Не троньте Давида, в гнев он впадет,
Всех нас перебьет».
Повернулись все, по домам разошлись.
Наутро сасунские старшины
Ована зовут, говорят:
«А знаешь, Ован, зачем ты зван?
Намедни люди сошлись в твой дом,
Увидели Давида — взял их страх.
Скорей на работу Давида поставь,
А коль работы ему не дашь,
Стрясется в городе много бед».
Ован им: «Какую ж работу дать?»
А они: «Пастухом Давида наймем,
Чтоб в городе не сидел».
Ован-Горлан ввечеру воротился домой, сказал:
«Давид, солнце мое,
Не пойдешь ли ты в пастухи?
Ведь обеднели мы,
Получим проса мерки две — и сыты».
Давид ему: «Дядюшка, отчего ж не пойти?
Не могу я лодырем жить.
Человек ты знатный,
Почитает тебя сасунский народ,
Сделай милость, просьбу мою уважь —
На работу меня поставь».
Ован сказал: «Давид,
Нанял город тебя пастухом.
За каждого ягненка
Нам проса мерку да мерку пшеницы дадут.
Ну, как,— убережешь ягняток?»
Давид ему: «Беречь их буду, как цветы!»
Пошел Ован-Горлан, упросил горожан:
«Племянник пришел ко мне,
Не давайте другим ягнят пасти,
Пусть нынешний год мой племянник пасет.
Уважьте меня — пусть будет Давид пастухом.

На заре сгоните ягнят к воротам,
Я Давида пошлю, он ягнят соберет, поведет».

Говорят Овану-Горлану соседи: «Ован,
Ты вели, чтоб сшили ему башмаки.
Да только стопчет их Давид,
Как пойдет он в Сасунских горах
Со стадом кружить».
Ован в ответ: «Иду, скажу, чтоб сшили».

Встал Ован, к кузнецу пошел,
Башмаки стальные велел склепать,
Стальной посох велел сковать,
Забрал, принес, Давиду отдал на заре.
Рад был Давид своим башмакам.
Ован-Горлан сказал: «Сынок,
Вставай, выводи ягнят на пастьбу,
За Сасунской горой паси ягнят.
К роднику ты их в полдень всех пригони,
Принесу тебе в полдень поесть».

Встал Давид, башмаки стальные надел,
Взял в руки посох стальной,
Посреди Сасуна стал, закричал:
«А ну, земляки, выводи ягнят,
А ну выводи, сгоняй козлят,
Поведу их пастьись в Сасунских горах».
Проснулись земляки, повывели ягнят,
Повывели козлят, пригнали к воротам.
Сбил отару Давид, в горы погнал.
На Давида люди глядят, говорят:
«Бог свидетель, Ован,— перебьет он ягнят!»

Ован сказал: «Давид,
Не обидь земляков, не сгуби ягнят,
Ты их целыми взял, ты целыми приведи их назад!»
— «Эх, дядюшка,— молвил Давид,—
Разве ж я дуралей?
Ягнят не сгублю, не робей!»
Забрал Давид ягнят, погнал,
Угнал, на высокую гору загнал,
Пустил их там пастьись.
До отвала наелись они.
Давид затолкал ягнят в загон,
Давид отошел от ягнят,
Давид на земле разлегся, заснул,
Давид об ягнятах и знать не знал.
Проспались ягнята, из загона ушли,

Разбрелись кто куда, пасутся себе.
Давид об ягнятах и знать не знал.
Проснулся, глянул: ни ягнят, ни козлят,
Разбрелись кругом, не сыскать.
Встал Давид, в загон заглянул — нет ягнят.
Он вправо глядит — нет ягнят,
Он влево глядит — нет ягнят.
Постоял, покричал, искать побежал,
Затопал по горам.
Как загудел его шаг в горах —
Тут стаи зайцев и лисиц со скал, камней поднялись,
Повылезли из нор — и ну бежать, ну удирать!
Вдруг из-под ног — как прыгнет косой!
Дивится Давид: «У-ух, козленок прыткий какой!»
Пустился зайца догонять: козленок-то пестрый был!
Бежит куница по камням, лиса метет хвостом.
«У-ух,— дивится Давид,— что за прыть у козлят!»
И за зверем бежит,
Пока тот, высунув язык,
Не дается в руки сам.
Так всех он зайцев, и куниц, и лисиц
Похватал, притащил, в одну кучу с ягнятами сбил,
Всех зайцев, куниц и лисиц
С семи гор он собрал, всех пригнал,
Ягнят с ними смешал, совсем заморился, устал,
Привел и козлят, впереди сам с посохом стал.
Глядит: башмаки стальные стоптал.
Ровно в полдень Ован еду собрал,
Принес, глядит:
Знать, немало Давид покружил по горам,
Башмаки стальные стоптал,
Стер вконец и посох стальной.
Сказал: «Давид, ну как ты тут,
Сынок, лао, ненаглядный мой!
Коль каждый день башмаки клепать,
Коль каждый день тебе посох ковать,
Весь твой доход на это уйдет,—
Что ж нам перепадет?»
Давид в ответ: «Эх, дядюшка,
Не возьмусь я завтра ягнят пасти.
Весь день нынче бегал, устал,
Обновку свою стоптал!»
Сказал Ован-Горлан: «Давид, родной,
Знать, несладко быть пастухом?»
Давид ему: «И как еще сладко,

Бог свидетель в том!
Козлята смирные есть:
С козлятками бурыми,
С козлятками черными
Брожу по скалам без забот.
Но от рыжих козлят, от белых козлят,
От длинноухих козлят покою мне нет,
Удрать норовят, заморили меня,
Нет мне от них житья,
Умаялся я!»

— «Лао,— сказал Ован,—
Нет у нас рыжих, белых козлят!»
А Давид: «Есть, дядюшка, есть,
Рыжие есть и белые есть;
Коль поутру не отгонишь их от ягнят,
С ягнятами я не пойду».

— «А ну, вставай,— сказал Ован,—
Ягнят мне покажи.
Хочу посмотреть на рыжих козлят».
Встают, пришли, открыли загон.
Сказал Давид: «Ты, дядя, в загон заходи,
Ягнят выводи, а козлят буду я ловить,
Тебе их не поймать».

Ован в ответ: «Нет, нет, сынок, ты молод еще,
Сам зайди, выгоняй, ловить буду я».
Давид вошел в загон.
Как застучал, как сосчитал дубинкой камни он,
Все зайцы, все лисы повысыпали вон.
На лисиц, на зайцев глянул Ован,
Смекнул, каких козлят наловил Давид.
Разбежалось зверье кто куда.

Из загона вышел Давид, сказал:
«Ты зачем же, дядя, козлят моих упустил?»
Ован в ответ: «Не козлята они,
Это — звери, лао,
Этих рыжих козлят не держи, пусть бегут».
Давид ему: «Упустил, упустил ты моих козлят!
Что теперь делать? Хозяева спросят козлят,
Нет у меня козлят — и что им дать взамен?
Ну как мне перед ними ответ держать?»
Тут в горы побежал Давид —
Своих зайцев ловить, лисиц собирать.
Ован ему вслед: «Эх, Давид,
Разорись твой дом,— кричит,—

Я тебе говорю, что зверей ты собрал,
В загон загнал,
Не держи зверье, пусть бегут!»
Не послушал Давид, убежал.
Повернулся дядя, домой пошел,
Молвил: «Господи, в этакой саже измазались мы!
Полоумный-то наш — всё зверье в одну кучу сбил,
Ягнят со зверем смешал: козленка от зайца
Не может отличить.
Соседи,— сказал,— земляки, богом прошу я вас,
Чтоб завтра Давид ягнят не пас».

А Давид поднялся,
Побежал он зайцев, лисиц догонять.
А зайцы, лисицы — ну бежать, ну удирать,
Повысунули языки,
Забрали их страх,
Ходят бока, словно в кузнице мех.
Давид их на гору загнал,
В ущелье вновь согнал, пригнал,
С ягнятами смешал,
Сказал: «У-ух, будьте прокляты вы!
С ягнятами, с козлятами покою мне нет,
Некогда хлеба поесть!»
Не бегало больше зверье, Давида боясь.

Ввечеру согнал Давид ягнят, в город привел.
Башмаки Давид до того потрепал,
До того стоптал, что снять их пришлось,
Надел их на посох Давид, сам шел босой.
Так весь свой скот, всё зверье он пригнал,
Весь город набил дополнна.
«Эй, земляки,— закричал,— выходи,
Забирай ягнят, козлят!
Длинноухие эти козлята, не знаю чьи,
Все удрать норовят, поскорей,
Прошу — выходи, забирай!
Длиннохвостые эти козлята, не знаю чьи,
Все удрать норовят, колотил их, пригнал,
В одно стадо с ягнятами сбил!»
Горожане, как глянули, диву дались.
Говорят: «Ведь это зайцев и лисиц Давид
Пригнал, с ягнятами смешал, пойдем, возьмем».
Пришли, забрали своих ягнят, увезли.
И каждый в придачу, сколько мог,

Лисиц и зайцев забрал с собой.
Зарезали зайцев, поели,
Из лисьих, куных шкур нашили шуб, надели.
И с той поры
Всё зайцев режут и едят,
С лисиц, куниц сдирают шкуры, шубы шьют.

Ввечеру ишханы сошлись,
К Овану пришли, говорят:
«Совсем полоумный пастух у нас,
Не отличает зверей от козлят.
С Сасунских гор всё зверье забрал,
В город пригнал,
Оскудели горы зверьем.
Не хотим, чтоб Давид был пастухом!»

Собрался народ, говорит: «Как с Давидом быть?
Давайте, поручим ему коров». Сказал Давид: «Позвали меня ягнят пасти,
Прогнали,— теперь даете коров?» Ован-Горлан сказал: «Давид, лао,
Нет покою тебе от козлят,
Не бери ты козлят,
Ты лучше стадо погони пастьись,
Пригонишь в горы — спать ложись,
Принесу тебе в полдень поесть». Пошел Ован, велел опять башмаки стальные склепать,
Новый посох стальной велел сковать,
Забрал, принес, Давиду вручил,
На рассвете встал, закричал:
«Эгей, эгей, земляки, вставайте,
Свой скот к Давиду сгоняйте,
Сегодня Давид не ягнят пасет,
Сегодня на пастбище гонит скот». Встали те, попригнали к Давиду скот.
Сбил стадо Давид,
Погнал, на Сасунскую гору загнал,
Пустил, на земле разлегся, заснул.

Поспал, проснулся, сел, глядит:
Весь скот разбрелся, на утесы залез.
Встал, пустился коров догонять.
Вдруг — из пещер как повалят
Медведи и волки толпой.
Рассердился Давид: «Пропади хозяева ваши,—

Удрали опять!»
Припустился Давид, а те — удирать,
Бежал, бежал, всех зверей заморил, загнал,
Подошел, всех руками побрал, со стадом смешал
И снова давай по горам, ущельям кружить.
Всех, сколько было зверей в горах,
Он всех изловил, пригнал.
Отсюда львицу пригнал,
Оттуда тигра пригнал,
Снизу льва пригнал,
Сверху барса пригнал,
Слева шакала пригнал,
Справа медведя пригнал,
Волков отовсюду согнал,
Всех зверей согнал, все пастбища ими забил.
Присмирили все, Давида боясь.
Коль кто кого куснет,
Давид обидчика возьмет и на землю метнет,
Да так, что в землю он уйдет.
Застыли звери, Давида боясь,
Замер и скот, зверей боясь,
А Давид стоял впереди.

Ввечеру Давид свое стадо пригнал,
В город впустил, весь Сасун наводнил.
И не вышел никто из домов,
Всяк в страхе был, дверь плотнее закрыл.
Пошел Давид на Сасунский майдан,
Стал звать, кричать, долго, долго звал:
«Эгей, народ, забирай свой скот,
Выходи, забирай, в хлева загоняй!
Кто быка не растил — быка получай,
Без коровы был — корову встречай!
А ну, встречай, ворота открывай!
Кто одну растил, тот двух забирай,
Кто двух растил — десяток встречай,
Кто десяток растил, тот двадцать встречай,
Кто двадцать растил, тот сорок встречай!
Что ж не идете принимать свой скот?»

Но никто не идет забирать свой скот.
Кричал он кричал, не вышел никто,
Никто из домов показаться не смел.
Тут смолк Давид, сказал:
«Не идет никто — и не надо,

К дьяволу вас!
По горам, по долам я кружил,
Всех собрал и домой пригнал.
Не нужны вам, так пусть идут, куда хотят.
Ну и люди пошли, вот и делай им добро!
Умаялся я!»
Тут, голову укрыв,
Улегся Давид, заснул до утра.

Собрались старшины, к Овану пришли,
Сказали: «Ован, наш скот затеял ты сгубить?
Племянник твой разорил Сасун.
Мы боимся тигров этих и львов,
Медведей и волков.
Что за притча! Сколько зверей...
Ребятишек он до смерти запугал».
— «А коли так,— Ован сказал,—
Пойду, заберу Давида домой».
Пошел Ован-Горлан, позвал:
«Давид, пусть твой дядя умрет за тебя, скажи:
„Доброе, останься,— злое, уйди,
Доброе, останься,— злое, уйди!“»
Поднялся Давид, сказал:
«Доброе, останься,— злое, уйди,
Доброе, останься,— злое, уйди!»
Разбежались все звери, в горы ушли.
Остался скот.
Тут каждый дверь открыл, пришел,
Забрали скот, в хлева увели.
Сказал им Давид:
«Чудаки вы, бог разори ваш дом!
Упустили в горы тучный скот,
Оставили одров».

Сказали ишханы: «Не вышло дело, Ован,
Ничего людского в мальчишке нет:
Безумец, право, безумец!»
Услышал Давид, сказал:
И к дьяволу! Больше я вам не пастух!»
Тут разгневался дядя, Давиду сказал:
«Коль ты таков,
Отныне мой кров тебе — не кров,
Иди, куда хочешь!»

ДАВИД-ПАСТУХ

Из города вышел Давид,
Улегся в сторонке, заснул.
Наутро пришел в Сасун Кери Торос, спросил:
«А где мой племянник, Давид?»
Мужчину спросит — бранится тот,
Женщину спросит — та Давида клянет.
Пошел Кери Давида искать.
Видит — Давид в сторонке спит,
Так пнул его ногой,
Что, будь на Давидовом месте другой,
Ушел бы он в землю на семь шагов.
Проснулся Давид,
Глядит — Кери Торос.
Говорит: «Кери, за что ты бьешь?»
Кери ему: «Ну, что ты наделал, лао?»
Давид сказал: «Кери Торос,
Уж больно замучил меня этот скот,
Оттого и сасунцы прогнали меня».
Сказал Кери: «Сасунский глупец,
Что быстро бежит, того не сгоняй,
Что небыстро бежит, то сгоняй, приводи!»
Давид ему: «Нет, здесь уж мне не житье,
Укажи мне другие края, туда пойду!»
Кери Давида взял с собой,
Привел к себе домой.

Прошло немало дней.
Вот начала пробиваться весна.
Давид сказал: «Кери, вот весна на дворе,
Пора пастьбы, работ полевых.
Мы, сорок душ, сидим в твоем дому,
Не обязан ты всю ораву кормить.
Пойди, в работники нас отдай,
Заработка, всё домой принесем,
Осеню сложимся, заживем!»
— «Вот как! — сказал Кери.— Молчи уж ты, Давид,
Бог твое солнце убей,
Давно ль ты у меня работником стал! —
Усмехнулся, сказал:
— Возьму и впрямь тебя в Дашту-Падриал,
В подпаски отдашь, в пастухи:
За работу тебе проса мерку дадут,
Получишь, домой принесешь.

Сvezу я на мельницу просо, смелю,
Привезу, хлеб замесит тетка твоя,
Испечет, из тондыра достанет хлеб,
Возьмешь, дашь мне хлебец, скажешь: «Кери,
Это я заработал, возьми, поешь!»
Только не верю, только не верю...»
Давид ему: «Коль не веришь, Кери,
Сейчас же вставай, веди меня, в пастухи отдай».

Кери знал, что Давид упрям.
Встал Кери, взял Давида с собой,
Пошел в Дашту-Падриал,
Отвел Давида, отдал в пастухи,
Сам его обучил, сказал: «Сынок,
Так-то вот будешь скот беречь,
Чуть свет свое стадо погонишь,— сказал,—
За Сасунскую гору, на свежий луг.
Там есть белый камень, под камнем родник,
К роднику пригонишь в полдень — поить».
Встал Кери, от Давида ушел,
Вернулся в Сасун.

Наутро Давид свое стадо собрал, на луг погнал,
В полдень к белому камню привел, к роднику.
Видит: там из семи деревень пастухи собирались,
К Давиду сошлись,
Каждый со стадом своим.
Давид сказал: «Эй, пастухи,
Давайте братьями станем!»
Побратался с ними Давид.

Весна была, скот за зиму зачах,
Шли дожди, грязь была на дорогах, в полях.
Увязнет в грязи, застудится скот,
Что ни день — семь-восемь голов упадет.
Давид из грязи коров таскал,
Ноги он им веревкой вязал,
Под веревку свой посох продевал.
Он взвалит корову на плечи, в село принесет,
Принесет, развязжет, хозяйке скажет:
«На коров твоих, матушка, хворь нашла,
Холодно, в грязь упадут, застынут.
Не вылезть им, лягут, жалко их».
Благословляли хозяйки Давида:
«Коль работал — будь сыт,

Не работал — будь сыт!
Жизнь твою да продлит господь!
Без тебя в этот год
Померз бы наш скот».
И все угощали Давида:
Хлеб спекут — дадут, яиц принесут,
Яичницу сбьют.
И каждой — забота о нем.
Благословлял Давида весь крестьянский люд:
«Досель не бывало у нас таких пастухов!»
До июня, июля пастушил Давид,
Всё стадо в тело вошло.

Шли дни. Богородицын день пришел.
В тот день богомольцы в церковь идут —
Обедню служить.
Кто обедню заказал — тому арису варить.
Кипит ариса,— а как служба отойдет,
Отведать лакомства всяк придет.

В богородицын день, лишь полдень настал,
Сбил стадо Давид, на луг погнал,
К белому камню, к роднику.
Видит, там из семи деревень пастухи собрались,
К роднику сошлись
Каждый со стадом своим.
А по дороге селяне идут, ишханы идут,
Нарядные все, и нет им конца,
Всё идут да идут.
Молвил он: «Что за притча,
С утра всё идут да идут,
Куда же они идут?»
Отвечают ему: «На праздник идут,
В жертву скот принесут.
Хоровод поведут,
Будут петь, плясать,
На сазе играть,
Арису варить,
Будут есть, будут пить,
Отпирают, обратно сойдут».

Сказал один пастух:
«Хоть бы в храм кто пошел, арисы нам принес,
Чтоб отведать и нам арисы!»
Не идет никто.

«Коли так,— сказал Давид,—
Берегите мой скот, а я пойду,
Арисы принесу,
Чтоб каждый был сыт.
Но если мой скот без меня пропадет,
Семерым вам головы с плеч снесу!»
Припугнул их Давид,—
Те в страхе сидят, коров сторожат.

И взошел Давид туда, где храм стоял,
С тем, с другим мимоходом речь повел,—
Где, мол, тут арису варят?
«Вон там,— говорят,— арису варят».
Туда и пошел Давид.
Видит он: на тондыре котел стоит
И хозяйка сама арису варит.
Сказал Давид: «Нанэ, нанэ,
Сделай милость, дай арисы:
Семеро нас пастухов собралось.
Что ж поделать, пастух, известно, бедняк,—
Да покоится прах отца твоего,—
Арисы нам самую малость дай,
Возьмем, соберемся, съедим».
Хозяйка ему: «Убирайся ты вон, сасунский глупец,
Иль не знаешь, что служба в церкви идет?
Подожди, вот из храма выйдет народ,
К нам поп придет, арису освятит,
Тогда поедим арисы».
— «Хозяюшка,— молвил Давид,—
Без присмотра скот, не дай бог, пропадет,
Недосуг мне, давай поскорей,
Разбегутся стада, будет людям беда».
А хозяйка ему: «Не дам,
Пока поп арисы не святил, ничего не дам;
Вот богомольцы придут, поедят,
Остатки — вам, возьмешь, поешь».
Давид ей: «Остатки псам дают!»
Тут хозяйка давай Давида ругать.
Рассердился Давид, руку он протянул,
О четырех ушках котел с тондыра снял,
На край тондыра сдвинул котел,
Он посох продел в ушки котла,
Взвалил котел на плечо,
На голову таз взгромоздил,
Да масла горшок ухватил,

Да всё что ни на есть хлеба
Под мышку забрал,
Семь ковшей еще приbral,
Сказал: «А вот и ложки нам!
Ну, теперь — вашу жертву да примет господь!»
А старуха ему:
«Будь проклята жертва такая,
Нечего больше святить!»
А Давид повернулся и пошел к роднику.

Хозяйка в церковь бежит, кричит:
«Слушайте, люди, идите скорей!
Пришел сасунский безумец Давид,
Арису, хлеба — всё забрал, унес».
Поднялся тут говор со всех сторон.
Один сказал: «Идем, Давида побьем,
Арису и хлеба назад возьмем!»
Сказал другой:
«Не гонитесь за ним, не перечьте ему,
Поколотит он вас, убьет!»
Поп сказал: «Еще два котла арисы на огне стоят,
Не ходите, сасунский он сумасброд, он вас побьет,
Вам — калеками стать, а нам — позор».
Один стариk сказал:
«Он из Мгерова рода, оставьте его!
Хватит силы у вас
Тот котел за четыре ушка вчетвером поднять —
Тогда идите, а нет — оставайтесь, жалко вас!»

Побежал Давид, на луг пришел,
К пастухам пришел, снял с плеч котел,
Он снял котел, поставил на луг,
Снял таз с головы, поставил на луг,
Арисы по край наложил,
Ковш масла черпнул, арису полил,
Закричал пастухам:
«Ну, давай, пастухи, поедим арисы!
Что ж никто не идет?»

Пастухи сидят ни живы ни мертвы,
Носы повесив сидят, молчат.
Подошел к ним Давид, спросил:
«Ну, чего носы повесили вы?»
Отвечает один: «Давид,
Как носов нам не вешать, суди ты сам.

Едва ушел ты в недобрый час —
Сорок дэвов злых напали на нас,
Сорок лучших быков угнали у нас!»
Давид им: «Не беда,
Сперва поедим, — ну, садись сюда!»
Только видит, нейдет им в горло еда.
Сказал: «Кто приметил из вас, угнали куда?»
Они отвечают Давиду:
«Через гору умчались, не сыщешь следа».

Взвалил Давид дубинку на плечо
И двинулся в путь.
Через гору перевалил,
Все горы-ущелья обрыскал — нигде никого.
Пошел Давид к Сылганац, под Аркуком сошел,
Шел-шел, до горы незнакомой дошел.
Глядит: из расщелины дым валит.
Пошел на дым,
Глядит: о сорока ушках котел стоит,
Прирезали дэвы быков,
Свалили их в котел,
Огонь под котлом разожгли,
И клокочет котел, кипит.
Тут взял Давид о сорока ушках котел,
Опрокинул его на огонь.
Все сорок шкур забрал, в котел сложил,
Пошел, до пещеры дошел,
Вошел, глядит — и что ж видит он?
Кто на ковре разлегся, лежит,
Кто в зурну дудит,
Кто без просыпа спит,
Прохлаждается всяк, веселится.
Давид кругом поглядел,
Глазами Давид завертел,
Давид повернулся, вышел вон.
Утес он схватил,
Принес, утесом вход завалил,
Чтоб не вышел никто, не убежал.
Так грозно тут закричал Давид,
Что на дэвов проклятых ужас нашел.
Старший дэв, как услышал, сказал:
«Беда нам, это Мгеров сын, Давид,
Ступайте, кланяйтесь ему, чтоб жизнь нам пощадил!»
Но всех перехватал Давид,
Всем шеи он свернул,

Головы оторвал, выбросил вон.
Огляделся Давид — и что же видит он?
Пещера полным-полна,
Пещера та — казна,
Чего ни пожелай — всё в ней найдешь.
Лежит в ней жернов золотой,
Лежит в ней золота гора,
Лежит гора серебра.
Без счету в ней сасунского добра.
С тех пор как умер Давидов отец,
Ходили дэвы на разбой и всё в пещеру несли.
Тут золота Давид в суму наложил,
К поясу привязал.
Он бычы шкуры и головы взял,
В котел сложил,
До краев котел золотом набил,
Встал, в ушки котла дубинку продел,
Котел на плечо взвалил,
Забрал его, к церкви понес.
А там начинали попы еду святить.
Принес он котел,
Поставил его у церковных дверей,
Попа подозвал, сказал:
«Батька, дай арисы, накорми,
Что унес, отдал всё пастухам,—
Едва хватило им».
Тут струсил поп, сказал: «Не троньте его,
Арису он унес, зато котел вернул,
Накормим его — поест, уйдет».

Уселся Давид, арисы поел,
Встал, крестьян созвал,
Хозяев быков тех позвал, собрал, сказал:
«Эй,тише, слушай, что я вам скажу!»
Он бычы шкуры достал, швырнул,
Быков своих шкуры каждый узнал.
Сказал Давид: «Вот вам головы ваших быков
Взамен арисы, что я унес.
Вот и большой вам котел
Взамен котелка, что я унес,
Вот и золото вам,
Поделите его — взамен быков.
А шкуры пусть пойдут всем беднякам,
Чтоб каждый обулся, отца моего помянул.
Но горе вам,— сказал Давид,—

Коль у братьев моих, пастухов, урвете вы
Хоть горсточку пшена:
Тогда на память вам Давид дома разорит!»
Они ему: «Что ты, бог с тобой, ступай,
Не обидим братьев твоих».

Ушел Давид, к пастухам пошел,
Пришел, глядит: арисы и не тронул никто,
Всё насупясь сидят.
«Ну, полно вам супиться,— сказал,—
Горюете, видно, что соли тут нет?
Ешьте без соли арису,
А домой придете, соль будете есть!»
Они ему: «Давид, братец наш,
Ну как же нам быть
И что хозяевам быков мы скажем?»
А Давид: «Я им отдал шкуры бычачьи,
Я им приказал,
Чтоб у вас ни горсти пшена никто не урвал.
А коль урвут, скажите мне,—
Пойду, на память им дома их разорю!»

Тут только челюсти у пастухов разжались.
Сели все за еду.
Поели, молвил им Давид:
«Вставай, быков отбирай, я иду».
Они ему: «Еще только полдень, Давид!»
Дал им уши проклятых дэвов Давид.
Сказал: «Идите к домам, созывайте селян,
Пусть мулов возьмут, придут,
Пусть добро заберут, унесут».

Созывают селян пастухи, кричат:
«Вставай, народ, иди, Давид сорок дэвов убил,
Что угнали сорок быков,
Говорит: „Пусть идут, добро заберут!“»
Те отвечают: «Лжете вы!»
А пастухи: «Отрежьте нам уши, если лжем!»
Встал и сам Давид,
Стадо сбил, впереди погнал,
Пригнал, в село пришел, сказал:
«Вот вам ваши быки, вот ваш скот,
Не буду их больше пасти».
Ушел в Сасун, к Кери Торосу в дом.
Кери по дому взад-вперед ходил.

Поздоровался с ним Давид,
К нему подошел, спросил: «Кери,
Нас в доме сколько душ?»
А тот: «С тобою сорок нас».
Давид ему: «Кери, да покоятся предки твои,
Нас в доме — сколько мужчин?»
Кери ему: «Лао, дружок, ведь я ж сказал, —
Господь бы тебя прибрал, —
С тобой здесь — ровно сорок».
— «Ну ладно, — сказал Давид, —
А сколько чувалов у нас?»
Кери ему: «Убей тебя господь, —
С твоим чувалом — сорок всего.
Что тебе от того?»
Давид сказал: «Кери, не сердись,
Мужчинам нашим всем скажи скорей,
Пусть чувалы берут, пойдем, их золотом набьем».
— «Ну, скажи мне, — молвил Кери, — собачий ты сын,
Пшена не принес, как же золото сулишь?»
Давид ему: «Кери, иди, пойдем,
Прошу, скорее все пойдем,
Пещеру, казну — всё тебе отдам,
Пусть тридцать девять человек
Пойдут со мной, идем!
Коль до краев тридцать девять чувалов набьем
И золото домой возьмем, то-то все заживем!
А нет — вы все, тридцать девять,
Убьете меня, вернетесь в свой дом».
Лжи не любил Кери Торос.
Сказал: «Ну что ж, сынки, идем,
Коль согнал Давид, его мы убьем!»
Тут сумку с плеч отвязал Давид,
Он золото рассыпал пред Кери.
Увидел золото Кери. «О мой Давид, — сказал, —
Ты солнышко мое, свет глаз моих,
Ты сорок дэвов убил!»
Схватил его, в лицо расцеловал.

Выходят с мулами — и вот
Все тридцать девять в ряд стоят,
И каждый прихватил чувал.
Позвали Ована-Горлана и Труса-Верго —
И вслед за Давидом пустились в путь.
Пустились. Шел-шел Давид,
Бот и белый камень, под ним родник.

А уж там из семи деревень селяне сошлись,
Дождались Давида, пустились в путь,
К пещере он их привел.
Как глянули путники, видят они:
У пещеры мертвые дэвы лежат,
И каждый распух, ростом с гору стал.
Тут мула своего подхватил Верго,
Испугался, прочь убежал.
И как головы тех мертвцев увидали —
И еще двое-трое пустились бежать.
Обернулся Давид, закричал: «Эй, эй!
Провались вы совсем,— куда?
Ведь я ж их всех поубивал! —
Крикнул Давид: — Коль не верите мне,
Обернитесь и гляньте,
Я уши отрезал им, вон их уши лежат!»

Обернулся Верго, видит, уши лежат.
Он мулов своих забрал, к пещере подошел,
А все, кто бежали, обратно пришли.
Давид от пещеры утес отвалил,
Прочь его отпихнул,
Кери Торосика, Ована позвал,
Сам стал впереди, в пещеру вошел.
Как увидели люди всё добро,
Что награбили дэвы за много лет,—
От радости не чуют ног.
Собрали всё, что было там.
Чувалы золотом набив,
Всю утварь, жернов золотой —
Связали в тюки,
На мулов взвалили вьюки,
Взяли всё, в дома свои увезли.

Налились амбары Сасуна добром,
От изобилия трещал Сасун.

А Давид себе взял лишь коня одного.

ДАВИД-ОХОТНИК

С тех пор как дэвов Давид перебил,
Любимцем дома стал.
Давид себе сокола достал,

В поля уходил, охотился там,
Бил он там воробьев, диких курочек бил.

Старуха в Сасуне жила,
С той старухой когда-то любился Мгер.

Засеяла ниву просом она,
Воробьев, перепелок та нива полна.
Вот раз пришла она, глядит:
Там с соколом, верхом, Давид,—
Он воробьев на ниве бьет,
Перепелов на ниве бьет.

«Давид, — говорит, — чтобы тебе умереть,
Мне плакать над тобой,—
Ты чтотворишь?

На просе моем перепелок ты бьешь.
Много ль мяса в моих воробьях,
Воробьями старухина проса ты будешь ли сыт?
Ты бы в горы шел, там бараны есть,

В диких баранов стреляй, ты их убивай!»
Давид ей: «Бабка, ну а если в горы я пойду,
Чем диких коз мне бить?»

Она ему: «Возьми отцовский лук и стрелы!
Скажи, пусть дадут тебе стрелы и лук отца,
Возьми, на охоту ступай!»

— «А кто хранит, — спросил Давид,—
Отцовский лук и стрелы?»

— «Спроси ты Ована жену».

Пришел к жене дяди, Сариэ, спросил:
«Где, тетя, стрелы и лук отца моего, скажи?»
Она в ответ: «Давид, свет глаз моих, не знаю,
На плечах Мгера я видела их,

А где они теперь, не знаю я».

Повыждал Давид — как быть ему?

На старухину ниву пришел опять.

«Нанэ, — он молвил, — тетка мне

Не говорит, где стрелы и лук отца».

Она ему: «Безумный Давид, заинка Давид,
Пойди, изводом у тетки возьми,

Заставь ее силой дать стрелы и лук».

— «А как изводом взять?»

Она ему: «Раздроби ты камень, накали в огне,
Скажи ей: „Тетя, крупу эту съешь
Иль отдай мне стрелы и лук отца!“»

Пришел Давид, сказал: «Сариэ, проголодался я!»
Сариэ ему: «Хлеба нет!»

Давид у тондыра присел,
Камень крошит, ворчит.
Жалость жену Ована взяла.
«Давид,— говорит,— сходи-ка скорей,
Принеси кизяку, я огонь разведу,
Осталось тесто, испеку, поешь».
Идет Давид кизяку принести, глядит:
Висит на стене дуга — не дуга,
Висит деревянный прут.
Он прут берет, домой несет.
«Матушка,— молвил он,—
Скажи, что за штука вот этот прут?»
Она ему: «Откуда мне знать, у дяди спроси!»
Рассердился Давид, молвил:
«Отвечай, говорю, это что за прут?»
Сариэ ему: «Надоел ты мне!
Коль накинешь веревку на чахмах —
Тогда скажу, а нет — не скажу!»
Давид чуть тронул прут рукой,
Надел веревку на чахмах,
Жена Ована диву далась, говорит:
«Мгер, бывало, провозится час
С чахмаком и веревкой той,
А он чуть тронул прут рукой —
Веревку на чахмах надел».
Сказала Сариэ:
«Не знаю, что за прут, отстань!»
Тут за руку Давид ее схватил
И к каменной крупе ее подвел,
Та крупа накалилась в огне.
Он держит за руку Сариэ и тянет к очагу,
Берет он горсть раскаленной крупы,
Всыпает в ладонь Сариэ,
Сжимает ей пальцы в кулак.
А Сариэ: «Ой-ой-ой, жжет, ой, жжет! — кричит.—
Давид, ой, милый, дорогой, пustи, скажу!»
— «Ну, ладно, тетя, высыпай».
Разжала пальцы, говорит: «Не знаю, не скажу!»
— «Смотри опять насыплю, отвечай».
Тут молвила Сариэ: «Давид,
Это — лук и стрелы отца твоего,
С ними ходил на охоту Мгер».

Давид того и ждал,— уж и рад он был!
Лук и стрелы забрал, принес,

Отчистил, ржавчину с них соскоблил,
Лук и стрелы привесил к плечу.
Стал Давид каждый день на охоту в горы ходить.
Вот месяц прошел, другой.
Случилось так, что Сариэ, Овановой жене
(Давид красив лицом и статен был)
Полюбился Давид. Говорит:
«Приходи ко мне ночью, Давид».
Давид ей: «Тетя, бог с тобой,
Ты мне — мать, а я тебе — сын».
Подумала Сариэ: «Дай стану голову мыть,
Пускай Давид придет мне воду лить,
Как увидит он тело мое,
Войдет в его сердце грех,
И он придет ко мне».
Пошла она, воды набрала,
Позвала Давида, чтоб воду лил.
А тот глаза закрыл,
Чтоб на тело Сариэ не глядеть,
Чтоб не вошел в его сердце грех.
Так он воду ей подавал.

Помыла голову Сариэ,
На Давида глаза подняла,
Видит, крепко зажмурился он.
Тут с плачем себя она в голову бьет,
Царапает в кровь лицо,
Волосы треплет свои,
У окна садится и ждет,
Когда Ован, ее муж, придет.
Сказал Ован: «Эй, жена,
Что с тобой стряслось?»
Жена в ответ: «Сам должен знать,
Я думала, сына ты мне привел,
Не знала я, что, взамен себя
Ты мне мужа привел».
Ован-Горлан сказал:
«Эй, жена, тут нечisto, лжешь ты мне!»
Она в ответ: «Я не лгу тебе,
Занес на меня он руку,
Да я не далась ему».
— «Коли так — мы на ночь двери запрем!»
Двери запер на ночь Ован,
Давида в дом не пустил.
«Эх, дядя, — сказал Давид, —

Я мог бы ногой твою дверь своротить,
Провалились бы в землю и дверь твоя, и ты.
Но как же мне, дядя, помочь тебе,
Коль блудницей обманут ты?»

Ушел Давид, у старухи в дому ночевал,
Утром встал, на охоту пошел.
Вдруг видит — стая воронья
Над старухиным просом кружит,
Поклевать его хочет.
Подумал: «Как мне быть,
Пусть я разом двадцать убью —
Другие улетят!
Нет, расправлюсь с ними умней!»
Он руку протянул, тополь с корнем рванул,
Рванул он, деревом махнул,
Да так, что просо с вороньем
Всё вместе сбил, в одну кучу смешал.

Пришла старуха, глядь — ни колоска на ниве нет.
Кричит: «Давид, ой,
Чтоб тебя лютая смерть взяла,
Ты что ж это сделал с просом моим?»
Давид ей: «Не дал я зато
Вороною твое просо клевать».
— «Эх ты, смерть тебя забери,
Эх, на что тебе просо несчастной старухи далось.
Спали тебя бог!
Ведь Мгеров ты сын, —
Мгера-льва упокой господь, —
Вот кто истинный был отец бедняков,
А ты чтотворишь?
Только горсточкой проса я и жила,
Я, да дочка моя, да просо мое, —
Ты жизнь мою вздумал сгубить?
Коль мужчина и сын ты отца твоего —
Зачем не идешь в Цовасар?
Ступай, коль ты удалец, владенье отца верни.
На горе Цовасара охотился Мгер.
Мсра-мелик на нас напал,
Отцову гору он отнял.
А та гора окружена стеной,
Зверей там не счесть, серны, лани там есть,
Огородили их стеной,
Не могут оттуда уйти.

Почему не взберешься туда.
Ты что, лишь со мной удалец?»

«Ну, бабушка, — молвил Давид, —
Пошли тебе долгую жизнь господь!
Да где ж он, растолкуй ты мне, —
Где Цовасар, я не знаю».
А старуха: «Ступай, Давид, дядю упроси,
Он тебя на отцову охотничью гору сведет».

Пришел Давид, сказал: «Ну, дядя Ован,
Скажи, где Цовасар, —
На отцову охотничью гору сведи».
Сказал Ован: «Сынок, обманули тебя,
Охотничьей горы той больше нет,
Обманули тебя, солгали тебе!»
— «Нет, дядя, есть она, есть,
И я туда пойду, не лги!»
Ован ему: «Отсохни язык, рассказавший тебе!
Знай, лао, лишь умер твой отец,
Мсра-мелик ту гору забрал,
Мы не смеем ходить туда».
Сказал Давид: «Ты, дядя, только сведи,
Коль придут — меня убют, не тебя».
Тот в ответ: «Сынок, лучше завтра пойдем».
Разгневался Давид, сказал:
«Вот что, дядя Ован,
Коль поведешь в Цовасар — веди,
А нет, — хлеб и вино, сущий господь, —
Дам тебе оплеуху и шею сверну!»
Услышал Ован, струхнул.
Видит он — совсем взбесился Давид.
«Лао, — говорит, — не сердись,
Идем, сведу, покажу».

К Кери Торосику идет Ован,
К горожанам идет, говорит:
«Не знаю, кто Давиду сболтнул,
Сейчас припер меня к стене:
«Идем в Цовасар!» — говорит».
А горожане ему:
«Ован, коль вправду поведешь,
Пойдем и мы посмотреть.
Там, верно, медведи подросли,
Там, верно, волки есть,





Баранов диких, верно, там не счесть.
Пойдем, посмотрим, как Давид баранов будет бить».

Тут встал Давид, он сел на коня,
К охотничьей горе отцовской держит путь.
Народ собрался вместе с ним,
Ован-Горлан и толпа горожан —
Все с Давидом пошли.
Все пошли, пришли в Цовасар — и что ж видят они?
Высокой стеной окружен Цовасар —
И нет в стенах ворот.
Отец Давидов, Мгер,
То горное место стеной обвел.
А как умер Мгер —
И волк, и медведь,
Джейран и баран — числа им нет —
В Цовасаре остались жить.

«Дядя, — молвил Давид, — это что за стена?»
Ован ему: «Это и есть Цовасар!»
Поднялся на гору Давид, глядит — кругом стена.
Он вправо, влево глядит, нигде ворот не видать.
Воззвал Давид:
«Дай мне сил, о Всевышняя дева Марут!»
Он в стену палицей метнул, обрушилась стена,
Метнул, вошел в пролом,
Вошел в пролом — что ж видит он?
Там тенистая роща, деревья там,
Зеленый цветник, мурава,
А посередине водоем блестит,
В нем, словно ключ, вода, струясь, журчит.
И каких только нет там зверей!
Подумал Давид: «Ой, сильно отец согрешил,
Что это зверье взаперти держал».

А тех, что с Давидом пришли,
Охота берет пострелять, диких коз погонять.
Смотрел, смотрел Давид, да вдруг как закричит:
«Эй, эй! Никто ни одной убивать не смей!
Никто их не тронь, не позволю в них стрелять!»
Сказал Ован-Горлан:
«Будь мне сыном, прошу тебя, Давид,
Подстрели ты сам хоть одну козу,
Чтоб жертву принести». Давид в ответ:
«Эх, дядя, родной, взаперти

Их любая старуха подстрелит.
Мужчина сперва им свободу вернет —
Потом уж будет стрелять.
Они же, дядя, — в плену,
Разве можно пленников убивать?»

Давид удариł ногой, ограду сбил,
Все стены развалил.
Капу снял,
Подбросил к небу, крикнул: «Гой-гой!»
Повыбежало всё зверье.
Давид кричит: «А ну, ступай на воле жить!»
А сам пошел по горам, ущельям кружить,
Среди рощ, среди скал.
Обшарил всё, сказал:
«Вдруг где-нибудь спит зверюга какой, —
Жалко!»
Так всех он выпустил зверей,
Пришел к горожанам и сказал:
«А ну, иди, кто смел, —
Теперь, коль хочешь, стреляй!»

Кто был удальцом — на охоту пошел,
Кто был неумел — остался.
Вернулись все в Цовасар.
Пошел Давид, двух баранов он словил,
Принес, у водоема положил,
Сам сошел в водоем, искупался там.
Баранов в жертву принесли,
Огонь развели,
Зажарили мясо, поели, уселись отдыхать.

ДАВИД СТРОИТ ХРАМ МАРУТА

До вечера были в горах горожане все и Давид.
Ввечеру сасунский народ
Обратно пошел к домам.
Ован сказал: «Давид,
Вставай, пойдем и мы!»
Давид ему: «Дядя, родной,
Мой отец здесь много раз ходил,
Здесь проведу я эту ночь».
Ован в ответ: «Давид,
Кто ж ночью под небом спит?

Всяк ночью идет в свой дом.
Смотри, сасунцы все ушли к домам,
Пойдем и мы домой».
Давид ему: «Дядя,
Ведь это — места отца моего,
Эту ночь я должен здесь провести, —
Иди, коль хочешь, домой».

Так сказал он и лег под деревьями спать.
«Давид, — сказал Ован, —
Коль ты остался, останусь и я».
Остался. Давид едва лег — заснул.
Ован сидел, заснуть не мог.
Вот пораскинул он умом:
«Как мне с Давидом быть,
Как мне его угомонить?
Дай подложу под голову себе полу его капы,
Чтоб меня он не бросил сонного ночью,
Не встал бы, не ушел».
Забрал Ован полу Давидовой капы,
Под голову себе тихонько подложил,
Заснул. Да разве Давида угомонишь?

Шло время. П полночь подошла.
Проснулся вдруг Давид.
Присел, осмотрелся, глядит:
Над вершиной горы огонь горит,
Видит — радугой свет стонит.
Подумал: «Что за огонь там?
Взглянуть, что за люди там?»
Хотел он встать, глядит, полу его капы
Ован под себя подоткнул, заснул.
«Эх, господи, — сказал, —
Ну, как я дядю разбужу?
Он подумает — струсили Давид.
А как не будить, коль пола под его головой?»
Ована Давид разбудил, сказал:
«Что за радужный свет
Над вершиной горы?»
Знал дядя Ован, что это — брат его,
Что могила там, из могилы свет.
Давиду он солгал, сказал:
«Костер горит — пастухи, видать,
С коровами иль с бараптой.
А что за люди, почем мне знать?»

Да не поверил тем словам Давид.
Одолел обоих сон, улеглись и спят.
Ован-Горлан Давидову полу
Опять под себя подоткнул,
Чтоб не ушел к могиле Давид.
Проснулся вновь Давид, глядит:
Пал с неба луч и, огнем залита,
На той горе показалась плита.
Теперь уж не будит дядю Давид.
Смекает: «Взять нож, полу отхватить, —
Эх, жалко капы! —
Решил: — Ну и дьявол с ней, пусть жалко!»
Достал свой нож,
Капу полоснул, полу отхватил,
В изголовье Ована осталась пола.
Давид пошел на огонь, наверх он взошел.
Взошел Давид, глядит: там гробница стоит,
Из гробницы бьет пламя-радуга,
Над гробницей — свет встает дугой.
Давид подошел, он руку в огонь окунул —
Не палит.
Он в пламя песку набросал —
Всё ж горит.
Тогда лишь подумал Давид:
«Знаю, это и есть Марута, Всевышняя дева».
Он луком-стрелой обвел, очертил отцову плиту,
Вместо колышков он лук и стрелы
В землю воткнул,
Вернулся, к дяде пришел.

Глядит, а дядя крепко спит.
Подсел Давид, сказал:
«Дядя, эй, пробудись от сладкого сна!
Эй! дядя ты мой, свет глаз моих, дядя родной,
Расту я сиротой, защитой мне стань!
Эй! дядя ты мой, свет глаз моих, дядя родной,
Отец — в земле сырой, отцом ты мне стань!
Эй! дядя ты мой, свет глаз моих, дядя родной,
Нет матери моей, мне матерью стань!
Эй! дядя ты мой, свет глаз моих, дядя родной,
Нет брата за спиной, за брата мне стань!»

Ован приподнялся, спросил:
«Говори, сумасброд, что еще стряслось?»
Сказал Давид:

«Дядя, велик и милостив бог,
Прославим деянья его!
Плита на горе показалась,
Свет радугой сошел на Цовасар,
Я видел обитель Всевышней девы Марут,
Вставай, идем, увидишь сам».

Повел Ована Давид, на могилу привел,
Могилу ему показал, спросил: «Это что за плита?»
Ован ему: «Это могила отца твоего.
Здесь храм стоял, разрушился он.
Отец твой, Мгер, воздвиг его,
И имя дал ему —
Марута Всевышняя дева.
Как только умер твой отец,
Мсра-мелик напал, все стены разрушил, снес».

Слушал Давид.
Преклонился Давид, на коленях подполз,
Руки простер по земле, поцеловал он прах,
Свет-радугу он чертами обвел,
Весь будущий храм начертал,
Где будет престол, где основа стены,
Всё вымерил он.
Сказал: «Так будет храм сооружен!»

Обернулся Давид, сказал:
«Эй, дядя, умру за тебя, о чём попрошу —
Мне дай!
Пятьсот или тысячу душ, чтоб камень ломать, —
Мне дай!
Пятьсот или тысячу душ, чтоб камень тесать, —
Мне дай!
Пятьсот или тысячу душ, чтоб щебень сгребать, —
Мне дай!
Пятьсот или тысячу душ, чтоб воду таскать, —
Мне дай!
Пятьсот или тысячу душ, чтоб стены слагать, —
Мне дай!
Пятьсот или тысячу душ, чтоб швы закреплять, —
Мне дай!
Пятьсот или тысячу душ, чтоб доски стругать, —
Мне дай!
Коль храм не воздвигнется тот —
Мой обет меня убьет.

До вечера завтра хочу к концу работу свести,
Чтоб храм свечами сиял,
Чтоб служба в храме шла!»

Встал дядя, он уж знал —
Не станет дважды говорить Давид.
Сказал Ован:

«Давид, вставай, домой пойдем,
Рабочих приведем!»

Давид ему: «Я пойду к отцовой плите,
Домой не пойду. А ты — ступай скорей,
Мастеров разыщи, рабочих пришли,
А с ними и сам воротись».

Подумал Ован-Горлан:
«То — желанье сына брата моего,
Надо исполнить его!»

Сказал: «Сынок,
Ведь я ж — Ован-Горлан,
Мой голос пробежит за час сорокадневный путь,
Мой голос — в семи городах мастера,
Мой голос — тысячи тысяч рабочих
Услышат, придут.

Встань, убей семь диких быков,
Возьму их, в город пойду,
Горожан угощу,
Тогда мастеров, рабочих толпа
Сойдется к нам
И желанье сердца исполнишь ты,
Построишь храм».

Встал Давид, семь диких быков убил.
Ован на плечи их взвалил, в город пошел.

Ован наутро встал, во весь свой голос закричал:

«Ах, зову, зову, пускай придут,
Кто бога любит, пусть придут!
Ах, строить монастырь Марут,
Кто бога любит, пусть придут!

Ах, зову, зову, пускай придут,
Ах, зову, зову, пускай придут!

Ах, пять сотен — тысяча душ, чтоб камень ломать,
Ах, пять сотен — тысяча душ, чтоб камень тесать,
Ах, зову, зову, пускай придут,
Ах, зову, зову, пускай придут!

Ах, пять сотен — тысяча души, чтоб щебень сгребать,
Ах, пять сотен — тысяча душ, чтоб воду таскать,

Долетел до семи городов Ованов зов.
Из семи городов понахлынули
Тысячи тысяч рабочих и мастеров,
Поднялись, в дом к Давиду, к Овану пришли,
Поклонились Овану-Горлану,
Встали все, собрались, пошли
Марута Всеяшней строить храм.

А что тем временем делал Давид?
Он с луком-стрелой пошел,
На вершину горы взошел,
Отцову плиту, что чертами обвел,
Кругом обошел,
По чертам основанье прорыл он,
Камнями его укрепил он
И стену одну в рост человека сложил.
Пришел с мастерами Ован-Горлан.
Как глянули все — диву дались:
Такие громадные скалы Давид притащил,
В основу стены заложил,
Что даже всем скопом тех скал
Не осилили б мастера.

На стену взошли мастера,
А Давид те громадные скалы хватал,
Хватал, приносил, на стену их громоздил.
Ни рабочим тех каменных глыб не поднять,
Ни мастерам тех глыб не поднять,
На стену не взгромоздить.
Рабочие мелкие камни несут,
Мастера те мелкие камни
Вокруг каменных глыб кладут,
Рабочие глину месят, ее мастерам подают,
Скрепляют камни мастера.
И тьма еще не сошла — окончен был храм.

Был за день он возведен,
Марута Всешиней храм.

В ту ночь, когда спать все легли,
Увидел сон Давид.
Всешиняя дева Марута пришла к нему, говорит:
«Сними ты с пояса меч,
Заложи мой храм на мече своем,
Вновь за день храм возведешь,
Обедню отслужишь в нем,
Чтоб на крепкой основе стояла я».

Проснулся Давид, глядит, —
Марута-храма — нет как нет:
Весь камень ушел на свои места,
Вся земля ушла на свои места,
Деревья, глина, песок —
Всё ушло на свои места.

Встал Давид, Ована позвал,
Кери Торосика позвал, сказал:
«Дядя, Кери, пробудитесь от сладкого сна!
Марута Всешиняя явилась во сне,
Должен снять я с пояса меч,
Должен храм заложить на мече своем,
В один день воздвигнуть храм,
Обедню в нем отслужить».
Глядит Ован-Горлан: храма — нет как нет.
Подивился, сказал: «Давид,
Я, Ован-Горлан, поднимусь еще раз на заре,
Рабочих вновь созову, пусть построят вновь!»
Ован наутро встал, он вновь закричал.
Вновь тысячи тысяч рабочих,
Нахлынув, пришли,
Пришли и видят: вновь Давид
Громадных скал наломал, основу стены заложил,
Снял с пояса меч,
Он меч в основанье вонзил.
На стену взошли мастера.
Давид те громадные скалы хватал,
Носил, на стену их громоздил.
Рабочие мелкие камни несут,
Мастера те мелкие камни
Вокруг каменных глыб кладут,

Скрепляют камни.

И тьма еще не сошла, построен был храм,
Завершен.

Ввечеру сказал Давид:
«Отец мой, дядя родной,
Мастерам их плату отдай,
Рабочим нашим плату отдай,
Без платы их не отпускай!»
Мешки с золотыми привез Ован,
На трех мулах их привез,
И каждый взял свой золотой, ушел к себе домой.
Обернулся Давид, Овану сказал:
«Дядя, пусть за тебя, мой дядя, умру, —
Прошу, вардапетов мне сорок дай,
Прошу тебя, сорок монахов мне дай,
Прошу тебя, иноков сорок мне дай,
Прошу тебя, сорок служек мне дай, —
Чтоб свечи во храме зажечь,
В субботу обедню служить!»
Встал Ован, закричал, позвал.
Освятили в субботу храм, отслужили обедню там.
Так рад был храму Давид!
И пошел он, Чарбаара-Ками привел,
Поставил сторожем у входа в храм.
Каждый день приносил
Меда бурдюк да масла бурдюк —
То была еда Чарбаара-Ками.
Позвал Давид Чарбаара-Ками, сказал:
«Злой человек придет — дверей не раскрывай,
Паломник придет или нищий придет —
Ты двери раскрой, накорми».

До утра оставались там,
Поутру встал Давид, глянул вокруг, увидал:
Меж Марутской горой и Сасуном река текла.
На берег той реки ступил Давид, сказал:
«Надо выстроить мост на этой реке,
Чтобы в реку не падал народ, не тонул».
Стали люди класть основанье моста,
Да смывало камни бурной водой,
Не держался мост. Тут на гору взошел Давид,
Громадные скалы скатил он вниз,
Каждая — ростом с высокий дом.

Под устои моста те скалы легли.
А на скалы те мастера
Стали мелкие камни класть,
Перекинули своды, построили мост.
Такой широкий был этот мост,
Что две арбы разъезжались на нем.
Стал зваться он Давидовым мостом.

Прошло немного дней,
И Давид с Ованом спустились с гор
Посмотреть, как живет Сасун.

ДАВИД ИСТРЕБЛЯЕТ МСЫРСКИЙ ОТРЯД

Во Мсыр к мелику весть донеслась:
«Пошел Давид, разорил Цовасар,
Всех зверей из затвора выпустил вон,
Он стену сломал
И монастырь Марута воздвиг».
Мсра-мелик разгневан был,
Он встал, холбashi позвал, сказал:
«Я должен всадников взять, поскакать
И храм Марута разграбить, снести».
А холбashi сказал:
«Будь славен, царь,
Ты всадников не созывай.
Вот мы — пятьсот нас всадников здесь —
На Цовасар взойдем, шатры разобьем,
Монастырь тот разграбим, снесем,
А Давида убьем, срежем уши, тебе принесем».
Сказал мелик: «Коли сделаешь так,
Я город тебе подарю.
Сбирайся в путь,
На Цовасар взойди,
Марута Всевышнюю деву разграбь,
Разори, вернись,
Давида ты убей, мне уши принеси!»
Собрался холбashi, пятьсот всадников взял,
Поскакал, на город Сасун напасть не посмел,
Поскакал, прискакал в монастырь Марута.
Чарбаар-Ками из ворот идет, глядит:
Сотня всадников — и не одна — полями летит.
Сказал: «Коли так рассудить, что паломники это,
Паломник-то, он — не всяк верховой,

У них — кто верхом, а кто пешком.
Я думаю так, что грабители это, разбойный люд.
Нет, надо встать да дверь притворить,
Ворота забить
Да те ворота спиной подпереть.
Коли паломники это — я двери открою,
Пускай в монастырь войдут,
Ну, а коли разбойный люд — не открою дверей.
Пускай коней повернут, уйдут».
Тут встал Чарбаар-Ками, он дверь подпер спиной.
Пришел холбashi, пятьсот всадников с ним.
Подошли, бились, бились,
Никак не откроют ворот.

Один хитроумец в войске был, сказал:
«Давайте, поймаем зайца, убьем,
Одежду, как та, что носит Давид,
В кровь обмакнем,
Подденем одежду копьем —
И вниз через стену метнем, закричим:
«Чарбаар-Ками, твоего господина убили мы,
Где будешь жить, что станется с тобой?»
Как увидит одежду Давидову он,
Ворота отпред, мы войдем».
Принесли одежду, метнули ее через стену вниз.
Чарбаар-Ками на одежду глянул, сказал:
«Это — одежда Давида!»
Горстью пепла посыпал голову он,
Но дверей не открыл.
Как ни бились они,
Чарбаар-Ками дверей не открыл.
Холбashi подошел к монастырской стене,
Снова крикнул, сказал:
«Эй, монахи, дверь откройте!
Проклятые, — сказал, — я вашего хозяина убил,
Прикончу всех, если дверь не откроете мне!
Давида Сасунского я убил,
Надежду вашу умертвил.
Хотите — откройте, а нет — оставайтесь там,
Пока не станет деготь бел!»
Монахи услышали зов,
Говорят меж собой:
«Если город Сасун они разорили,
Если Давида убили —
Зачем и нам на свете жить?»

Ночью в страхе проснулись, встали они,
Открыли дверь монастыря.
Чарбаар-Ками очнулся от сна,
Поднял голову, видит — открыта дверь.
Тут ударили себя он руками в лоб,
Убежал, вверх на гору ушел.

Холбashi, с ним пятьсот, в монастырь ворвался,
Занял вход, сам стал у дверей.
Пять сотен своих он внутрь впустил,
Разграбили всё, унесли.
Зарезали сорок вардалетов в приделе,
Зарезали сорок монахов в келье,
Зарезали иноков сорок — нет, меньше одним, —
И служек сорок зарезали.
А тот один, когда шла резня,
Под трупы заполз.
А как ушли войска холбashi —
Из-под трупов выполз он,
Рубаху иноческую взял,
В густую кровь убитых ее погрузил,
К Давиду он в тревоге побежал в Сасун.
Тот инок встал,
Побежал, до Сасуна дошел,
К Овану-Горлану в дом пришел.
Глядит — Давид за столом сидит,
Веселится, пирует Давид.
Гусей зажарил он, жаркое на плов кладет,
Гранатное вино семилетнее пьет,
Ногу на ногу заложил,
Средь юношей и девушек пирует, пьет.
Приходит инок, пред Давидом встает.
Ован-Горлан ему: «Что стряслось?»
Тот в ответ: «Монастырь разорен,
А Давид пирует — сидит, —
Так и есть: сумасшедший он!»
Ован-Горлан оплеуху дерзкому дал.
Давид из-за стола спросил:
«Зачем ты, дядя, инока бьешь?»
Ован ему: «Инок твой говорит:
„Сумасшедший Давид,
Пиরует — сидит“».

Тут инока Давид подозвал, сказал:
«Иди сюда, послушать хочу, что скажешь ты,

Чем оскудел монастырь?
Ладана мало, елея нет, — за чем пришел?
Бери, что надо, ступай, к обедне поспешай!»
— «Давид, — тот инок отвечал, —
Убили сорок вардапетов твоих,
Убили сорок монахов твоих,
Убили иноков сорок твоих — нет, меньше одним! —
И сорок служек убили,
Монастырь разгромили, разграбили,
Всё унесли, ушли».
— «Э, — сказал Давид, — надоел ты мне,
Свеч не хватает, ладана нет?
Чего не хватает, возьми, ступай!»
Обернулся, Овану сказал: «Дядюшка,
Инок пришел; верно, ладана нет,
Вышел елей, мало свечей, дай, пусть уйдет!»

Растерялся инок, видит он —
Никак не поймет его Давид.
Как услышал он Давидовы слова,
Он рубаху кровавую на землю швырнул,
Сказал:
«Бог разори твой дом,
Где монахи твои,
Где иноки твои?»
На рубаху кровавую глянул Давид —
Отрезвел, сказал: «Послушай, брат,
Это что у тебя? Иль беда стряслась?»
— «Давид, умру за тебя, — молвил тот, —
Убили сорок вардапетов твоих,
Убили сорок монахов твоих,
Убили сорок служек твоих,
Убили иноков сорок твоих — нет, меньше одним!
Монастырь разгромили, разграбили,
Всё унесли, ушли».
— «У-ух, — сказал Давид, —
Разграбили мой монастырь,
Убили моих вардапетов, убили монахов моих,
Так молвил ты, инок? А кто ж это был?»
Отвечает тот: «Это был холбashi
И с ним пятьсот,
Он всех перебил, я спасся один,
К тебе прибежал».
— «А скажи, — спросил Давид, — давно ушли
Иль недавно ушли?»

Тот в ответ: «Они — туда, а я — сюда!»
Давид приподнялся, встал, сказал:
«Ну, юноши, девушки, ешьте, пейте,
Пирайте себе... А я пошел!»
Ушел Давид, в старухин дом прибежал.
«Нанэ, — сказал, — каким путем идти,
Чтоб холбashi дорогу пересечь?
Он мой монастырь разграбил, снес».
Указала старуха дорогу, молвила так:
«На Батман-реку, на мост иди,
Куда б ни пошел холбashi, моста не минует он».
Разулся Давид, рукава засучил,
Пошел и тополь с корнем рванул,
Рукой по тополю он провел,
Ободрал все сучья, взвалил на плечо,
Пустился в путь.
Пришел, стал за скалой большой,
Там долго ждал и слушал он:
Вот затопают кони, голоса зашумят...
Сказал: «А что, коль прошли они?»
Вдруг слышит Давид — холбashi говорит:
«Надругались мы над Давида отцом,
И монастырь разграбили мы,
Вардапетов сорок его, монахов сорок
Перерезали мы.
А ну, пусть придет:
Дорогу мне пересечет!»

Тут вышел Давид, закричал:
«Холбashi, куда бежишь?»
Холбashi оглянулся, видит: Давид
Средь войска тополь занес,
Машет стволом на мосту,
То справа в воду людей смахнет,
То слева в воду людей смахнет —
Так всё он войско перебил: кого убил,
Кого в поток побросал, утопил.
Осмотрелся — нет никого. Глядит —
Холбashi на коне переплыл поток.
Молвил: «Всадник, тебя я мог бы догнать и убить,
Но я тебя не убью.
Ступай, мелику поклонись,
Скажи: «Еще живет Сасун!»
Вперед пусть будет умней!
От разбоя много ли проку?»

Ну, разве посмел бы ответить ему холбаш?
Погнал он коня, ускакал.
А Давид наш вернулся в Сасун.

ДАВИД ИЗГОНЯЕТ СБОРЩИКОВ ДАНИ

И Мсыра достигла весть,
К Мсра-мелику пришли сказать:
«Мелик, что тытворишь?
Сасунский безумец всю рать твою перебил!»
Мсра-мелик свой меджлис собрал,
Сколько было мудрых людей, созвал,
Совета просил, чтоб средство нашли
Давида жизнь с лица земли стереть.
В меджлисе был храбрый один пахлеван
По имени Козбадин, он сказал:
«Будь жив, государь! Недостойно, по мне,
Чтоб шел на неверных ты сам.
Дашь пахлеванов тысячу мне —
Пойду, разрушу город Сасун, тебе предам.
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
Сорок низких жен — жернова крутить,
Сорок невинных дев тебе пойду добыть,
Сорок бычков, сорок коров,
Да сорок серебра тюков,
Да сорок золота тюков — побор возьму.
Сасун ограблю, оберу,
Давида ж убью и голову тебе принесу».
Мелик сказал: «Храбрец Козбадин,
Я это право дал тебе!
Ты встанешь, на Сасун пойдешь,
За семь лет там дань соберешь:
Сорок рослых жен — верблюдов грузить,
Сорок низких жен — жернова крутить,
Сорок невинных красавиц добыть,
Бычков и коров, и казну,
И Давида главу!»

Козбадин мелика спросил:
«Мелик, а что мне дашь за то?»
Мелик сказал: «Коль исполнишь всё,
Полцарства моего я подарю тебе».
И стал Козбадин тысячу храбрых в войска
набирать,
Сывать идти на Сасун.

Бадин, Козбадин, Судин, Чархадин
И все, кого дал мелик, и начальники их —
Все вышли в поход.

А жены города Мсыра,
Едва лишь завидели их,
Повели хоровод и запели так:
«Привет, Бадин и Чархадин,
Куда вы мчитесь так, бегом?
Эй, Козбадин, эй ты, Судин,
Что лютым смотрите зверьем?»
Тут женщинам так Козбадин сказал:
«Вы плач творить зайдите в дом,
Судить нас будете потом!
Мы бить-громить в Сасун идем,
Волов отменных под ярем,
Коров молочных заберем,
Чортан и масло припасем».
Сказала женщина одна:
«Сасунских знаю удальцов, —
Дадут ли, нет ли — подождем!»
Уходит с войском Козбадин,
Уже к Сасуну подступил,
В долине он разбил шатры.
Вот сорок он бойцов отобрал,
Вот сорок он верблюдов взял,
К Овану с ними пошел,
Чтоб дань за семь годов забрать.
Сказали: «Нас послал мелик
С вас дань взыскать за семь годов».
Услыхал, побоялся Давида Ован, говорит:
«Давид, сегодня страсть хочу дичины поесть!
Пойди, мне дикого барана подстрели, а я поем».
Его обманул, в горы послал,
Чтоб он про дань ничего не знал.

Давид ушел на лов.

И пошел Верго и по городу
Женщин стал собирать:
Он низких сорок жен загоняет в дом,
Он рослых сорок жен загоняет в дом,
Невинных сорок дев загоняет в дом,
Забрал и у старухи дочь и запер в дом.
Забрал волов, забрал коров,

Забрал подтелок и бычков —
Их запирает он в хлева.
Судин, Чархадин, Бадин, Козбадин
Идут в хранилище казны.
Козбадин и слуги все уселись рядом на курси,
Верго же встал, мерить золото стал,
Наполнять для мелика за чувалом чувал.
А в то время Мсра-мелика рать
Вторглась в город Сасун,
Пустилась бить, громить,
Добро и женщин уводить.

Давид в ущельях и горах в то время дичь гонял.
Спустился с гор,
Побрел Давид, на копье барана дикого нес,
Пришел.
Вот поднял он ржавый полольник с земли,
Вошел к старухе в огород, где репа росла,
Откопал, очистил ее
И, репу жуя, пошел в Сасун.

Прошел по городу — что же видит там?
Каждый день возвращался, бывало, — у всех
Беседы, шум, веселье, смех.
А на сей раз пришел —
Как будто весь пеплом посыпан Сасун.
В городе — вопли, стон и вой,
Отбились дети от матерей.
Старуха, руки скрестив на груди,
Рыдает и воплит,
Мечется и кричит:
«Стань грудой камней, Сасун!
Одна была дочь у меня
И пленицей в Мсыр ушла!»
Достиг Давида вопль ее,
Он подошел, сказал: «Старуха!
Что приключилось, скажи?»
— «Лютой ты смертью умри, Давид,
Сасунский буйн, репоед!
Осиротей твое седло!»
Давид сказал: «За что меня клянешь,
Что сделал я тебе?»
Старуха ему: «А кто у нас правит?»
— «А правит Верго, мой старший дядя,
Нанэ, за что ж меня клянешь?»

Старуха в ответ: «Да как же не клясть?
В лишеньях каких, в мученьях каких
Растили мы детей своих,
Верго же наших дочерей
Забрал, в сарай он запер их,
Чтоб к мелику увезть.
У дяди твоего — поди, погляди —
Дань принимает Козбадин, —
А разве мы данники ему?»
Давид сказал: «Эй, бабушка, бабушка,
Козбадин — кто он? И что за дань?»
В ответ старуха: «Козбадин — кто он?
Да его мелик прислал,
Чтоб низких сорок жен забрать,
Чтоб рослых сорок жен забрать,
Невинных сорок дев забрать,
Коров забрать, волов забрать,
Да сорок выюков серебра
И сорок выюков золота забрать.
Уже забрали жен и дев,
Загнали их в просторный хлев,
Отмерять уже стали казну».

Пришел Давид в великий гнев,
Старухе руку сжал, сказал:
«А где же это всё, нанэ, идем, покажи мне!»
Давида старая взяла, к хлевам свела,
К хлевам с толпою низких жен, и рослых жен,
И девушек невинных.
Давид старухиной руки не отпускал —
Пошел.
У всех трех хлевов двери вышиб он,
Раскрыл хлева, на волю вывел дев и жен,
Сказал им: «Матери, сестры мои,
Ступайте домой.
Молитесь вы дома себе, —
А я пойду за вас отплачую».
Пошел Давид, он двери открыл коровам, быкам,
Сказал им: «Божьи твари, идите и вы по домам! —
И вновь старухину руку тянет Давид, говорит:
— Эй, нанэ, покажи, где хранится казна,
Откуда золото они волокут?»
Приводит старая его, поодаль стала.
«Давид, — говорит, — пусти мою руку,
Не пустишь — не скажу тебе!»

Ее руку Давид отпустил.
Старуха ему: «Вот там, смотри, смотри!»
И указала дверь казны.

Пошел Давид, и видит он:
Там сорок пахлеванов, Козбадиновых слуг,
В два строя перед казной сидят,
Обнаженные сабли держат в руках.
Приветствовал их Давид и спросил:
«Чем там заняты дяди мои?»
Они ему: «Вопрос к чему?»
А он: «Пойду, им подсоблю».
А стражники ему:
«Что могут они и что можешь ты?»
При таких словах осерчал Давид.
Барана с копья на землю стряхнул в сердцах,
Всех сорок слуг схватил, им шеи всем скрутил,
Как скручивают шеи птицам.
Вновь поднял барана, взвалил на плечо,
Вовнутрь вошел — и диву дался:
Золота — целая груда лежит.
И видит Давид: держит Ован чувал,
Верго же мерку в руки взял,
Он мерит золото, счет ведет,
Зачерпнет — и в чувал, зачерпнет — и в чувал.
Наполняют для Мсыра за выюком выюк.
Запарился дядя, в поту плывет.
Грабители в ряд на курси сидят,
Здесь Бадин, а там Козбадин,
Здесь Судин, а там Чархадин.
Взглянул Давид на Козбадина:
Губы — в пядь у него,
Острым-остро усы торчат у него,
Увидишь — в ужас придешь.
Тот Козбадин расселся там.
Отсыплет дядя мерку, скажет: «Два-а!»,
А Козбадин говорит: «Оди-ин!»

Как увидал, от гнева кровь
Давиду хлынула в глаза.
Что он вошел, Ован видал,
Бедняга лишь Верго не знал.
Вдруг услыхали, Давид на Труса-Верго кричит.
Сробел Верго, штаны замарал.
Взглянул Верго, а Давид

Над головой его стоит.
Сказал: «Давид, помереть бы тебе,
Отец твой, помню, закричал —
Меня насмерть перепугал,
И ты вон, как отец, кричишь!»

Обернулся к Овану Давид, сказал:
«Чем заняты вы, дяди?»
А тот: «Безумный Давид,
Очищаем грязь с твоего плеча!»
— «Ай, дядя, где же грязь на моем плече,
Иль не видишь — нет ничего!»
Ован сказал: «А это что у тебя?»
Давид с плеча тут сбросил баранью тушу,
Потом подошел к дяде,
Тихонько за руку взял, сказал:
«Дядя Верго, дядя Ован,
Состарились вы!
Не смерить сасунского золота вам —
Стану-ка я считать, мсырский вьюк наполнять.
Если мелик требует дань, я теперь буду давать».»
Сказали пахлеваны Горлану Овану:
«Послушай, ты, мальчишку брось, делом займись!»
Давид сказал: «Нет, свидетель бог,
Мерить, так мне!»
— «Давид, — сказал Ован-Горлан, —
Ступай, займись, лао,
Здесь дело не твое!»
— «Нет, — сказал Давид, — я не уйду, дай!»

Руку Давид протянул, мерку схватил,
Мерку наполнил по край, сказал:
«Ты, дядя, сыпь, сыпь золото, сыпь!»
Лишь дядя лопатой насыпал всю мерку по край,
Давид дубиной по мерке — хвать,
Всю высypал, пустую в руки взял,
Опрокинул в мсырский чувал,
Сказал: «Вот вам один да два!..»
Не мог Козбадин стерпеть, вскричал, сказал:
«Эй ты, дурачок, тебе тут игра?
Садись на место, не то встану, башку снесу! —
Вскричал, сказал: — Ован,
Игрушка мы, что ли,
Ты мальчишку привел издеваться над нами?
Дань за семь лет даешь — давай,

А не дашь — ухожу и Мсра-мелику скажу,
Придет, Сасун разрушит, разнесет».

Тут и Давида гнев объял, он встал,
Наклонил он голову вниз,
На Козбадина посмотрел, воззвал:
«Хлеб и вино, сущий господь!
Всевышняя дева Марут!»
Сказал, мерку швырнул Козбадину в лоб.
Тот нагнулся, над ним пролетела она.
Не принағнись Козбадин в тот миг,
Срезал бы шею — пасть голове!
Тут Козбадин скорей бежать,
Давид вслед, его настиг.
Он вырезал губы ему,
И выбил зубы ему, и в лоб их всадил ему.
Он на коня его втащил,
Под брюхом ноги связал, сказал:
«Теперь с поклоном к царю спеши, скажи:
Так сделал Мгеров сын Давид, чтобы в полон
Он не являлся уводить сасунских дев и жен.
Сасуна дом еще не погас,
Чтоб вторгались вы дань требовать с нас!
Край мсырский — для него,
Сасунский край — для нас!
А то пусть делает,
Что в силах сделать он».

И встали, не ев, не пив, Бадин, Козбадин,
Судин, Чархадин, — побросали рать,
Чтобы весть Мсра-мелику дать.
А войска Козбадина, пограбив Сасун,
Уже вывели за город женщин и скот.
Давид меж тем вскочил на коня,
Подскакал к войскам Козбадина,
Стал впереди, сказал:
«Куда людей гоните вы,
Куда добро тащите вы?
Оставьте всё, пока не поздно, бегите прочь!
Мне жаль вас,
Не заставьте с вас головы снять!»
Они: «Тысяча нас, а ты — один,
Как же ты с нами сладишь?»
Схватил Давид пику и кинулся в бой,
Переколол всё войско врагов.

Давид вернул в город Сасун
Всех плеников, и жен, и дев,
Награбленный в Сасуне скот
Вернул, вошел он в город Сасун.
Народ созвал и так сказал:
«Пусть каждый придет, свое заберет.
Кто отдал добро, кто отдал скот,
Пусть придет, добро заберет!
Кто отдал золото, деньги — тот
Пусть придет и всё заберет.
Кто же лихвы одно хоть зерно заберет,
Голову тому сниму!
Что каждый отдал, пусть заберет!»

Золото, деньги, добро
Так раздал он, вернул народу всё
И в дом воротился, сел.

А Судиц, Чархадин, Бадин, Козбадин, —
В них желчь разлилась; добежали до Мсыра.
Вот Мсырский родник, там жены толпой
Сошлись наполнять кувшины водой.
Вдруг видят: вдали идет Козбадин,
Смеется вовсю, оскалился рот.
Кричат: «Козбадин к нам с данью идет!»
Но лишь Козбадин приблизился к ним,
Глядят: отрезаны губы его,
А зубы его засажены в лоб.
Сказали они: «Гляди-ка, гляди:
Наш Козбадин, растерзан весь, идет, бредет,
А изо рта словно пена льет!»

Когда же Козбадин вплотную к ним подошел,
Запели жены, голосят:
«Эй, Козбадин, горазд сулить!
Ходил в Сасун добра добыть,
Взять сорок рослых жен — верблюдов грузить,
Взять сорок низких жен — жернова крутить,
Да сорок невинных дев полонить,
Да сорок с золотом тюков,
Да сорок с серебром взвалить,
Коров нам сорок подарить —
Чортан готовить, масло бить.
Коров ты красных не тай!
Где жены, девушки твои?

Идешь, бредешь, разодран, и где вся прыть?
А зубы-то на лбу торчат, над рядом ряд.
Болтун! Весь грязью залеплен, залит!
Как шел, был лютый волк на вид, —
Вернулся псом, затравлен, побит,
Ог пики ремень, как ошейник, висит,
Окном широким рот раскрыт,
А изо рта словно пена бежит,
Мух караван на губах сидит».

Повернул Козбадин коня, охватил его стыд,
Другой дорогой погнал.
Но видят те,
Что мужей их нет, которые с ним в поход пошли, —
А много жен их заждались, — и ну кричать:
«Эй, Козбадин, где оставил ты наших мужей?»
Он обратился к ним.
«Эй вы, болтуны, — говорит, —
Я думал — Сасун гладким полем лежит,
Не думал, что он из утесов сбит.
Там грудной младенец дэвом глядит,
Там и трава людей язвит,
Там меч, как молния, разит,
В тебя там стрела, как бревно, летит,
Едва она тело пронзит —
Как окно просквозит.
У кого был муж — так знай, он убит!
Начнут весною ливни лить,
С Сасунских гор потоки струить,
К вам мужей носы принесут опять».

Один-два дня прошло,
Мсра-мелик свой вопросил меджлис:
«Ну, как же Козбадин, что пошел в Сасун,
Еще ли не принес сасунской дани?»
Мелику те в ответ, что так-то и так, —
Что Козбадин возвратился в Мсыр.
Мелик сказал: «Пусть явится ко мне».
Козбадин со стыда не пошел.
А тут к мелику сошлись родные тех,
Кто с Козбадином ходил и был убит.
Пеняли царю, Козбадина просили схватить,
Чтобы мелик его судом судил.
Послал за Козбадином мелик своих людей,
«Тащите силой», — им сказал.

Они пошли, сказали так:
«Ну, Козбадин, тебе мелик велел прийти,
Коль не пойдешь, тебя мы силой заберем».

Как привели Козбадина к царю,
Тот увидал, что у него зубы во лбу,
Разгневался, сказал: «Эй, что с тобой,
Не ты ль здесь корчил удальца,
Пойду, мол, разорю Сасун?
Ну что же, ставь передо мной
Сорок рослых жен,
Сорок низких жен
Да сорок невинных девиц.
Ну как же ты в Сасун ходил
И стольких храбрецов водил —
Куда ж девал ты их?»
И сказал Козбадин: «Будь жив, государь!
В Сасуне, там, родился человек,
Ничто для него твой приказ,
Он дани не дал, он рать перебил,
И вот — искалечил вдобавок нас,
Сказал: «Козбадин, ступай,
Мелику поклон передай,
Пусть сам придет, дань заберет.
Не уплачу, не данник я,
Мсыр — для него, Сасун — для нас,
А коль не так — пусть, что хочет, творит!»
Удальцом стал этот Давид,
Других таких удалых нет».

Лишь услыхал мелик, рассвирепел,
Рассвирепел, кровь прилила к очам,
Он встал, пошел домой,
Сказал: «Ах, марэ! ах, марэ!
Не дала ты мне Давида убить,
А видишь, марэ,
Какое насилие теперь надо мной он творит!
Тебя напрасно слушал я».

«Нет, — мать в ответ, — ты не слушал меня,
То воля не моя была,
То Козбадина воля была!»
Мелик сказал: «А в чем тебя не слушал я?»
Сказала мать: «Была бы воля моя,—
Поскольку Давид твой младший брат,

Два раза в год ты бы его навещал,
В Мсыр приглашал, у себя во дворце принимал,
Он был бы рад, сказал бы: есть у меня брат.
Никто б ничего про тебя не сказал».

Мелик сказал: «Марэ, я араб, Давид — армянин,
Какой же он мне брат?»

— «Мелик, — сказала Исмил-ханум, —
Как не понять того?

Ведь часто армянин арабу брат,
В гости ходят друг к другу и рады помочь,
А Давид воспитан у нас в дому,
Исполнять бы стал Давид слова твои,
Когда бы ты был добр к нему.

Ты не пошел к Давиду сам
И не позвал Давида в дом, —
Чего ж ты от Давида требовать мог?
Зачем посыпал взять дань за семь лет?
Давид тебе воздал!»

«Марэ, — сказал мелик, —
То натворил со мной Давид,
Что со стыда я не могу пройти по городу моему!»

— «Мелик, — ответила ханум, —
С Давидом рассчитались вы,
Ты получил довольно мзды,
Пошлю письмо к Давиду я,
Давида примирю с тобой, —
Меж собой рассчитались вы».

Эх! Это был мелик, не умешь!

«Марэ, — он сказал, —
Раз я тебя послушал — был мне вред!

Или я Давида убью,
Иль меня Давид убьет!»

— «Мелик, — сказала Исмил-ханум, — послушайся,
Тебе Давида не убить!»

Рассердился мелик,
Он за руку везира взял,
«Встань; пойдем», — сказал.
Во град идти мелик решил,
Созвать мудрейших поспешил,
Повел их в поле, шатер разбил.
Сперва у мудрых совета спросил.

Много было таких, кто не хотел резни.
Было много таких, кто говорил: «Мелик,
Какой ущерб тебе нанес Давид?
Давид спокойно дома сидел,
Ты первый учинил погром,
И рвешься в бой — опять же ты!»
Тут с ними совет мелик перестал держать,
Он встал, пошел других вопрошать,
Сказал: «Что думаете вы,
На Давидавойной мы должны идти?»
Сказали: «Мелик,
Давиду сейчас четырнадцать лет,
В нем воевать уменья нет.
В поход коль нынче не пойдешь,
Давида нынче не убьешь, —
Тридцатилетним станет он,
Так сам тебя сразит и город твой пленит.
Нет, лучше бы ты рать собрал тотчас
И на Давида шел войной.
Коли послушаешься нас —
Всё будет хорошо.
Не пойдешь сейчас на Давида —
Не осилишь никогда!»

Обратился к мудрым мелик тогда,
На них закричал, сказал:
«Разгромлю Сасун, на Сасун иду,
Их воду, землю, народ — в полон возьму!
Их город разрушу, их за Мсыр угоню,
Новый город возведу,
Чтоб имени «Сасун» не слышал мир!»

НАШЕСТИЕ МСРА-МЕЛИКА И ПОБЕДА ДАВИДА

Над тремя частями земли была у мелика власть,
Но не был подвластен ему Сасун — четвертая часть.

Созвал меджлис мелик. Сошлись за князем князь.
Принес корыто царь, поставил пред собой.
Ударил бритвой в лоб себя.
И кровь в корыто полилась.
И кровью той Мсра-мелик
Написал боевой приказ:
«Полночным странам — мой бранный клич!

Восточным странам — мой бранный клич!
Южным землям — мой бранный клич!
Запад, внемли мой бранный клич!
Полкам, и войскам, и войска вождям:
Все, кто носит оружье, ко мне!
Война!

Идите, идите,
Большеголовые пароны,
Идите лавиной
С отвагою львиной
И силой великой!
Эй, широколобые богатыри,
С неверными в бой зову я вас.
Война! Война!

Мне многие множества смелых юнцов
Нужны для войны!
Мне многие множества вдовых сынов
Нужны для войны!
Мне множества чернобородых бойцов
Нужны для войны!
Мне множества рыжих, как львы, удальцов
Нужны для войны!
И множества белых, как снег, стариков
Нужны для войны!

Нужны мне тьмы верховых на белых конях!
Ах! На белых конях!
Нужны мне тьмы верховых на рыжих конях!
Ах! На рыжих конях!
Нужны мне тьмы верховых на черных конях!
Ах! На черных конях!

Мне тысячи тысяч нужны, чтобы громко
в трубы трубить!
Ах! Громко в трубы трубить!
Мне тысячи тысяч нужны — в мои барабаны бить!
Ах! Бить в барабаны! Бить!
Идите ко мне! Без числа я воинов пеших зову!
Ах! Пеших зову!

Летите, игиты! Идите за мной
С неверными в бой!
Война! Война!»

Вот срок прошел не столь велик —
Увидел Мсра-мелик:
К нему войска идут со всех сторон.

И вышел к войску он
И громко песню спел:
«На добрых конях летят храбрецы.
Сто тысяч числом — пришли они!
Черноусые спешат удальцы.
Сто тысяч числом — пришли они!
Рыжеусые несутся бойцы.
Сто тысяч числом — пришли они!
Седоусые подходят отцы.
Сто тысяч числом — пришли они!
Трубят трубачи, трубят молодцы.
Сто тысяч числом — пришли они!
Гремят барабаны, гремят, как гром!
Пришли семь царей из семи сторон,
Помощники мне в свирепой войне,
Пришли мои слуги! Война! Война!»

Затмили даль войска пешком и на конях,
Стал передний отряд на речных берегах.
Коней напоил, реку обмелил.
А средний отряд до самого дна реку осушил.
Последний отряд даже камни на дне облизал,
Остался последний отряд без воды.
Вот войска стали станом на мсырских полях
И спросили мелика: «Кто же наш враг,
На кого наших копий и сабель замах?»
Тот ответил: «Давид в Сасунских горах!
Он мой враг: людей моих он убил!
Должен я пойти, покарать его!»

В ту ночь Исмил-ханум увидела три сна.
Проснулась, поднялась она,
Пришла к мелику, говорит ему:
«Сын, не ходи в Сасун,
Не грози Давидувойной!
Этой ночью приснился мне сон:
Угасала Мсыра звезда,
Засверкала Сасуна звезда.
И второй приснился мне сон:
В поле мсырский конь убегал,
Конь сасунский его настигал.

И третий мне приснился сон:
Сасунская земля была светла, тепла,
А здесь, над Мсыром, тучи шли,
Был мрак, был дождь и мгла:
Раздулся бурный поток,
Но кровь, не вода в нем текла,
И трупы несла без числа...
Я молю, согласись со мной,
Не ходи на Давидавойной!»
Мелик сказал: «Ты, мать, молчи!
Спиши для себя, сны видишь для меня?
Я должен истребить Сасун!»
— «Коль ты пойдешь, — сказала мать, —
То и я пойду, не пущу тебя одного!»
Сын молвил: «Ты — женщина, ты не ходи».
Мать ответила: «Нет, я иду с тобой!»

Отобрала Исмил-ханум сорок женщин и сорок
дев,
И две пары, чтоб на шаваре играть,
И две пары, чтоб на зурне играть.
Чтоб играли они, плясали они,
Утешали ее в пути.

И вот мелик войска в Сасун повел,
Сам впереди пошел.
В предел Сасуна ввел войска.
Там, где шумит Перва-река,
Он станом в поле стал.

И не было шатрам числа,
Так стан мелика был велик.
Хвост войска влачился еще вдалеке,
Голова же собрала все камни в реке.

Тогда мелик письмо Давиду написал:
«Иду на васвойной! Иди, воюй со мной!
Иль опрокину я свои войска на город твой,
Истреблю всех мужчин,
И город ваш сожгу, и крепость повалю,
До кровель кровью затоплю,
Детей и жен в полон возьму».

Принесли письмо Овану-Горлану,
Прочел Ован, сказал:
«Неужто он на нас идетвойной?

Куда ж он столько войск привел?
Что делать нам?
Нет войск у нас! Как воевать?»

Горько плачет Ован-Горлан,
Слезы катятся по бороде:
Говорит: «Если бог не поможет нам,
Все погибнем, все пропадем!»

Прочли в Сасуне письмо, и ужас на всех напал.
А Давида не было дома в тот день,
Не видал он письма, ничего не знал.

Взял Ован-Горлан мелика письмо
И брату Верго показал.
Узнав, что войско мелик привел
И стал над Лервой-рекой,
Сказал Овану Верго:
«Мы слабы, Ован! Где нам воевать?
Давид сумасброд;
Чтобы в драку он сам не полез,
Давай обманем его,
Пир веселый затеем с ним —
Дольяна его напоим,
Жен, стариков и малых детей
Соберем, к мелику пойдем,
Всё наше добро ему отдадим,
Склоним головы под его мечом —
Может быть, над нами сжалится он...» —
Так молвил Трус-Верго.

Ован-Горлан устроил пир.
Из погреба притащили с трудом
Огромный чан со старым вином,
Поставили перед Давидом его.

Пришел на пир Кери Торос,
Сказал: «У Давида горячая кровь...
Боюсь — в неравном бою
Погубит он силу свою.
Напоите его, пусть дома сидит...»

Подзадоривать начал Давида он,
Молвил: «Послушай, лао,
Коль выпьешь ты весь котел вина,

Тогда ты и вправду Мгеров сын,
А коль не выпьешь — не сын ты ему».
Давид сказал: «Ну что ж, Кери,
Наполни котел до краев!»
Кери котел наполнил до краев.
Давид к губам котел поднес,
Пил, пил, до дна осушил,
Котел из рук уронил,
А сам он так опьянял,
Что на пол упал, уснул, захрапел.
А Торос начал в бубны бить,
Храбрецов Сасуна скликать:
«Эй, ко мне — скорей!
Котот-Мотот,
Ануш-Котот,
Вышник-Мыхо,
Чынчха-Порик,
И Хор-Манук,
И Хор-Гусан,
И Чор-Виран,
Встаньте живей!
Этот день лучше всех дней!
Мы поглядим:
Малое — малым, большое — большим, —
Или мелик одолеет нас,
Или мы одолеем его,
Если поможет бог!»

Так Кери Торос
Бросил клич боевой,
Собрал всех
Тридцать восемь своих сыновей.
Оседлали коней, поскакали они,
Поднялись на вершину Лервы,
Поставили там тридцать девять шатров,
Стали рассвета ждать,
Чтобы утром напасть
На меликову рать.

Душа у жены Тороса болит.
Она говорит: «Тороса убьют,
Сынов и племянников наших убьют,
Под корень подрубят враги
Наше племя и весь наш род истребят!»

В изголовье Давидовом села она,
Обожгли ее слезы Давиду лицо.
Давид проснулся, сел, спросил:
«Нанэ! Бог тебя храни!
Как ты можешь плакать, пока я жив?»
А она: «Ах! Лao, сатана тебя задави!
Ты мелика людей побил,
И мелик сюда войска свои привел,
Теперь с ним на бой Кери пошел.
Мелик Тороса убьет,
Придет и нас всех убьет,
Под корень нас всех подсечет,
В плен возьмет, во Мсыр уведет!»
Тут Давид рассердился так,
Что пропали и сон, и хмель.
Он встал, свой лук и стрелы взял.
Сказал: «Не бойся, нанэ!
Мелик сейчас ответ получит от меня!» —
И вышел прочь.

Пришел Давид к Овану, сказал:
«Дядя, дай мне коня и меч, чтоб идти на бой!»
Ован говорит: «Иди, выведи
Из конюшни любого коня,
А мечи в отане висят —
Выбирай любой...»
На Давида с усмешкой Верго поглядел
И сказал: «Давид! Как мелика убьешь —
Уши отрежь у него
И мне привези!»
Обидчику не ответил Давид,
Схватил тупой, заржавленный меч
И выбежал прочь...

Тут старуха предстала перед ним
И кричит: «Эй, Давид, сынок, ты куда?»
Говорит ей Давид: «На мелика иду — воевать».
Старуха смеяться над ним начала:
«Ты будешь хорош,
Коль с этим старьем на битву пойдешь!
Ты всё ж на отца никак не похож».
Рассердился Давид, спросил у нее:
«Так с чем же мне выйти на бой?
Ну, дай мне вертел иль кочергу,
Я ведь и с кочергой пойду!»

А та говорит: «Ах ты, свет моих глаз, сыночек Давид,
Сказала бы я два слова тебе!»
— «Что ты, старая, скажешь — скорей говори».

И молвила старуха ему:
«Иль не было у твоего отца Молнии-Меча?
Иль не было у твоего отца Джалали-коня?
Иль не было у коня на копытах подков стальных?
Иль не было у коня перламутрового седла?
Иль не висела на седле пара стремян золотых?
Иль не было у коня шелковой узды?
Иль не было у твоего отца аксамитовой капы?
Иль не было у твоего отца боевого шишака?
Иль не было у твоего отца золотого пояска?
Иль не было у твоего отца шаровар парчовых?
Иль не было у твоего отца двух сапожек цветных?
Иль не было у твоего отца на деснице
Креста побед боевых?»

«Где ж всё это лежит?» — спросил Давид.
Старуха ответила: «Дядя твой
Всё спрятал и проклял того,
Кто укажет тебе, где отцово добро.
Коль скажу я — проклятье падет на меня.
Но если теперь так трудно тебе
И пришел мелик, чтоб сразиться с тобой, —
Ты доспехи отца у Ована спроси.
Но если добро отца не даст Ован добром,
Бери за шиворот его, тряси,
Пока неволей не отдаст».

Тотчас к Овану вернулся Давид,
За шиворот схватил его, потряс,
Приподнял с земли, встряхнул еще раз
И молвил ему:
«Отдай мне Молнию-Меч отца!
Отдай мне отцовского жеребца —
Сталью подкованного Джалали!
Отдай перламутровое седло!
Отдай мне пару стремян золотых!
Отдай мне шелковую узду!
На коня Джалали я надену ее!
Отдай мне шлем моего отца!
Отдай золотой поясок отца!
Отдай мне капу моего отца!

Отдай парчовые шаровары отца!
Отдай сапожки цветные отца!
Отдай Ратный крест с десницы отца!
Но знай, если всё не отдашь добром —
Я кверху дном весь дом подыму,
Найду и возьму!»
Вздохнул Ован, сказал:
«Отсохни язык у того,
Кто тебе эту тайну открыл!
В тот год, как умер брат мой Мгер,
Я одежды его под порогом зарыл.
Что ж, пойдем. Я отдаам!»
Отдал платье Ован.
Домой принесли, оделся Давид.
Одежда была ему велика.
И молвил Ован: «Давид, мой родной,
Доспехи я скрыл глубоко под домом
В большом погребу.
Ты сорок крутых ступенек пройдешь
И там под землей
Доспехи отца в укрытие найдешь.
Коль подымешь их — ты для боя гож,
Не подымешь — не суйся в бой!»

Но то был Давид! Он в погреб сошел.
Глядит он: висят доспехи отца,
Схватил их в охапку, взвалил на плечо.
Нонес и принес к Овану на свет.
Обрадовался и подумал Ован:
«Быть может, Мгера заменит он!
Я Мгеру брат, и то не мог доспехи его подымать,
А мальчик поднял и принес».

Ован-Горлан сказал: «Давид,
С тех пор, как умер твой отец, и по сей день
Коня Джалали я держу взаперти
В конюшне большой,
Камнем дверь заложил,
Корм и воду ему через кровлю даю.
Боюсь, что коня похитит мелик,
Гулять не вожу, в конюшне держжу».

Повел племянника Ован,
Конюшню ему показал и сказал:

«Там стоит конь отца твоего,
Если можешь — иди и коня выводи!»

Давид от двери камень отвалил,
Дверь распахнул, без страха в стойло шагнул.
Как увидал Давида Джалали —
Доспехи Мгеря он узнал
И радостно заржал.
Вот подошел Давид, за гриву взял коня,
Протер глаза коню, погладил, обласкал.
Обнюхал конь его, заплакал конь.

Взял вывел скакуна Давид на свет,
Увидел Джалали, что перед ним не Мгер,
Копытом оземь грязнул конь,
И брызнул из земли огонь.
Заговорил Джалали
Человеческим языком:
«Ты прах, и в прах я тебя обращаю!
Что ты будешь делать со мной?»
А Давид сказал: «Сяду я на тебя!»
Джалали говорит: «Я тебя в высоту подниму,
Об солнце ударю, сожгу!»
А Давид говорит: «Я перевернусь
И спрячусь тебе под живот!»
Конь сказал: «Я на горы тогда упаду,
Разобью, искромсаю о скалы тебя!»
Давид говорит: «А я повернусь
И на спину сяду тебе!»
Конь сказал: «Если так,
Ты — хозяин, а я — твой конь!»
И ответил Давид коню:
«Не имел ты хозяина — я стану им!
Не кормили тебя, не поили — я стану кормить и поить!
Не скребли тебя и не мыли —
Я стану скрести и мыть!»

И молвил Давид Овану: «Отдай
Перламутровое седло!»

Тот седло принес и сказал про себя:
«Каждый раз, как Мгер Джалали седлал,
Как подпруги затягивал он, —
Каждый раз на дыбы коня подымал.
Коль подымет Давид коня на дыбы,

Он может идти на бой,
Не подымет коня — не может идти!»
Стал Давид седлать Джалали,
За подпругу Давид потянул
И все ноги коня от земли оторвал.
И Давид Овану сказал:
«Дай мне Ратный крест отца моего!»
Дядя молвил: «Дать не могу.
Ты достоин его — он пристанет к деснице твоей.
Не достоин его — не пристанет к деснице твоей!»
По велению божьему тут
Ратный крест к деснице Давида пристал.

Сел Давид на коня Джалали,
Велел играть на сазе отца.
Затрубил в его Пыглер-трубу.
Раза два проехал мимо крыльца.
Все — стар и млад — поглядеть пришли.

Внимательно на него Ован-Горлан поглядел,
Заныло сердце его, и горестно он запел:
«Жаль тысячу раз! Расставаться жаль!
Расставаться жаль с Джалали-конем.
Ай-вах, с Джалали-конем!
Расставаться жаль с дорогим седлом.
Ай-вах, с дорогим седлом!
Сбрую жаль терять в наборе стальном.
Ай-вах, в наборе стальном!
Жалко отдавать боевой шелом.
Ай-вах, боевой шелом!
Жаль терять капу, что лучше других.
Ай-вах, что лучше других!
Жаль мне пояска из блях золотых.
Ай-вах, из блях золотых!
И еще мне жаль сапожек цветных.
Ай-вах, сапожек цветных!
Жаль мне, жаль Креста побед боевых.
Ах, Креста побед боевых!»

От обиды света невзвидел Давид,
Он схватился в гневе за меч,
Дядю он хотел ударить мечом.
Но Ован-Горлан запел:
«Мне Давида жаль, мне родного жаль!
Ах, хала — мне родного жаль!

Мне оленя жаль, молодого жаль,
Что уходит из дому вдаль!»

Как пропел Ован «мне Давида жаль» —
Давид сказал: «Дядя мой!
Это слово спасло твою жизнь,
И не пропой ты его —
Я бы голову снес тебе!
Я за слово жизнь тебе подарил.
Что ж сначала ты пожалел седло и коня,
А потом меня?
Ты меня должен был пожалеть сперва!
Молнию-Меч тебе жаль иль меня?
Пояс из блях тебе жаль иль меня?»
Дядя молвил: «Давид, ненаглядный ты мой!
То я слезы лил по тебе!»
Слез с коня Джалали Давид.
Овану руку он поцеловал, сказал:
«Пусть я буду достоин твоих забот!»

Едва Ован те слова услыхал —
На Мгеровом сазе велел он играть,
Во Мгеров бубен велел грохотать,
Во Мгеровы трубы трубить приказал.

Подошли молодицы. И славу пропели Давиду:
«Не разлуки с тобой мы хотим,
О брат наш, Давид!
Возвращенья тебе мы хотим,
О брат наш, Давид!
Не успели тебе мы почет оказать,
Сапоги тебе по утрам подавать,
Воду на руки тебе поливать,
Как подобает невесткам твоим,
О брат наш, Давид!
Будем на руки воду лить
Тебе мы теперь,
Сапожки на тебя надевать,
О брат наш, Давид!»
Сел Давид на коня
И к богу воззвал.
Готов горожанам отдал поклон,
Поселянам отдал поклон,
Мужчинам и женщинам отдал поклон и сказал:
«Братья и сестры! Не бойтесь врагов.

Иду я за вас с меликом на бой.
Сестры! Вам — добро оставаться,
Все вы сестрами были мне.
Матерям — добро оставаться,
Матерями вы были мне.
Добрый соседям — добро оставаться!
Старым и малым — добро оставаться!
Часто, соседи, был я вам в тягость,
Не поминайте лихом меня!
Хозяйки добрые, хлеб затевая,
Вспоминайте имя мое!
Сверстники, юноши, пир начиная,
Вспоминайте имя мое!
Матери! Сестры! Братья мои!
Прощайте, — иду сражаться за вас!»

Услыхав Давида слова,
Бабка его Дехцун
Встрепенулась, голову подняла;
Исполнился давний обет ее:
Со дня, как умер Мгер, ее сын,
Она заперлась за семью дверьми,
Одна служанка у ней была,
Приносившая пищу ей.
Когда велел Ован играть на Мгеровом сазе большом, —
Бабке служанка обед несла.
Спросила Дехцун:
«Струны Мгерова саза, я слышу, звенят!
Что же случилось там?»
Служанка сказала: «Ханум, иль не знаешь ты?
Встал Давид, одежду Мгера надел,
Доспехи Мгера надел,
Сел на коня Джалали.
На битву Давид идет,
На мелика Давид идет!»

И Дехцун тогда с места поднялась:
«Давнее желание мое,
Ты исполниллось, — иду на свет!»
Пошла, взглянула из окна
И видит — юноша Давид
На Джалали сидит.
Воскликнула: «Джалали, мой родной!»
Удивился Давид — глядит.
А Дехцун говорит: «Джалали!

Без отца мой Давид, — будь отцом ему!
Без родимой Давид, — будь родимой ему!
Без брата Давид, — будь братом ему!
Ты Давида умчи, Джалали,
К Молочному Мгера ключу:
Пусть напьется Давид из того ключа —
И к столбу испытаний поедет потом.
Пусть там испытает он Молнию-Меч!
Тебе, мой Джалали, вручаю я Давида!»
Конь голову склонил.
«Добро, мамик», — сказал.
Давиду крикнула Дехзун:
«Давид, отец твой указал коню
Все тропы, все пути;
Всё знает Джалали».
— «Добро, мамик», — ответил Давид.
И умчал Давида скакун Джалали.

Давида конь помчал в отцовский Цовасар.
Когда Давид пустился в путь,
Такой густой туман на землю пал,
Что было пути совсем не видать.
Но, как голубь, летел Джалали сквозь туман.
«Это дело божьей руки, — подумал Давид, —
Лучше дам я волю коню Джалали.
Куда захочет — пусть бежит».
То был Джалали! Он летел и летел
И путь семидневный за час одолел.
Поднялся на темя горы,
На вершину горы прискакал и стал.
И вдруг разлетелся туман.
Конь на колени стал у родника.
Давид решил, что Джалали устал,
И так сказал: «Ах-вах, Джалали,
Лучше б шею себе ты сломал!
Я думал, через кровавые реки
Меня ты перенесешь,
А ручеек на пути повстречался,
И ты на колени встаешь!
Что ж ты будешь делать в бою,
Если здесь боишься ручья?
Как же я на мелика с тобой пойду?»
Стременами Давид ударил коня,
Ребро ему сломал,
И в гневе конь сказал:

«На солнце я тебя могу сейчас швырнуть,
Но ради Мгера — пощажу!»

Давид рассердился, схватился за меч,
Хотел зарубить коня.

Вынул наполовину нож из ножен, —
Свежий ветер тогда вдруг обвеял его,
Он опомнился, — голос коня услыхал,
Конь сказал:

«Здесь Молочный источник Мгера!
Слезь и испей воды.

И горсти две воды брось на мои бока!»
Давид сошел и в лоб коня поцеловал.

Смочил ему бока водой из родника
И на траву коня пастись пустил.

Сам напился из родника,
Умылся, лег, уснул.

Стал против солнца Джалали
И над Давидом простер свою тень.

Проснулся. И чует Давид,
Что он стал могуч. Одежда отца
Сделалась тесной ему.

Конь заржал, словно гром загремел, подбежал.
Давид взнуздал его — сел на него,
Засмеялся и поскакал.

Глядит Давид — железный столб
Среди пути стоит.

И конь сказал: «Давид,
Вот этот столб, что видишь ты, —
Столб испытаний Мгера.

С размаху разрубишь — пойдем воевать,
А не разрубишь его — не пойдем».

Меч выхватил Давид, ударил по столбу,
Меч-Молния тот столб рассек.

Так быстро рассек его Молния-Меч,
Что столба отсеченный кусок не упал,
Остался кусок на столбе.

А Давид и не знал, что он столб разрубил,
Огорчился Давид,
Увяло сердце в нем, и он сказал:

«Ноги! Были б слабыми вы,
Никогда б сюда не дошли,
Чтоб мне по столбу не бить, —

Не увяло б сердце мое!
Руки! Были б слабыми вы,
И не смели б взяться за меч,
Чтобы Мгеров столб разрубить, —
Не увяло б сердце мое!
Очи! Были б темными вы,
Вы не видели б этот стыд,
Что я столб не мог повалить, —
Что с меликом не биться мне!»

Вдруг ветер налетел, завыл,
Ударил он в железный столб
И столб свалил.
Давид глядит и видит гладкий срез,
Где столб он разрубил.
Заликовал, сказал:

«Вечно б зеленеть ногам,
Быть бы им еще резвой
За то, что я столб железный рассек!
Вечно б зеленеть рукам,
Быть бы им еще сильней,
Чтоб живым от них не ушел мелик!
Это видевшим глазам —
Не погаснуть ввек!»

Сказал, погнал коня.
У тех камней, холмов, и гор, и родников
Благословенья попросил
И так им с пеньем говорил:

«Как бог, творящий добро,
В щедротах неиссякаемы вы!
Эй! Студеные родники Цовасара,
Отрадными оставайтесь вы!
Буду жаждать в бою, принимая удары, —
В тоске обо мне оставайтесь вы.
Прохладные ветра Цовасара.
Отрадными оставайтесь вы!
Буду полон я томленья и жара, —
Прохладными оставайтесь вы!»

Давид погнал коня на войско Мсра-мелика.
Он видел — есть небесным звездам счет,
А тем шатрам арабским счета нет.

Стал на горе Давид,
Глядит — несметнее морских песков кишат войска.
Он головою покачал, сказал:
«Боже мой, как же мне с громадой такой воевать?
Будь они даже стадом весенних ягнят,
А я был бы голодным львом —
Я не смог бы всех задрать, растерзать!
Когда б я пожаром стал,
А стогами стали шатры —
Я б не смог их испепелить, пожрать!
Если б пеплом стали они,
А я ураганом стал —
Я не смог бы их поднять, разметать!»

Джалали угадал его думы, сказал:
«Эй ты, маловер! Отчего твой страх?
Сколько твой меч сразит,
Стольких я своим огненным дыхом спалю!
Сколько твой меч сразит,
Стольких грудью я повалю!
Сколько твой меч сразит,
Стольких копытом я раздавлю!
Не унывай, гони меня!
Лиши не разлучайся со мной».

От этих слов окреп душой Давид.
Он поскакал. Коню сказал:
«Стой! Я предупрежу сперва,
А после — нападу».
И Давид со скалы закричал: «Эгей!
Эй, кто спит — поскорей вставай!
Кто проснулся — коня взнуздай!
Кто взнуздал — доспех надевай!
Кто с мечом — на коня влезай!
Не говорите потом, что Давид,
Как вор, пришел и ушел тайком!»

Умолк Давид. Ворвался в стан.
Рубил, рубил и говорил:
«Скачи, мой конь, скачи!
Рази, мой меч, рази!»
Мечом рубил, конем давил,
Поток кровавый трупы уносил.

Кери Торос взглянул
На войско Мсра-мелика.

И видит он — средь войска
Смятение: со всех сторон
Тревога, вопль и стон.
Друг друга люди топчут, бьют,
Тогда сказал Кери Торос:
«Ну, други, подымайтесь, — с нами бог,
Резня пошла в войсках Мсра-мелика!
Нагрянем снизу мы на них!»

Так сверху, в лоб, арабов бил Давид.
А снизу, в тыл, их бил Кери Торос.

В войсках мелика был араб-старик,
Отец семи сынов.

Его и семерых сынов его
Насильно на войну пригнал мелик.
Идет старик,
Кричит: «Ай-вах! Ай-вах! —
И без оружия, с открытой головой,
Он выступил из гущи войск,
Сказал: — Дорогу мне! К Давиду я иду,
Ему я всё скажу — спасу от смерти вас!»
Пришел, перед Давидом стал,
Сказал: «Давид, сынок!
Удержи коня, послушай меня,
Я слово тебе скажу!»

— «Что ты, дедушка, скажешь?» — спросил

Давид.

И молвил старик: «Давид,
Что же это делаешь ты?
Ведь живые люди перед тобой,
А ты без жалости рубишь их!..
Зачем ты губишь их?
Дети малые дома у них,
Отцы и матери дома у них.
Все они — обездоленный, бедный люд,
Это войско несчастное ты пожалей!
Если ты их убьешь,
Грех великий на душу возьмешь».
— «Зачем же они пришли? —
Спросил Давид старика. —
За какие наши грехи
Против нас ополчились они?»

Старик сказал: «Что ж было делать нам?
Мелик неволей нас привел.

Мы не враги тебе! Твой враг — мелик,
Иди и с ним воюй!»

— «А где ж мелик?» — спросил Давид.

— «А вон смотри — в зеленом том шатре он спит.
Золотое яблоко над тем шатром блестит.

От мелика мух отгоняют семь дев,

Мелику пятки чешут семь дев,

Дым, что клубится над шатром,

Ведь то не дым,

То изо рта мелика пар валит.

Коль ты убьешь его, Давид,

Молиться будут за тебя бойцы,

Они домой уйдут, где ждут их дети и отцы!»

И сжалился Давид,
Убийства прекратил.
Он молвил: «Ну, стариk,
Хорошее слово ты мне сказал, —
Исполню слово твое!»

Поскакал Давид к шатру мелика,
Пред шатром он осадил коня.
Глядит: лежит мелик на тюфяке
Укрывшись одеялом.
Семь дев от него отгоняют мух,
Семь дев чешут пятки ему,
А мать в изголовье сидит — за ним следит.
А двое арабов-слуг у входа стоят.
«А ну, разбудите его, — арабам Давид говорит. —
И пусть он выйдет из шатра».
Ответили они:
«Нельзя его будить. Он должен спать семь дней.
Три дня он спит. Еще проспит четыре дня
И встанет сам».
Давид сказал: «Не буду я ждать,
Покамест выспится он,
Мне наплевать на сон его, —
Пусть выйдет он ко мне!
Коль смерти нет — я буду смерть!
Коль ада нет — я буду ад!
Я усыплю его великим сном!»

Вот вертел раскалили,
К ногам мелика приложили.
«Уф, девушки! — промычал мелик. —

Вы плохо постелили мне,
Блоха меня укусила во сне».
И снова мелик захрапел.
От плуга лемех взяли, раскалили,
К ногам мелика приложили.
Спросонья заворчал мелик:
«Уф, сколько блох в постели у меня!
Кусаются, поспать не дают!»

Тут не стерпел Давид, копьем взмахнул,
Меликову пяту копьем проткнул
И закричал: «Вставай, мелик, довольно спать!»
Мелик сказал: «Уф, уф!
Подремать, успокоиться мне не дают!»
Поднялся, сел,
Продрал глазища — выглянул наружу
И видит: перед его шатром
Давид сидит на Джалали верхом,
Весь кровью обагрен.

Едва узнал Давида Мсра-мелик,
Натужился, подул, чтоб с места сдуть его,
Но не шелохнулся Давид.
А Мсра-мелик ослаб на сорок буйволовых сил.
Давид сказал: «Я пришел сразиться с тобой».
Захохотал мелик:
«Ах, черт тебя возьми, Давид-заика!
Ты всадником давно ли стал?
Но раз уж ты стоишь перед моим шатром —
Сойди с седла, войди сюда,
Поговорим, отдохнем,
А бой затеем потом!»

Давид ответил: «Не сойду с коня.
Людей невинных ты сюда пригнал,
На гибель их привел,
А мы с тобою будем отдыхать?
Нет, выходи на бой!»
Тогда пришла мелика мать,
Сказала: «Ты, Давид, в пути устал!
Сойди с коня, сядь, отдохни, —
Поборется потом!»
Упрашивала долго она,
Решил Давид покинуть седло.
Отпрянул в сторону конь,

Удержать Давида хотел,
Он недаром чуял беду:
Рядом с ложем своим, в шатре,
Яму вырыть велел мелик,
Эту яму сеткой железной накрыл,
Сетку сверху ковром застелил,
Чтобы, кто ни сел на ковер,
В яму темную угодил.

Сошел Давид с коня Джалали,
Встал конь на дыбы, ускакал,
Убежал на вершину горы...
Давида посадили на ковры.
Дырымб!.. Он в яму полетел!
Железная с кольцами сеть
Натянута в яме была.

И в кольца те попал Давид
И вырвать рук и ног из них не мог.
Мелик накрыл его решеткою стальной
И мельничные жернова
На ту решетку навалил, сказал:
«Ай, страшно! Давид Сасунский пришел,
Захотел мелика побить!
С меликом в бой вступить он захотел, ай-ай!
Так пусть он там сидит, покуда не сгниет!»

Настала ночь, мелик улегся спать.
Остался в западне Давид.
Пускай в той яме Давид сидит, —
А теперь о ком рассказ поведем?
Об Оване-Горлане рассказ поведем.

В ту ночь Ован-Горлан увидел сон:
Сияла мысирская звезда — светла, ясна,
Сасунская звезда была темна.
Ован проснулся и сказал: «Скорей вставай, жена!
Мсырская звезда светла была, —
Сасунская звезда темна!
Я клянусь — мы теряем Давида!»
Сариэ сказала: «Бог обрушишь твой дом!
Ты засыпаешь для себя, сны видишь про других».

Опять заснул Ован-Горлан,
Вновь он увидел сон:

Мсыра звезда ярко-светлой была,
Совсем угасала Сасуна звезда.
Ован проснулся и сказал: «Скорей вставай, жена!
Снилось мне: засверкала Мсыра звезда
И совсем угасала Сасуна звезда».
Сариэ сказала: «Обвались твой дом,
И чего ты не спиши, старик?
Что ты мне спать не даешь?»
И вновь заснул Ован-Горлан,
И снова он увидел сон.
Он видел: примчалась Мсыра звезда
И проглотила Сасуна звезду.
И закричал Ован: «Жена, вставай, Давид убит!»
Сариэ сказала: «Замолчи!
С какою женщиной — как знать —
Сегодня спит Давид?
И откуда мне знать, где он пьет?»
Рассвирепел Ован-Горлан,
Ударил он жену.
Сариэ вскочила, свет зажгла.
Ован сказал: «Подай доспехи мне!»
Жена их принесла, надел доспехи Ован.

Завернулся в семь воловых шкур Ован
И семью цепями обмотал себя,
Чтоб не лопнуть, как начнет кричать,
Пошел, конюшню отворил,
На спину белого коня ручищу положил —
Упал на брюхо белый конь.
Ован спросил: «Эй, белый конь!
Когда до поля боя Давида меня донесешь?»
— «До полдня», — молвил конь.
Ован-Горлан сказал:
«Пусть корм, что я давал тебе,
Не впрок тебе пойдет!
Что там до полдня я найду — Давида или труп?»
Пошел Ован,
На спину красного коня ручищу положил —
Упал на брюхо красный конь.
Ован спросил: «Эй, красный конь!
Когда до поля боя Давида меня донесешь?»
— «До утра», — конь проржал.
Сказал Ован-Горлан:
«Пусть множество моих забот

Не впрок тебе пойдет!
Что там до утра я найду — Давида или труп?»

Пошел Ован,
На спину черного коня ручищу положил —
На брюхо не рухнул черный конь.
В лоб черного коня поцеловал Ован,
Сказал: «Эй, черный конь!
Когда до поля боя Давида меня донесешь?»
Ответил конь:
«Коль удержаться сможешь ты на мне,
В стремя вступив левой ногой,
То раньше, чем правую ногу ты над седлом занесешь,
Я тебя до поля боя домчу!»

Садиться стал Ован на черного коня:
Он в стремя встал одной ногой,
Пока другую ногу нес через седло —
Взметнулся конь, —
Был огненный! И долетел
До темени горы Лерва.

Джалали Ована-Горлана узнал,
Заржал, к нему подбежал.
Испугался Ован, сказал:
«Убит Давид, а конь Джалали
По горам и ущельям один ускакал!»
Встал на стременах Ован, закричал:
«Эгей! Давид, где ты? Эге-й!
Великую вспомни Марут,
Вспомни ты Ратный крест,
Что на деснице твоей!
Вставай, встряхнись!»

Ован кричал, как гром гремел.
Зов услыхал Давид,
Сказал: «Эй-эй,
То дядя мой пришел за мной,
Кричит, зовет меня...
Э-эх!.. О Великая Марут!
О Ратный крест на правой руке!
Прибавьте силы мне!
Молю вас, помогите мне!»

Встряхнулся, рванулся в кольцах Давид —
Вместо ямы открылось поле перед ним.

Цепи и кольца до неба взвились,
Поднялись жернова, в облака унеслись,
Каждый жернов по сорок душ раздавил.

Давид из ямы вышел и сказал:
«Не вздумай больше ты со мной хитрить, мелик!
На рассвете, как мужи, поборемся мы!»
Мелик не смел к Давиду подойти,
Пошел Давид искать коня.
Вновь закричал Ован: «Давид! Сюда! Сюда!»
Давид пошел на зов, к Овану подошел;
Но конь Джалали подойти не хотел,
Был сердит на Давида он.

Взмолился Давид к коню Джалали,
Конь подошел. Сел Давид на него,
Овану сказал:
«Ты, дядя, ступай домой,
А я с меликом биться пойду!»

Прискакал Давид к мелику, сказал:
«Мелик! Ты вчера меня обманул,
Что будешь делать теперь?»

Руку на палице держит Давид.
Как увидел Давида мелик,
Задрожал от страха, сказал:
«Давид, родной, иди, посиди!»
Но ответил Давид: «На бой выходи!»
Тогда мелик велел
Коня Кейлана привести.
К мелику подвели коня,
Сел на коня мелик, примчался на майдан.
Раза два проскакали полем они —
И мелик у Давида спросил:
«Как нам биться — сразу или чередом?»
— «Как угодно душе твоей», — молвил Давид.
И мелик говорит:
«Я хочу чередом,
Пусть трижды один ударит сперва,
Пусть трижды второй ударит потом.
Решим, кто первый будет бить».
Давид сказал: «Ты — старший, первый бей».

На землю слез с коня Давид,
Средь поля стал. Сказал:

«Бей! Очередь твоя.
Трижды ударь меня».

Взял палицу свою мелик,
К Фаркену поскакал.
И, миновав трехдневный путь,
Коня поворотил
И, на Давида налетев,
С разгона палицу пустил.

Земля загудела, взвыла, как пес от удара.
Как под плугом, что сорок волов волокут,
Распоролась, взрыхлилась земля!
Тучи пыли небо и землю затмили,
Эта пыльная мгла и за сутки осесть не могла.
Крикнул мелик: «Ты землей был, Давид,
И я тебя в землю опять превратил!»
Тут голос Давида загрохотал:
«Жив я! Жив пока!
Ударь... Ударь еще раз!»

«Ай-ай, — сказал мелик, —
Видно, короток был мой разбег,
Был у палицы мал размах,
Чтоб Давида сровнять с землей!»

Вновь повернулся коня мелик,
Диарбекира достиг.
На Давида оттуда мелик налетел
И в Давида палицу с маxу пустил.

Загудела земля, словно лев зарычал,
Разорвалась земля, словно ливни размыли ее.
Тучи пыли и небо и землю закрыли,
Затмили солнечный свет.
Два дня и две ночи пыль над Давидом стояла.
И спросил Мсра-мелик: «Эй, Давид! Жив ли ты?
Ты был землей и стал землей!»
Но Давид отвечал: «Я пока еще жив.
То второй удар! Ударь еще раз!»

«Эх, эх! — сказал мелик. —
Был мал разбег моего коня!
Был размах моей палицы, знать, невелик,
Чтобы разом Давида убить!»

И снова ускакал мелик,
До Мсыра доскакал.
От Мсыра разогнал коня
И грянул палицей в Давида.
Словно под громом весенней грозы
Вздрогнула земля,
Словно от землетрясения
Задрожала и затрещала земля,
Тучи пыли небо и землю закрыли,
Затмили солнечный свет.

Над полем три дня и три ночи плыла
Густая, пыльная мгла...
Мелик сказал: «Убит Давид —
Раздавлен палицей моей.
Он был землей и стал землей!»

На третий день, только мгла от земли отошла,
Виден стал Давид на коне Джалахи.
Сказал: «Ты три удара мне нанес,
И очередь моя теперь».
— «Тьфу, — говорит мелик, — дай я еще пойду!»
— «Нет! — отвечал Давид. — Куда тебе идти?
По уговору — мой черед!
Мир держится порядком иль насилием?»
Пришла мелика мать, Исмил-ханум,
И говорит: «Давид! Мелик — твой брат,
Не поступай вероломно с ним!»
— «Вероломства не бойся, мать!
Честно я три удара ему нанесу!»

Мелик сказал: «Давид, прошу тебя,
Дай срок мне — семь часов,
Я лягу под шатром,
Ты бей меня тогда».
Давид ему: «Поди, ложись.
Но ты скажи сперва:
Чем мне тебя ударить — палицей иль мечом?»
Мелик подумал так:
«Коль этакой палицей грянет Давид,
Удара не выдержу я...»
И вслух сказал: «Ударь мечом!»

Пришел мелик в шатер и матери сказал:
«Трижды я ударил его —

С ним не сделалось ничего.
Теперь Давид придет и здесь меня убьет».
А мать ему: «Сын! В яму полезай!»
Спустился в яму Мсра-мелик.
Вот сорок буйволовых шкур взвалили на него,
Огромных сорок жерновов взвалили на него,
Накрыли одеялом жернова.
Мелик ухмыляется, в яме сидит;
«Ну, — думает, — пусть ударит Давид!»
Хитрость его Давид угадал,
Пришел он, видит — гора жерновов;
Под одеялом лежат жернова,
Будто сам улегся мелик,
И тут же мать мелика стоит.
Но Давид не сказал:
Мол, дай погляжу,
Где укрылся Мсра-мелик?

Вскочил Давид на Джалали,
До Цовасара доскакал
И вскинул Молнию-Меч,
Назад коня погнал,
Чтоб нанести удар.

Тогда Исмил-ханум открыла грудь свою,
И преградила путь, и говорит: «Давид!
Я кормила тебя! Я растила тебя!
Ты за это мне первый удар подари!»
Давид спросил: «Марэ! Почему ж до сих пор,
Как удары мелика обрушивались на меня,
Ты ни разу не молвила: „Сын, подари мне удар“? —
И опустил свой меч Давид — взмахнул им, поиграл,
Потом поцеловал клинок,
И приложил ко лбу, и молвил: «Мать,
Первый удар тебе я дарю!»

И снова ускакал Давид,
И вновь принесся с гор, чтоб нанести удар.
Сестра мелика преградила путь:
«Давид, когда ты был дитя,
Я нянчила тебя, играла я с тобой...
Подари мне этот удар!»
Вновь опустил свой меч Давид —
Два раза им взмахнул,
Поцеловал клинок

И, приложив его ко лбу, сказал:
«Второй удар тебе дарю!
Остался лишь один удар, — да бог, да я!
Убью иль пусть живет...»

Вновь повернулся Давид,
К Сасуну поскакал
И от Сасуна взял разбег.
Уж приближался к яме он.
Увидела его Исмил-ханум —
И вот всем девушкам своим, что привезла с собой,
Она приказала:
«Скорее — дуйте в свирели!
Скорее — в трубы трубите!
Скорее — в бубны гремите!
Тамбуры в руки берите!
Красиво, мило пляшите!
Это Давид — молодой, неженатый,
Он заглядится — слабо ударит
И не убьет мелика!»

Девушки встали,
Взяли свирели,
В трубы и бубны
Вмиг заиграли
И заплясали.

Но понял Давид все хитрости их;
«Зачем они пляшут? — подумал он. —
Заворожить меня хотят?»
Воскликнул: «О, Высокая Марут!
О, Ратный крест!»
И грянул Молнией-Мечом.
Меч расколол все сорок жерновов,
Рассек все сорок буйволовых шкур,
Чудовище мелика разрубил,
Рассек от лба до ног
И на семь гязов в землю врос,
Дошел до черных вод, —
И, если бы ангел не заткнул дыру,
Они бы затопили мир...
Из ямы крикнул Мсра-мелик:
«Еще я жив, Давид!
Руби еще!»
Давид ответил: «Мсра-мелик, а ну — встряхнись!»

Встрихнулся в яме Мсра-мелик
И развалился пополам,
И околел мелик.

«Марэ, — сказал Давид, —
Снять надо одеяла — поглядеть!»
— «Нет, — говорит, — уйди! Мы снимем без тебя»,
Давид подъехал к груде жерновов
И сбросил одеяла.
И видит: сорок жерновов
Все пополам расколоты мечом.
Взял, отшвырнул он жернова,
Глядит — все сорок шкур
Разрублены его мечом.

Тут к яме подошла Исмил-ханум,
Зовёт: «Мелик, мелик!»
Молчала яма...
Так сидели меликова мать и сестра
И рыдали.

А потом обратилась к Давиду ханум:
«Давид! Убил ты Мсра-мелика...
Но ведь и ты — мой сын, Давид!
Иди, возьми его жену.
Сасун, как был, — твоя земля,
И Мсыр теперь — твоя земля!»
Давид ответил ей:
«Я родился у матери — чист. Не смешаю
С правдой — лживое, скверное — с чистым.
Если хочешь, в Сасун я тебя заберу».«
Та в ответ: «Нет, сыночек Давид,
Я в страну Сасун не пойду».
Сказал: «А в страну Сасун не пойдешь —
Вернись. Мсыр тебе отдаю — живи!»

Покинул Давид шатер,
Он к войску коня Джалали повернул.
Кто из полководцев и войск уцелел —
Он всех их призвать велел и сказал:
«Вам всем дарую волю я!
Идите все туда, откуда вы пришли.
Идите по домам, живите, как вы жили,
И дани с вас не нужно мне.
За жизнь мою молитесь и за души

Родителей моих!
Сидите дома у себя спокойно,
Не вздумайте ходить войною на Сасун!
Но коль подымете вы вновь оружье против нас,
Коль нападете вновь на нас, — то знайте:
В какой бы яме ни сидели вы,
Какими б жерновами
Ни укрывались вы,
По чести встретит вас Давид,
Вас Молния-меч сразит!»
Войско благодарило Давида,
За милость благословляло его.
Не верилось людям сперва,
Что нет мелика в живых...
Говорили: «Давид, мы умрем за тебя!
Бог помог тебе на всех твоих путях,
Во всех твоих делах!
Дай бог здоровья тебе!
Царство небесное Мгеру — отцу твоему
И матери твоей Армаган!»

Исмил-ханум и войска восвояси ушли.
Все там бывшие воины и полководцы
Во все стороны света к себе разошлись.
И о подвиге славном Давида
Всюду весть разнесли —
Мол, исполнил Давид отцовский завет,
Мелика убил Давид,
Освободил Сасун.

Услышал в поле Кери Торос,
Что мелик Давидом убит.
Окончил бой Кери Торос,
К Давиду прискакал.
Повернул Давид коня Джалали,
Повернул коня и Кери Торос,
А за ним тридцать восемь его удальцов
Повернули домой, в Сасун.
Какую ж добычу они везли?
Ничего они не везли.
Только гнали пару быков,
А быки арбу волокли:
Уши мелика пронзили копьем,
На арбу взвалили, везли в Сасун
В подарок Трусу-Верго.

А что в Сасуне было тогда?
Когда Ован приехал в Сасун,—
А он всё войско мсырское видел
И все шатры несметные видел,—
Войдя в Сасун, сказал Ован:
«Шатров — не счасть, и войск — не счасть!»
А народ горевал, говоря:
«Ах-вах, ах-вах! Давида убьют!
И к нам придут, и нас перебьют,
Детей, дочерей и жен заберут!
О господи! Как нам быть!»

Поставили дозор на горе —
За врагом следить,
На дорогу смотреть —
Враги идут иль Давид?
Коль множество покажется людей,
То чтобы дали горожанам знать,
Чтоб город к бою был готов.
Вот видят: едет всадник впереди
И тридцать девять всадников за ним.

Вбежали стражи в город — говорят:
«К нам едут всадники, а впереди — один,
То — кажется — Давид!»
Овану донесли: «Давид идет!»
И встал Ован — встречать его!
И весь Сасун — от стариков седых до малышей —
Навстречу повалил Давиду.

Глядит Давид, а на него — с горы толпа валит.
«Стой! Что это за войско, — молвил он, —
Откуда столько у меня врагов? —
Давид погнал коня, сказал:
— Лети, мой конь!
Что делать, если бог еще врагов послал...»

Подскакал и видит Давид —
То Сасун идет, а Ован впереди.
Юноши, девушки, старцы идут, малыши бегут.
Закричал Давид: «Дядя мой!
Что ж — и ты на меня пошел?»
А Ован говорит: «Давид,
Мы порадоваться на тебя пришли!

За то, что ты вернулся невредим,
Мы бога благодарим!»
— «А женщины эти зачем пришли?»
— «Давид, они плакали до сих пор,
Боялись — убьет, мол, Давида мелик,
Арабы придут, мужчин перебьют,
А женщин в плен уведут.
Когда ж услыхали, что ты идешь, — заликовали они.
И все поднялись навстречу тебе». — «Домой возвращайтесь! — воскликнул Давид. — Возвращайтесь, не бойтесь — мелик убит!»

Тогда Ован-Горлан
Давида в голову поцеловал,
Пот у него отер со лба, сказал:
«Нет! Им теперь не страшно ничего!»
Пришли домой.

Давидовы кровавые одежды
Ован-Горлан сменил,
Пошел — почистил, помыл Джалали,
В просторном стойле поставил его.
Пришел Давид и сел за стол.
Сказал: «Налейте мне вина!»
И выпил он вино. И лег, и спал три дня.

Когда проснулся он,
Старуха вновь пришла к нему,
Сказала: «Здравствуй, здравствуй, мой родной!»
— «Бог в помощь, бабушка!» — Давид сказал.
Старуха говорит:
«Со ржавым мечом на плохом коне
Хотел ты идти на бой.
А ты видел, как битва была тяжела?»
— «Спасибо, нанэ! — ответил Давид, —
Будь мне матерью, матери нет у меня».
Отвечала: «Давид, я и так тебе мать...
Пойду домой, —
Коль будет в чем тебе нужда —
Приду и помогу.
Расти, цвети, Давид!
Вчера дитя — ты нынче взрослым стал.
Здесь больше не сиди,
Годи к Овану и скажи:
„Открой мне покой отца моего —

Там я буду отныне жить!»
Попрощалась старуха, ушла.

Пришел Давид, Овану сказал:
«Открой мне покой отца моего!
Там я буду отныне жить».

Ответил Ован-Горлан:
«Я покон Мгера открою тебе.
Думал я, что сасунский светоч погас,
А теперь он ярче, чем прежде, горит!
Как же мне не исполнить желанье твое?
Я любуюсь на подвиг твой,
Я горжусь, что ты так могуч!
Мнится мне, что весь мир подарили мне,
Слово скажешь ты — я от счастья смеюсь!»

ДАВИД И ХАНДУТ-ХАТУН

Пока Давид не ходил в поход —
Жил сиротой, очага и ухода не знал.
А сходил в поход — возмужал.
Кто ни увидит очи его,
Румяные щеки, и нос красивый, и рот,
Тот сразу теряет ум.

Однажды спал Ован-Горлан,
Встает его жена.
Тайком печет пироги она
И курицу режет — варить.
Вот масло и мед с вином семилетним берет,
Свой лучший наряд из ларя достает,
Глаза сурьмит, и кудри вьет,
И лучшие сапожки достает.
Вот всё взяла, свечу зажгла,
В покой к Давиду вошла.
А дверь Давид примкнул, уснул.
«Ты встань, Давид, — сказала, — открой!»
Изнутри вопрошает Давид:
«Ты кто, чтоб я дверь открыл?»
А она: «Твоего я дяди Ована жена».
Тут встал Давид и дверь открыл.
Вошла Ована жена и села.
«Давид, — говорит, — стосковалась я по тебе!

Я слаще готовить блюд не могла,
Сготовила, тебе принесла».
Перед Давидом всё ставит она,
Ставит ему кувшин вина
И чару ставит ему.
Подумал Давид про себя:
«Без матери я, она — вторая мне мать».
С упреком ей говорит:
«Ведь ты мне вместо матери,
А только нынче вспомнила, пришла».
Ована жена говорит:
«Давид, я жертвой буду тебе,
В Сасуне нет храбрецов таких,
И не было, и не будет!»

То был Давид! Он яства ест,
Вино гранатное пьет,
Семилетнее пьет вино.
Немало выпил Давид,
Стал веселей, говорит: «Попью,
Раз дяди жена угощает меня!»
Изрядно выпил, захмелел,
Головой на подушку, заснул,
Вести беседу мочи нет.
Тут кинулась тетка его целовать,
Целует в лицо и в чело, гладит,
А Давид — без памяти спит.
Вот встала, ушла к себе — всё спит Ован.

Привыкла Ована жена:
Неделю ходит, придет — уйдет.
Раз, утром, подумала, молвила:
«Зачем семилетним вином угощать?
Напьется Давид — на постель и спит.
А какой для меня в том прок?»
Вот вина однолетнего достает —
Лишь малость вина несет.
Вошла к Давиду в покой,
Всё ставит перед ним.
За ужин сел Давид.
Выливает вина —
Не ударил в голову хмель.
На колени к Давиду тут села она,
Обняла его, шею рукой обвила,
Целовать Давида тянется.

Не дает Давид, на тетку сердит,
Говорит: «Ты — что мать мне,
Встань, сядь поодаль, поговорим!»
А она: «Давид, я из дома чужого
За дядю вышла твоего».

А Давид: «По мне, что тетка, что мать, — одно,
А мать для меня — свет солнца!»

Говорит Ована жена:

«Давид, сам знаешь — я из чужого дома,
Уж сколько лет я за дядей твоим,
Теперь его не хочу, тебя хочу!»

Задумался Давид, стал размышлять:

«Коль я ударю, убью ее,
Дядя Ован пенять начнет,
Что я его жену убил.

А не убьешь — не усмиришь!»

«Встань, тетя, — говорит Давид, —
Ступай к себе, дай мне уснуть,
Завтра придешь — скажу кое-что».
Солгал, спровадил прочь.

Утром Давид с постели встал,
Пошел к ручью, лицо умыл,
На камень сел, задумался,
Глядит, та старуха тропой бредет.
Позвал: «Нанэ, поди сюда!»
Рукой поманил, подошла старуха.
Про тетку всё он старухе сказал,
Как было, всё поведал ей,
Сказал: «Нанэ, ты мне — что мать! Кому ж сказать?»
А та: «Давид, ее винить нельзя:
Тогда ты маленький был,
Теперь уже ты взрослым стал,
А ты — холостой ходишь.
Увидав тебя, все теряют ум,
Все рады лечь в постель к тебе».
— «А как мне быть?» — спросил Давид.
«Иди да в дом жену введи,
Чтобы от женщин не терпеть.
Кто видел раз твой стан и рост,
Совсем теряет ум!»

С того времени год протек,
Ован-Горлан сказал:
«Сынок Давид, ты нас от рук мелика спас, —

Возьму тебе жену!»
Пошел, попросил для Давида Чымшик-султан.
Была Чымшик-султан — краса богатырша,
В городе Хлате жила,
В невестах была.

Так Давид и Чымшик-султан
Сменяли кольцо на кольцо,
Поели, попили, встали, легли спать.

Когда Мсра-мелика сразил Давид,
Слух в крепость дошел, в Капут-кох голубой,
До царя самого, до Вачо-Марджо,
До дочки его, до Хандут-хатун,
Как храбр Давид, побеждает всех его сила.

Храбра Хандут и всех красотой полонила,
Краса Хандут весь свет охватила.
И царь Шапух признал об ее красе,
Он слал послов руки просить.
И сорок витязей еще,
На силу свою положась, приехали свататься к ней.
Вот ради нее стали есть и пить,
Чтоб избрала одного из них.
Но пронесся тут о Давиде слух.
В душе подумала Хандут:
«Если кто для меня, так — Давид,
Никто другой, как Давид!
А эти кто такие, чтоб мне выбирать из них?»

Был день, под окном сидела Хандут.
Глядит, гусаны улицей бредут.
Подозвала Хандут певцов:
«Эй, гусаны, подите сюда! —
Спросила у певцов Хандут:
— Гусаны, каков ваш за день доход?»
А они: «Хатун, мы — гусаны.
Кто ж знает, много ль сберет?
То — есть доход, то — нет его,
То драм один соберем, то два».
Хандут сказала: «Певцы!
Ступайте вы в Сасун,
Когда же вернетесь сюда,
То за каждый день серебром я вам заплачу!»
Глянь — а певцы уже в пути,

В Сасун им худо ли брести!
Хандут говорит: «Вы куда ж, певцы?»
Певцы говорят: «Ты велела, хатун,
В Сасун пойти и назад прийти!»
А она: «Господь да разрушит ваш дом,
Я шлю вас в Сасун — так за делом шлю,
Ведь не просто — туда да назад!»
— «Хатун, — говорят, — прикажи!»
А она: «Гусаны, идите в Сасун,
А как придете, спросите дом,
Где обитает Давид.
В покой войдите, сядьте там,
Перед Давидом воспойте меня,
Чтоб пришел он, невесту взял.
Понравлюсь — понравлюсь ему,
А нет — так головой о камень, об стенку лицом!
Не нужен он мне — и всё!»

Гусаны встали, пошли,
Идут к Сасуну певцы.
Вот в город Сасун пришли,
На улице дети играют.
Гусаны спрашивают ребят:
«Где тут Давид живет?»
Ребята к ним подошли гурьбой:
«С нами идем, к Давиду в дом мы проводим вас!»
К ним подошла гурьба ребят,
А у странников доски с плеча висят,
На каждой доске по ушку.
Ребята руками лезут к певцам,
Хватают тамбуры у них,
Пристают: «Что у вас за доски?»
Вдруг тронул кто-то из ребят тамбур один,
И зазвенел в ответ тамбур.
На певцов ребята накинулись вдруг,
Тамбуры силой рвут из рук,
Друг дружке говорят:
«Послушай, чей-то голос там внутри доски,
Давай посмотрим, что внутри!»
Кери Торос их увидал.
Как подошел, как осерчал:
«Сасунские безумцы, в уме ли вы?
Ведь это ж гусан, ведь это же саз,
Сладкий-сладкий звон звучит изнутри, —
Неужто оно в диковину вам?

А ну, идем ко мне, в мой дом,
Они ударят по струнам, песню споют,
А мы послушаем их».

Он взял певцов, вошел в свой дом,
Яства велел подать. Поели певцы.
«Ну, гусаны, — сказал, —
Поиграйте, попойте нам!
А мы вам за то по силам своим подарок дадим,
Потом вернетесь домой».
Гусаны молвят: «Мы пришли
Хандут-хатун для Давида воспеть!»
Сказал Торос: «Давид — это я,
Прспойте же ей хвалу для меня».
Поснимали гусаны саз и тамбур,
Понастроили их, ударять принялись,
Ударять принялись, во всю мочь звались,
Обернулись, воспели Хандут-хатун.
А как кончили петь-восхвалять,
Кери Торос спросил певцов:
«А где же она, восхваленная вами Хандут?»
Отвечали певцы: «В Капут-кохе,
Отец ее — Вачо-Марджо!»
Обернулся к ребятам Кери, сказал:
«Избейте гусанов! Они пришли,
Затем чтоб нас в обман ввести,
Нашей лани сердце с собой унести».

Смекнул Кери Торос,
Что сама подослала певцов Хандут,
Чтоб Давида завлечь в Капут-кох голубой
И стать Давиду женой.
Тут избили гусанов, тамбуры — в куски,
И пустились певцы наутек.
Убежали певцы в слезах.
За город вышли, под городом — мост.
Постояли, подумали и говорят:
«Иль Хандут-хатун мы воспели не так,
Что избили нас, как собак?»
— «Нет, приятель, сама так учила Хандут!»
— «Иль они совсем с ума посошли?»
— «За что ж избили нас, как собак?»

Пока беседовали певцы,
Давид с горы Авак

С убитым зверем на плече
Навстречу к дому брел.
Стемнело. Он стал при начале моста,
Прислушался к словам певцов.
К певцам подошел Давид, сказал:
«О чем у вас, гусаны, речь?»
Гусаны в ответ: «Мы ходили в Сасун
Хвалу Хандут для Давида спеть.
Ребят полоумных созвал Давид,
Натравил на нас, колотили невмочь,
Разбили тамбуры, прогнали прочь.
А вся-то надежда у нас — тамбур!»

Давид сказал: «Певцы, это я — Давид,
А тот — мой дядя.
Вам денег я дам,
Отдайте тамбуры чинить,
Чтоб струн золотых не жалели на них, —
И придите ко мне Хандут восхвалить».

Починили тамбуры певцы, пришли,
К Давиду вошли в покой.
Порознь, один за другим поют,
Восхваляют, каждый по разу, Хандут-хатун.
Сперва седобородый гусан
Взял в руки свой тамбур, настроил лады,
Хандут-хатун запел хвалу:

«Воспою, восхвалю Хандут-хатун для Давида!
Как тростник озерный
Стройность ее,
Воспою, восхвалю Хандут-хатун для Давида!
Как коня Джалали пробег-перелет —
Ширь сердца ее.
Воспою, восхвалю Хандут-хатун для Давида!
Как сотовый мед губы ее,
Воспою, восхвалю Хандут-хатун для Давида!
Как жемчужин ряд зубы ее,
Воспою, восхвалю Хандут-хатун для Давида!
Как чаша с вином из гранат очи ее,
Воспою, восхвалю Хандут-хатун для Давида!
Как румяное яблоко щеки ее,
Воспою, восхвалю Хандут-хатун для Давида!»

Вторым чернобородый гусан
Взял в руки свой тамбур, настроил лады,
Хандут-хатун запел хвалу:
«Любуйтесь на Хандут,
Ей руки и ноги калам обводил,
 Ах-ала-тго! калам обводил.
Любуйтесь на ногти, их словно подпилок точил,
 Ах-ала-тго! подпилок точил.
Любуйтесь на косы, сорок кос у нее,
 Ах-ала-тго! сорок кос у нее.
Любуйтесь на стан, как башня крепости,
 Ах-ала-тго! как башня крепости стан ее.
Любуйтесь на розовый лик, гранатный сок на лице ее,
 Ах-ала-тго! гранатный сок на лице ее.
Любуйтесь на груди ее,
Как сахар алепский, сладки они,
 Ах-ала-тго! сладки они».

А третьим встал молодой гусан,
Взял в руки саз, настроил лады,
Хандут-хатун запел хвалу:

«Про рост ее пропою:
Он в сорок локтей,
Нет, больше того!
Про ресницы очей пропою:
Они — что два журавлиных крыла,
Нет, больше того!
Про широкое сердце ее пропою:
В семь локтей оно,
Нет, больше того!
Про ее белизну пропою:
Она — что выпавший снег,
Нет, снега белее!
Про нежность ее пропою:
Что хлопья хлопка нежность ее!»

Прослушал Давид восхваленья Хандут-хатун,
Что трижды гусаны пропели ему,
Взял в руки саз, настроил и спел:
«Вы на счастье пришли, певцы!
Чисто, как молоко, мое сердце было, —
Его закваской заквасили вы!

Крепко, как крепость Сасун, мое сердце было,—
Ломом его разрушили вы!
Яснее осенней реки мое сердце было,—
Ливнем весенним его замутили вы!
Расплавили вы, износили меня,
К своей Хандут-хатун привязали меня!»

Когда же кончил петь,
Саз наземь положил, сказал:
«А где ж она, гусаны,
Восхваленная вами Хандут?»
— «Она в Капут-кохе,
Отец ее — Вачо-Марджо!»
Сказал: «Вы пойдите, скажите, певцы:
«Давид подождет шесть дней,
На седьмой же в гости прибудет к ней».«
Прибуду к полднику в Чажван,
К обеду в Бандумагй,
А ужинать — к милой хатун.
Он всем им денег щедро дал,
«Путь добрый!» — сказал и проводил.
Гусаны ударили по струнам,
Встали, отправились в путь.

И встал Давид, в дом вошел, тетке своей сказал:
«Одежду мне постирай, ухожу!»
А после дядя сказал:
«Не женюсь на Чымшик-султан,
Пойду, Хандут-хатун возьму».«
А дядя сказал: «Давид, уже восемь лет подряд
Там сорок силачей сидят, ее дверь хранят.
Приедешь к ней, подъедешь к ее окну,
Гостинец даст — войдешь ты к ней,
Не даст — домой воротись!»

Пошли гусаны, пришли в Капут-кох голубой.
Хандут-хатун под окном сидела,
Завидела их, спросила:
«Певцы, вы ходили в Сасун?»
Отвечают: «Исполнили все, хатун!
Господь их там одарил добром,
Да только все они — с дурью.
Как мы вошли к Давиду в дом —
Нам надавали по шеям,

Переломали сазы нам.
Вышли из города мы, —
Господь, продли Давидовы дни, —
Нам он сазы помог починить, сказал:
„Ступайте к Хандут сказать,
Чтобы ждала шесть дней,
На седьмой я в гости приеду к ней.
Прибуду к полднику в Чажван,
К обеду в Бандумагй,
А ужинать — к милой хатун“».

Тут каждому дала Хандут деньги,
За сколько дней хожденья была в долгу.
Гусаны встали, пошли по домам.

Давид, как обещал,
Через шесть дней пошел к себе,
Раскрыл свой ларь, достал наряд,
Опоясал Молнию-Меч,
Коня Джалали он вывел во двор,
В зубы ему вдел удила,
Оседлал и сел
И отправился в путь.
От Сасуна до Чажвана —
Семь дней пути.
От Чажвана до моста Бандумаги —
Семь дней пути.
От моста Бандумаги в Капут-кох —
Семь дней пути.

Погнал Давид коня.
В Чажване к завтраку был,
К полудню был у моста Бандумаги.
Там видит: плуги батраков из Горцула —
Они здесь пашут в полях, —
А всего плугов было семь.
Обедать пахари сели как раз.
Подошел Давид, «бог ломочь» сказал.
Сказали: «Мы гостю рады,
Садись с нами, ешь!»
Запас семидневный положили пред ним.
Сел с ними есть Давид,
Съел семи пахарей хлеб и питье
И встал, чтобы путь продолжать.

Беседу пахари меж собой повели:
«Что делать? Съел он запас семи дней.
Домой послать — скажут: с полудня прислали —
Не могла иссякнуть еда.
Скажем: «гость был» — нам не поверят,
«Буйволы съели» сказать — не поверят».
Давид услыхал, сказал:
«Что вы должны вспахать?»
Сказали: «Вот это поле вместе с холмом».
— «Выпрягайте буйволов ваших, — сказал

Давид, —

Я семидневный ваш урок
За час один вспашу».
Цепь плуга на грудь коня накинул Давид,
С плугом поле прошел, осталась одна полоса.
Один сказал: «Не твое тут уменье, Давид,
Это — сила коня твоего».
Тогда сошел с коня Давид,
Взял в руки цепь, остальное вспахал.
Удивились пахари, разинули рты.
Сказали: «Путник, не ты ли Сасунский Давид?
Коль и впрямь говорят — удалец Давид,
Так это — один во всем мире — ты!
Куда б ты ни пошел,
О камень да не споткнется твоя нога».

Вскочил на коня Давид, поскакал.
«Где же ты, Капут-кох, — еду к тебе!»

Прошло шесть дней.
С зарею встала Хандут-хатун
И села под окном.
Ждала, нейдет ли Давид.
Глядит:

Полыхает огонь между небом и землей,
И несется конь между небом и землей,
Приметен едва.

Сказала: «Видно, то Давид! —

Привратнику сказала:
— Пойди, Горгиз, ворота закрой,
Уже тот всадник у ворот».

Сказала едва, захлопнул ворота Горгиз, закрыл,
А Давид у окна.

Погнал коня к окну Хандут-хатун напрямик.
Взглянула Хандут-хатун,
Давида видит, сладко ей —

Метнула яблоко, а тот
Поймал его на лету с коня,
Засмеялся, яблоку рад,
Взглянул, увидал Хандут,—
Гусаны ее воспели, да половины сказать не смогли.

Погнал коня, подскакал, глядит:
С палицей кто-то у двери стоит.
Давид подумал: «Если ему поклонюсь —
От рожденья до этих дней
Никому не кланялся я,—
Если ему поклонюсь, язвой обида
Сердце изранит, меня убьет.
Если же не поклонюсь — убьет меня этот верзила!»
Отвесил поклон, вошел.
Горгиз на поклон ответил.
Давид воскликнул:
«От рожденья до этих дней
Никому не кланялся я —
Сегодня увидел Горгиза,
Со страху поклонился ему».
Горгиз обернулся, сказал:
«Сорок лет ворота я стерегу,
Никому никогда на поклон не ответил,
Сегодня увидел Давида,
От страха ответил ему на поклон».
Давид сказал:
«Страх заставил его мой поклон принять, —
Что ж, пусть и я со страху ему поклонился!»
И на этом Давид успокоился.

Спросил Давид пахлевана:
«Эй, послушай, как имя твое?»
А тот: «Мое имя Горгиз».
— «Что за палицу дали тебе, а ну, покажи?»
Из рук его он палицу взял — да как метнет!
Доныне палица летит.
Горгиз сказал: «Зачем пришел, Давид?»
Отвечал Давид: «Пришел за Хандут-хатун,
Как повидать мне Хандут-хатун?»
Горгиз сказал: «По пятницам Хандут-хатун
Проходит в хас-бахчу и сорок служанок с ней.
Пойдешь — увидишь ее!
Давид, — сказал Горгиз, —
Хандут-хатун возьмешь, —

Меня крестным отцом зови!»
А тот: «Да будем мы с тобою
Крестный да кум!»

И пятница была как раз.
Вот в хас-бахчу к Хандут-хатун въезжает Давид.
Пастись коня меж роз и рехана пустил.
Фонтан бессмертья был в саду, там лег Давид, заснул.
Лишь солнце стало греть,
Пришла Хандут-хатун и сорок служанок с ней.
Увидала: Давид пасет коня в саду,
Рехан и розы щиплет конь,
А Давид у фонтана бессмертья спит.
Хандут-хатун сказала:
«Этот Давид — человек грубый!
Скажите ему, раз он такой грубый,
Чтоб встал и ушел.
Отнесите хлеба ему, пусть ест,
Потом передайте: „Хандут-хатун сказала,
Чтоб встал и ушел“».

Принесли, поставили перед Давидом хлеб, он съел.
Говорят Давиду слуги так:
«Наша Хандут-хатун говорит,
Чтоб встал ты и ушел.
Кто позволил тебе сюда прийти
И пустить по саду коня,
Меж рехана и роз, чтоб мял он их?
Здесь луг отцовский, что ли?
На крыльях птица, на брюхе змея
К нам не спускались в хас-бахчу!
О скольких ты головах,
Чтоб в стену ударить, разрушить ее, —
Как смел ты в наш сад войти
И пустить в нем коня пастись?
Видно, ты человек грубый,
Вставай и уходи!
Жаль тебя, — говорят, — молодцы придут,
Искрошат тебя!»
Давид в ответ:
«Почему не сказали раньше,
Пока не ел я хлеба?
Я поел ваш хлеб, поздно теперь говорить.
Коль так, совсем не уйду!
Пусть делают все, что придет на ум!»

Пошли, сказали Хандут-хатун:
Давид, мол, так говорит.

Когда они ушли,
Давид позвал слугу Хандут-хатун,
Спросил: «А где ж поставить коня?»
Обернулся слуга, сказал:
«Сорока пахлеванов кони стоят
В конюшне той, туда и ставь».
Дверь распахнул Давид.
Он сделал с коня узду,
В конюшню его к коням пустил.
Сказал: «Коль ты одолеешь коней,
Одолею хозяев я!»
Давид в конюшню свел коня,
Заржал скакун Джалали.
И ячмень, и йонджу он отнял у всех сорока,
Он грудью на них напер, помял и к стенке прижал,
Он всю мякину их пожрал.
И конюхи весть Хандут привнесли, сказали так:
«Конь себя показал, поглядим, хозяин каков».

Как яблоком метнула в Давида Хандут —
Все сорок богатырей,
Что целых семь лет сидели при ней,
Обиделись, сказали:
«Мы тут семь лет сидим, не видели даров, —
А репоед сасунский тут день один, —
Почти не видела его, уж яблоко дарит!»
Вот к сорока богатырям пошел Давид.
Увидал: все сорок сидят за столом, за вином.
Перед Давидом они — что дети.
Увидали Давида они,
Испугались, их дрожь взяла,
Столковались, молвили так:
«Споим Давида, убьем,
А то пропали мы совсем.
Ведь на месте Хандут и мы
Не бросили бы Давида, не выбрали бы из нас».
«Добро пожаловать, — говорят, —
А ну, за Хандут-хатун испей!»

Давид сказал: «А где у вас с вином карас?
Пойду хлебну и есть приду,

Хочу с души я пыль омыть,
Тут нечем языка смочить.
Не воробышек я, чтоб воду мне пить,
Верблюда ль из ложки поить?»
За чашей большою сбегали в дом,
А чаша — что таз большой.
Напоили Давида из чаши той,
Давид пьян, весел стал,
Давида хмель забрал, умчал.
Стал пьян Давид, то голову свесит на грудь,
То вновь подымет, в себя придет.
А пахлеваны, увидев то,
Мечи обнажили, ждут,
Чтоб ударить Давида.
Увидал Гогиз, закричал:
«Эй, кум Давид! эй, кум Давид,
Если и муха пролетит над тобой —
Ты голову ей снеси».
Попрятали пахлеваны мечи свои,
Но ничего не слышал Давид.

Хандут-хатун посмотрела сверху на них,
Глядит: Давид уж голову свесил на грудь.
Увидела, пошла,
Орехов мешок к эртыку принесла, —
Едва начнет головой склоняться Давид,
Лишь вздумают богатыри обнажить меч,
Чтоб голову ему отсечь, —
Хандут-хатун кидает сверху орех,
Попадет в поднос, поднос зазвенит,
Подымет голову Давид, и те попрячут мечи:
Дрожали, страх забирал.
Хандут — за орехом орех —
Весь мешок побросала вниз.

Тутпротрезвел Давид, слуге сказал:
«А ну-ка скатерь убери,
Грешно же хлеб топтать!»
Взялся за скатерь, снять хотел,
А пахлеваны ему: «Не надо сымать,
Несите еду, на скатерти будем есть!»
(Боялись скатерть снять,
Под скатертю держали мечи.)
Сказал Давид: «Снять скатерь! —
Взял, скатерь сдернул, сказал:

— Нейдет за скатертью еда,
А скатерть за едой всегда!»
Взглянул: перед каждым богатырем
Под скатертью — меч без ножен.
Сказал: «А это что лежит?»
Они сказали: «Мечи».
Сказал: «А дайте, взгляну!»
Собрали мечи и дали ему.
Давид сказал:
«Из них хорошо мотыг наковать,
Чтоб ими весной огород копать!»
Давид мечи руками загреб, собрал,
Коленом все переломал,
Словно колосьев пучок сокрушил,
Погнул, изломал, сказал: «Горгиз,
Клади-ка всё на коня, в хурджин,
Сталь хороша!
А конь мой без подков-гвоздей,
Гвоздей-подков ему накую, —
Тут на целый год достанет коню».

А пахлеваны, как увидали то,
Бежали из дома вон.
И вскричал Давид:
«Эй, Горгиз-крестный, пойдем-ка внутрь,
Весь дом для нас, а двор для кур!»

Из всех силачей Давид
Полюбился Хандут-хатун.
Сказала: «Пусть Давид войдет,
А тем сорока туда подайте обед!»

И встал Давид, к Хандут в покой вошел.
Едва лишь на Хандут поглядел —
Молодой был еще — не утерпел:
Схватил Хандут, крепко-накрепко сжал
И в лоб поцеловал,
Но не остыл в нем жар,
В лицо поцеловал,
И вновь не остыл в нем жар.
Схватил опять — в грудь целовать, —
Разбила Хандут кулаком Давиду нос и рот.
Как из камня ручей,
Забила из уст Давида кровь.

Сказала: «Ты удалец своего отца, а я — моего!
По первому разу меня ты в лоб целовал —
За то, что ко мне далеко скакал.
По другому разу — в лицо целовал,
Тебе за то, что ты молодой, тот поцелуй — награда.
Но зачем по третьему разу
Ты поцеловал мне грудь?»

Разгневался Давид, вернулся,
Пришел, Горгизу сказал:
«Горгиз, коня выводи!»
Тот вывел коня,
И сел Давид, уехал.
Расплакалась Хандут-хатун, бежит,
Давида молит в слезах —
Давид неайдет назад.
Тогда Хандут за ним пошла,
Она туфли сняла, в чулках пошла,
Разодрались чулки, оголились ступни,
Прошла немного босиком —
Ноги изранила вмиг.
Где ступит ногой Хандут, от крови земля мокра.

Вот едет Давид на коне, сам слушает он,
Слышит сзади голос, голос вопит:
«Давид! Давид! постой!
Постой! — Подойду!
Обернись, взгляни — каково я бегу!»
Давид, на своем коне,
Обернулся, глядит
И видит: Хандут-хатун
Босая бежит за ним.
Да, за всю свою жизнь Хандут-хатун
Босой не ступала стопой,
А теперь босая полем бежит,
И ноги ее в крови.

Говорит Давиду Хандут:
«Давид, что скоро обиделся ты?
За меня греха на себя не бери, пойдем!»
Давид в ответ: «Я за тобой из Сасуна скакал,
Сколько пути проскакал и прибыл к тебе
И лишь раз целовал в лицо,
А ты оплеуху даешь, — да как же еще обижать?»
Хандут говорит: «Обет даю: доколе в теле душа,

Вослед тебе босой бежать».
Давид раскаялся,
Возвратился,—
И приехали вместе к Хандут.

Однажды написал письмо Пап-френку персов
шах.

Писал: «Пришел из Сасуна к нам
Человек, зовется Давид.
Хандут, красу Капут-коха,
Тот муж насильно хочет увезть».
Собрал Пап-френк на совет придворных

вельмож.

«От шаха, — сказал, — читайте письмо,
Что написано в нем?»

Посланье прочли, узнали, что в нем.
И вот человека к Давиду шлют:

«Давид, — говорят, — слыхали мы,
Что ты силен, могуч.

Приедешь ли с нами воевать?
Коль не пойдешь, мы рать поведем,
Край разорим, всё оберем».

Письмо доставили к Хандут,
Хандут-хатун прочла письмо,
Спросила: «Кто принес письмо?»
Ответили: «Два странника!»
Хандут — Горгизу: «Зови ко мне,
И щедро там угости гонцов».
Встав, исполняет всё Горгиз.

Одна сидит до петухов
Хандут-хатун и пишет ответ:
«Тебе не делаем вреда,
В лицо не знали никогда,
Ни с именем каким живешь.
Коль биться ты один придешь,
Так знай — Давида не побьешь!
Второго приглашай царя,
Пусть он придет помочь тебе».

Сложила тут письмо Хандут,
Потом Горгизу отдала,
Сказала: «Вот, возьми письмо,
Одень как следует послов,
При письме им десять дай золотых,
Дай двух коней, — поедут пусть!»

Горгиз исполнил всё как есть,
Послам оказывал он честь.
И те Хандут благодарят,
С поклоном низким говорят:
«Пришли пешком, уезжаем верхом».
Не сказала Давиду Хандут
О том, что писали враги.

Посланцы взяли то письмо,
Царю вручили своему.
Советников царь, вельмож собирал,
Читают письмо, дивятся они.
«Давайте весть пошлем, — говорят, —
Врагам отца Хандут, царям шести держав, —
Да пристанут к нам, на Давида вместе пойдем».
Сколько на небе звезд, собирают войск,
Пишут письмо и к Давиду шлют:
«Давид, держись, идем на тебя!»

Письмо Давиду отдают,
Давид передает Хандут.
Хандут прочла и говорит:
«Тебе второе шлют письмо,
Одно — тогда, одно — теперь.
Тебе сам Пап — он френков царь —
Прислал письмо и вызов свой,
Он хочет воевать с тобой.
В тот раз я, получив письмо,
Ответ отправила такой:
«Придите — так уж два зараз,
По одному нет силы в вас».
Писала так, чтоб испугать,
Чтоб на тебявойной не шли.
Да, видно, их не испугать,
Он грозно встал, ведет он рать!»

Поутру — сколько на небе звезд,
Столько разбито шатров
Вокруг города отца Хандут.
Стоят враги отца Хандут,
Без счету войска: град охватили кольцом.

Пап френков
Собрал свою рать, пришел,

На земле разместил у отца Хандут,
Чтоб взять Хандут и умчать.

Шапух — персидский государь —
Собрал свою рать, пришел,
На земле разместил у отца Хандут,
Чтоб взять Хандут и умчать.

Китайский государь
Собрал свою рать, пришел,
На земле разместил у отца Хандут,
Чтоб взять Хандут и умчать.

И черный царь
Собрал свою рать, пришел,
На земле разместил у отца Хандут,
Чтоб взять Хандут и умчать.

Охан и Тохан
Собрали рать, пришли,
На земле разместили у отца Хандут,
Чтоб взять Хандут и умчать.

Алепский царь
Собрал свою рать, пришел,
На земле разместил у отца Хандут,
Чтоб взять Хандут и умчать.

Государь Ландбанд
Собрал свою рать, пришел,
На земле разместил у отца Хандут,
Чтоб взять Хандут и умчать.

А сорок тех пахлеванов так меж собой говорят:
«Не пойдем воевать!
Уже семь лет мы здесь толпимся,
До сих пор лица не видали Хандут.
Давид же день лишь тут,
А Хандут уж видал и с ней пировал, —
Так пусть Давид воевать идет!»

Сказала утром Хандут-хатун:
«Кто пойдет на бой?»
Пахлеваны, все сорок, в ответ:

«Кто пойдет на бой?
Кому дала яблочко, тот и пойдет!
Не давай соглашь ему — мы пойдем на бой!»
Услыхал Давид, сказал:
«Тот бой — мое дело!
Я встану, пойду!»
И встал Давид,
Почтительно простился с Хандут.
Сказал: «Иду,
Исполнится три дня, вернусь — вернусь,
А не вернусь — значит, убит!
Придешь, средь мертвых тел
Мое найдешь, хоронить отдашь.
Вот тебе примета:
На правой руке моей Ратный крест.
По знаку ты признаешь меня.
Мой прах увези и зарой».

Вот за конем идет Давид, Хандут говорит:
«Ах, я совсем забыла,
Не вывела я скакуна для тебя. —
Вослед Давиду бежит, кричит:
— Давид, Давид, постой,
Тебе коня приведу!»
Остановился Давид.
В конюшню вошла Хандут
И видит: сорок коней
Все в угол сбились, жмутся, дрожат,
Не смеют выбежать вон.
Лишь Давидов конь-герой
Стоит посреди конюшни.
Хандут схватила за гриву коня,
Чтобы вывести вон.
И он взглянул и не признал, гривы не дал.
Он так головой мотнул,
Что отпрянула, наземь упала Хандут.
«Ах, Давид, — сказала, — меня убил твой конь!»
Вошел тут Давид, он обнял Хандут, сказал:
«Эй, конь, господь тебя порази,
Разве мужчина женщину бьет?
Что это — женщина, разве не видел? —
Говорит: — Бери коня, выводи!»
— «Ой, — говорит, — ты хочешь убить меня конем!»
— «Нет, — говорит, — не тронет теперь, выводи,
За чужую он принял тебя».

Она схватила коня за гриву, вывела вон.
Стал конь послушен, она оседлала его.
Давид стянул подпруги сам,
Потом вскочил на Джалали, —
Как крикнул «гей», чтоб летел Джалали, —
Ворота погнал и поскакал на бой.

Взобрался Давид на скалу и стал глядеть:
А на поле людей — что дерев в лесу.
Без числа шатров увидел он стан, сказал:
«Я должен их разбудить, биться — потом. —
Вскричал: — Эй!
Кто спит — дрему сгоняй,
Ах! живей дрему сгоняй!
Кто не спит — скакуна седлай,
Ах! живей скакуна седлай!
Кто оседлал — на коня влезай,
Ах! живей на коня влезай!
Чтоб не сказали: Давид
Тайком пришел, тайком ушел,
Ах, Давид тайком ушел!»

Давид погнал коня Джалали,
Воззвал, сказал:
«Помяни, богородица Марута,
На деснице Давида Ратный знак креста!
Направо руби, налево руби, —
По завету — врага сгуби».
Он врезался в ряды, он стал рубить.
Как нагрянувший град
Поспевшую ниву ломает, крушит,
Так в гущу рати Давид с головою влез.
Пошел рубить, напирать на них.

Едва Шапух Давида узрел,
Как волк, рассвирепел, взревел,
Он вывел коня, он велел войскам:
«Эй, встаньте, каждый готовься в бой!
Крепко держись!»
На поле вышли, начали сечь.
Обернулся Давид, Шапуха рубил, —
Голову Молния-Меч отсек.
В ужасе рать с места сойти не могла.
Подошел Давид,
Охана взял, Тохана взял,

Подряд им головы отсек
И отложил.

Вернулся вечером к Хандут,
А поутру пошел опять, —
И с ним не могли враги воевать.

Посоветовались враги.
И послали они
Алепского царя в Сасун
К Горлану Овану.
Говорят: «Слух долетел до нас,
Что много храбрых в Сасуне у вас.
Ты нам силача отправь, чтоб прибыл к нам.
У нас тут враг один, прехрабрый, —
Убьет его — в подарок семь городов дадим».

У Труса-Верго был некий сын
По имени парон Астхик.
Парон Астхик сел на коня,
Стрелой меж небом и землей
До места битвы долетел.
Парон Астхика узнал Давид.
Он вечером сказал: «Хандут,
Назавтра я не пойду в бой!»
Ответила Хандут-хатун:
«Коль не стыд тебе, в бой сама пойду!»
Давид сказал: «Тогда поклянись:
Когда пойду я в бой — дома сиди,
И дверь замкни, и окно замкни, —
В бой тогда лишь пойду!»
Хандут-хатун в ответ:
«Хорошо, не выйду я из дому, дверь замкну,
Я сяду, пяльцы натяну».

Давид с зарей ушел на бой.
Рубиться стали Давид и парон Астхик.
До полудня рубились они.
И блеск их мечей эртыка Хандут достиг.
И видит вдруг Хандут-хатун:
Луч в комнату к ней проник.
Сказала: «Что это, я не пойму?
Туч нет, и дождь нейдет,
Не ночь, и молния с неба не бьет».
Не могла утерпеть Хандут-хатун.

Вскочила, окно раскрыла, глядит:
Есадник на огненном коне
Над головой Давида кружит.
Мудра Хандут была, она книги знала.
Книгу раскрыла и вот
Видит: Давидов двоюродный брат
Над головой Давида машет мечом,
Осыпает огнем, и уходит в землю огонь.
Давид врага не отражал.
Запела тут Хандут-хатун:
«Лядя, привет, тысячу раз привет тебе.
Огнем Давида засыпал ты,
Огнем Давида засыпал ты,
Разрушил ты дом Хандут-хатун!»

Давид услышал ее, сказал:
«Эх! Счастье женское порвись!
Так я и знал, что дома не усидит!»
Давид осерчал.
Направил он свой лук-стрелу
В брюхо паронову коню
И брюхо проткнул, —
Конец стрелы парону Астхiku сквозь темя проник.
Парон Астхик на землю пал, заголосил, сказал:
«Ах, от родственника удар
Мне от рода был сужден!»
Парон Давида не узнал.
Давид сказал: «Ослепни мои глаза!
Обычай у нас: чья смерть близка,
Тот голову родичу на колени кладет —
Богу душу отдать».
Парон Астхика голову
Давид на колени свои положил.
Парон без памяти лежал — и отдал душу.
Парон едва лишь отдал душу,
Давид упал без чувств.
Пришли враги Давида взять.
Давидов конь, скакун Джалали,
Стал возле господина,
Давида не дал пленить.
Когда же в чувство пришел Давид,
Сн сел на коня и въехал в гущу рядов,
И тотчас рать бежала вся.
«Не бойтесь, — им кричит Давид, —
Скажите, где ваш царь укрыт?»

И встала рать, спешит назад.
Один Давиду говорит:
«Коль хочешь знать, где царь укрыт,
К нам в город иди».
И повернул Давид коня,
К Пап-френку в город прискакал.
Он человека шлет к царю, сказать:
«Пусть выйдет — на него взгляну».
И царь встает, выходит царь.
Лишь увидал Давида он —
Как горой Давид на коне сидит, —
Хотел он в страхе прочь бежать,
Но погнался за ним Давид,
Схватил, на месте убил.
Для всех остальных, что в граде том уцелели,
Давид царя другого возвел.
Он знатных всех заколол,
Вместо них простых назначил, сказал:
«Доколь вы живы — не знайте войны!
Лишь станет тugo вам,
Пришлите мне письмо, и я приеду к вам!»
Весь город говорит: «Давид,
До смерти закон нам — воля твоя!»
Вернулся Давид к войскам:
«Вернитесь в город ваш, — сказал, —
Я вашего царя убил».

В тот вечер Давид к Хандут не вернулся.
Подумала Хандут, что Давида убили,
Скорбь о Давиде сердце сожгла.
Наутро по-мужски оделась Хандут, пошла,
Села в седло, оружье взяла.
Рукою стиснула копье:
«Пойду, Давида тело земле предам!»
Подъехала Хандут, к телам спешит,
Лишь богатырский приметит труп —
Копьем зацепит, к свету повернет,
Десницу смотрит мертвца,
Увидеть ищет Ратный крест.
И видит вдруг: с того конца
Пробирается кто-то средь мертвых тел.
То Давид, порубив врагов,
По полю ехал средь мертвых тел.
Увидал он, как Хандут-хатун
Копье вонзает в трупы бойцов,

Вскинет, глядит, нет ли креста, — и едет вновь.
Крикнул Давид: «Что ищешь, эй?
Что бродишь так, ищешь кого?
Прошло три дня, как я убил
Того, кого ищешь ты,
Коль мужа хочешь — я здесь!»
Глядит Хандут: Давидов конь,
А всадник будто не Давид, — так кто же он?
Хандут ему: «Попридержи язык,
Не в силах твоих убить его!
Двадцать, как ты, десять, как я,
Не стоят ногтя его для меня!
Мне видеть труп остывший его
Дороже, чем владеть тобой!»
Давид сказал:
«Ежели так, биться давай!»

Встали, разят.
Поле покрыли пыль и мгла.
Под ними взрхлилась земля,
Как будто поле плуг вспахал.
Бились долго — не одолевал никто.
Давид легонько рубил,
Хандут старалась насмерть бить.
Вдруг булавой взмахнула она,
Нанесла Давиду удар.
Себя Давид щитом прикрыл.
Ударила булавой Хандут
И повернула, пустилась прочь,
Давид же двинул к ней коня,
Привстал на стременах, сказал:
«Хлеб и вино и сущий господь!»
Занес он палицу — разить,
Но косы разметала вдруг
И спрыгнула с коня Хандут.
За нею спрыгнул и Давид,
Схватил Хандут и повалил,
Ей грудь коленями придавил.
Хандут сказала:
«Сжалася, я женщина, удалец, не убивай!»
Давид сказал: «Что женщина ты, я знаю.
Я отплатил тебе за тот день:
Помнишь, била меня кулаком,
Изо рта кровь у меня пошла».
Сказала: «Это ты, Давид?»

Ответил: «Это я, Хандут!»
— «Ежели так, отпусти меня.
Ты видишь, сорок женихов
Семь лет там, в доме, сидят.
А яблоко я тебе дала,
Как только пришел ты ко мне.
Давид, пусти!
Ты — муж мой, я — жена твоя!»
Давид освободил Хандут,
Встали, вместе вернулись домой.

Дорогой говорит Хандут:
«Давид, к нам сваты однажды пришли,
И вот меня в свой край увезли —
В жены сыну царя.
Сажали в горницу меня,
Муж молодой ко мне пришел,
Стали вдвоем играть.
Дай за локоть его схвачу, вот так,
Придвину, думаю, к себе.
Гляжу, оторвалась у него рука.
Подумала: царевич он,
Ему не пахать, не сеять ему, —
Годится мне и безрукий.
Другую руку жму слегка —
Хребет сломился и рука,
Дух вон — скончался он.
Тут я узнала, как сильна.
Царь тамошний сказал тогда:
«Эта девушка — убийца».
Отправили домой меня,
Вернулась я в родимый дом,
Там поклялась, сказала так:
«Кто мне спину к земле пригнет —
За того пойду».
Боролся нынче ты со мной.
Положил меня наземь спиной.
Я с этих пор твоя жена,
Куда желаешь, бери меня».

Прибыв домой, служанок Хандут позвала.
И взяли они коня Джалали и стали купать,
Давидову кровавую одежду стирать.
Давид и Хандут пошли к себе,

Сели за стол, стали пировать,
Потом улеглись спать.

Прошло три дня, вывел опять Давид коня,
Другого коня взяла Хандут.
И сели они вдвоем на коней,
Обнявшись, тронулись в Сасун.
Как прибыли в Хлат,
Там мимо окна Чымшик-султан
Пришлось проезжать.
Увидела Давида Чымшик-султан,
Сказала: «Заика Давид,
Поклялся ты жениться на мне,
Кольцами мы поменялись, ты и я!
А теперь Хандут ты привел, позабыл меня!
Ведь спали мы с тобой!
Ужели же я некрасива была,
Не полюбилась тебе, что поехал, Хандут привел?
Выходи же теперь ты биться со мной:
Коль я тебя убью,
Останемся мы вдовами, Хандут и я,
Коль ты меня убьешь,
На постель к Хандут пойдешь, с ней уснешь».

Давид сказал: «Чымшик-султан,
У меня есть просьба к тебе:
Тут женщина со мной в пути,
Дозволь доехать домой.
Семь лишь минет дней,
Возвращусь я, и вступим в бой».
Чымшик-султан сказала:
«Поклянись же Всевышней девой Марута,
Ратным крестом на деснице твоей,
Через семь дней
Вернуться, биться со мной,
Тогда пропущу!»
Давид: «Клянусь Всевышней девой Марута
Ратным крестом на деснице моей,
Лишь минет семь дней,
Возвращусь биться с тобой!»

Сказал и взял Хандут-хатун,
Поскакали домой.
А в Сасун прискакав,
Позвали гусанов — семь было певцов, —

Семь дней, семь ночей пируют, поют,
Повенчали Давида с Хандут,
Ели-пили, веселились стар и млад.

А как ложе Давид с Хандут разделил,
Про Ратный крест, на котором клялся,
Позабыл!

ДАВИД И МГЕР

Однажды Давид сказал: «Хандут,
С тех пор как я тебя привел,
Впал в грех перед лицом
Тех пахлеванов сорока,
Совесть гнетет, ведь я невесту отнял у них.
Я слыхал — в Гурджистане красивых девушек тьма.
Мой долг собрать всех сорок богатырей,
Для них сорока сорок невест сыскать,
Чтобы каждому — по душе.
Найду, вернусь, жди!»

Хандут-хатун в ответ:
«Меня ты в Сасун привел, поселил,
От матери, от отца отбил,
Покинуть хочешь теперь, уйти, —
Как же мне быть без тебя?
Ты уйдешь, а родится сынок —
Что же делать мне?»

Давид сказал: «Хандут-хатун,
Коль у меня родится сын,
Ты назови младенца — Мгер,
Чтоб имя жило отца моего».«
Золотое запястье Давид достал
В каменьях дорогих.
Сказал: «Коли родится сын,
Ему на правую руку надень,
А коль родится дочь,
Так пусть бережет про свадебный день.
А задержусь я там — ты Мгера шли к отцу,
По запястью узнаю: сын».

Он встал, он сел на коня Джалали,
Пустился в путь, понесся вскачь.

Всех тех сорок богатырей
Нашел он в сорока краях.
Он ездил с ними по разным краям,
И в Гюргистане он побывал,
И в Азербайджане он побывал,
Всем сорока невест сыскал.
Когда ездили вместе они,
Одну девушку встретил в пути, —
Той девушки прекрасней нет.
Сказал: «Ее в служанки возьму к Хандут!»
И девушку взял с собой.

Сказал: «Остановитесь, братья, здесь,
Дороги дальше нет для нас!
Ступайте с богом каждый в свой край,
И мне пора в Сасун!»
И взяли девушек те к себе,
Сказали, поклоняясь:
«Благодарствуй, Давид,
Надежда наша через тебя сбылась!»
И в путь пошли, простясь.
А сам ту девушку взял Давид,
На крестец коня посадил и увез в Сасун.

А мы — возвестим о Хандут-хатун.

Лишь отбыл Давид в Гюргистан,
Вачо послал, и взяли Хандут,
И привезли ее в Капут-кох.
Она же была на сносях,
Как прибыла в отцовский дом —
Легла и сына родила.

Вачо сказал Хандут-хатун:
«Если мальчик — сынок Давидов,
Должен быть силы знак на нем».
Принесли, спеленали его,
Приволокли от плуга цепь.
Той цепью свили, связали его.
Но как заплакал малыш, в люльке тянуться

стал —

Распалась цепь —
Не счастье, на сколько кусков разорвал
(Да, от Давида и Хандут
Не родится слабенький сын!).
Признали: сын богатырский!

Вот стали мальчика купать, глядят:
А ручка одна зажата.
Старались так и сяк — не разжимается кулак.
Всем городом собрались,
Разжимать взялись.
Тут встал Вачо и в страхе
Письмо Торосу написал:
«Торос, очам твоим — свет!
Родился сын у Давида,
Да на ручку одну калека».

Торос, едва прочел письмо,
На шестиногого сел Лазги,
В Капут-кох прискакал.
К Вачо приехал в дом, сказал:
«Ну, где ж спеленутый малыш,
Взгляну, каков он, мальчик наш!»
Он взял младенца, стал глядеть,
Он начал ручку ему тереть,
И тот разжал кулак.
Увидел Торос в руке его — сгусток крови.
Сказал: «Ай-ай! Разве что камень
В себя его примет,
А земле его не снести!
Он в каплю крови мир превратил
И зажал в ладони.
Коль будет он жив,
Многое он свершит!»
Прошло два-три денечка,
Хандут просила сына окрестить
И назвала младенца — Мгер.
У других ребята растут по годам,
А Мгер — по дням,
У других — по месяцам, Мгер — по часам.
Еще прошел недолгий срок —
И встал Кери Торос,
Он Мгера взял с Хандут-хатун
И с ними прибыл в Сасун.

Как исполнился Мгеру год,
Встал Мгер, пошел по городу ходить.
И как минуло Мгеру шесть годков, —
Большая река под городом текла, —
Связал он мост, и прохожие шли.

Когда ж они по мосту шли,
Мгер подходил, прохожих бил, говорил:
«Сучьи дети, вот мост связал я, —
Уж не для вас ли связал?
Зачем идете по моему мосту?»
Народ поворачивал, брел назад, —
Спускались, переправлялись вброд.
А Мгер подходил, всех бил, говорил:
«Сучьи дети, вон мост связал я,
Так я ж для вас связал,
Зачем же вам вброд идти?
Вас вода унесет, мне на душу грех падет!»
К Торосу с жалобой тут народ пошел,
И Мгер пожурил Торос.

Протекло семь лет. Не вернулся Давид.
Мгер матери раз сказал:
«Где отец мой, марэ?
Твердят ребята: нет у тебя отца,
Пич ты иль сирота?
Как нет у меня отца? Пойду за ним!
Где мой отец?»
Мать ему: «Твой отец — Давид,
Он ушел в страну Гюрджистан,
Сорок богатырей женить и вернуться домой.
Золотое запястье он дал:
Коль родится сын —
Ему на руку навязать
И сына за отцом послать».
И Мгер сказал: «Пойду искать отца!»
Золотое запястье мать принесла,
Надела на руку ему
И указала путь в Гюрджистан.
Мгер из конюшни вывел жеребца,
Доспех надел и поскакал искать отца.

Вот поле перед ним.
Глядит: навстречу — чернобородый всадник
И девушка-краса с ним на коне.
Вскричал: «Эй, всадник,
Ты сам бородат, а она молода, —
Пристало ль тебе молодую везти на коне?
Отдавай красавицу мне!»
Всадник в ответ: «Ой, мальчуган,
Для тебя хороша, для меня — нет?»

А Мгер: «Мне лучше она пристала,
Оба — юные мы!»
Давид проехать хотел, но руку Мгер занес:
«Не дам тебе, отыму», — сказал.
Разгневался Давид, сказал:
«Э-гэ! Э-гэ! Каково!
Проезжал я моря,
Не замочил копыт у коня,
Узенький тут повстречал ручеек —
И он не пускает меня?
Исходил немало я скал-камней,
Не знал я преград для путей,
Увидел тут тоненький вал —
Больно он меня напугал!»
Лишь кончил Давид, Мгер сказал:
«Так этот узенький ручеек — я?
Так этот тоненький вал — я?
Слезай же с коня и вступим мы в бой!»
И слез с коня.
Давид сказал: «Обожди,
Я в сторону девушку отведу,
И сразимся с тобой».
— «Отведи!» — сказал Мгер.
Свел девушку Давид на верх горы,
А сам вернулся назад.

Давид и Мгер сошлись в бою,
Один на один бьются.
Как бьются они?.. Так бьются они:
Словно летом плугом стали пахать
По сухому. Дробятся в прах
Горы и камни под их пятой.
Пыль, клубясь, неба лицо облекла,
Струится пот, замешалась грязь.
От моши палиц их
Встал вихрь, платок Давидов унес,
Унес и бросил к порогу Хандут.

Из дома вышла Хандут,
Посмотрела — пыль покрывает мир,
А у двери платок лежит.
Взяла, узнала запах платка, сказала:
«Да это платок Давида!»
Прислушалась — от грома поле гудит.

Вскочила на коня, понеслась.
Глядит, пыль и мгла кругом.
Всмотрелась, видит Хандут —
Не две ли горы друг на друга идут?
Ударяют горы друг друга в грудь —
То Мгер с Давидом сшибаются грудь о грудь,
Оба в крови плывут.
Не подойдет человек.

Тут стала Хандут голосить-кричать:
«Давид, не бей,
Давид, не бей!
Ведь это — младенец единственный наш!»
И рад бы Давид не бить,
Но сам в глубине души устрашен,
От страха Мгера разит.
А Мгер, тот матери сказал:
«Ты не тужи, удары его —
Как с Цовасара ветерок,
Лишь волосы едва шевелят мне».

Хандут-хатун кричит:
«Мгер, не бей его,
Мгер, не бей!
Ведь это наш чернобородый Давид!»
Не слушался Мгер.
Тогда запела Хандут:
«Что, горы, стоите кругом?
Что, долы, лежите кругом?
Разнимите же сына с отцом!»

Но разве горы, долы помочь придут?
Нет, горы, долы помочь не придут.

Хандут-хатун воззвала:
«Благословен всеблагой господь,
Ты милостью велик.
Вели, чтоб архангел слетел Гавриил
И рознял сына с отцом».
И бог повелел, Гавриил-архангел слетел,
Он коснулся рукой и рознял сына с отцом,
Точно двух петухов
Кто-то вдруг разогнал.

Повернулся Давид, сказал:
«Ты, парень, убить меня мог — а потом

Как встретился бы с моим удальцом?»
Тот спросил: «А кто удалец твой?»
Ответил: «Тот удалец мой,
У кого запястье на правой руке».
Склонил Мгер очи к правой руке,
Глядит: золотое запястье на ней.
Заплакал, подошел, руку Давида поцеловал,
Сказал: «Ты мой отец, я согрешил!»

Давид вскричал, сказал:
«Мгер, раз ты боролся со мной
И через тебя познал я стыд —
К благому взываю творцу:
Да будешь бессмертен ты и бездетен».

Как проклял Мгера Давид,
Разгневался Мгер, поехал в Капут-кох.
Сорок юношей позвал,
Сорок девушек позвал, сели за стол,
Семилетнее стали вино гранатное пить.

СМЕРТЬ ДАВИДА И ХАНДУТ-ХАТУН

Взял Давид Хандут, приехали домой,
И девушку Давид привез домой.
Как сражался с Мгером Давид,
Он весь обагрился кровью.
Сказал: «Хандут, воды принеси, умоюсь я».
Давид одежду снял, умыться хотел.
Взглянула жена — а крест на его руке
Почернел весь, как уголь стал.
Заплакала, загрустила она.
Давид сказал: «Жена,
Чего ты плачешь и грустишь?»
Она же: «Ратный крест на руке твоей
Почернел, как уголь стал».
А он: «Хандут-хатун,
То не Мгер мечом мне голову разил,
То мой Ратный крест поражал меня!
Жена, мой долг к Чымшкик-султан идти,
Я клятву дал вернуться через семь дней,
Прошло семь лет, обманул я ее,
Я еду, жена».

И в тот же час он встал,
Коня Джалали оседлал,
Опоясал Молнию-Меч и ускакал.
Скакал, скакал, доскакал до чертога
Чымшик-султан.

Увидела она,
Что подъехал Давид к чертогу ее, сказала:
«Давид, ты на семь дней мне клятву давал,
А прошло семь лет!
Без мужа осталась я,
На дорогу глядела, ждала».
Давид сказал: «Ну, приготовься,
В бой выйдем на майдан!»
Она сказала: «Дай мне час,
Для боя оденусь я,
В доспех облачусь, жди!»

Давид привязал коня Джалали
У двери Чымшик-султан, а сам сказал:
«Конь останется тут,
Я же к реке спущусь, окунусь,
Пока облачишься в доспех».

Одежду снял Давид,
В реку вошел.
Тростник у берега рос.
Вот дочка Чымшик-султан
В руки взяла стрелу, отравила ее,
В тростник зашла, притаилась там.
Пока Давид купался в реке,
Подкралась девочка тайком
И пустила в Давида стрелу.
Вонзилась в спину, вошла стрела,
Наружу вышла через грудь.
Вонзилась, и вскрикнул Давид,
А голос его — семи буйволов крик,
Он долетел в Сасун.

Кери Торос услыхал тот крик,
Сказал: «Молодцы, лао, вставай,
Убили Давида».
Кери Торос, Ован-Горлан,
Чынчха-порик, Котот-Мотот,
И Хор-Манук, и Хор-Гусан — все скопом пошли.

А Ован-Горлан из Сасуна вскричал:
«Давид, мы идем!»
И на помощь к Давиду пришли.
И дошли до той воды.
Давида спросил Кери:
«Удалец, лао, кто тебя поразил?»
А тот: «Не ведаю, кто поразил, —
Кто-то из тростников меня поразил!»

Тогда пошли к тростникам.
Пошли, набрели, глядят:
Голубоглазая девочка там —
От Давидова крика со страху она умерла.
А Давид, как узнал, что сразила его
Дочка Чымшик-султан,
Сказал: «Мой червь — в теле моем,
Мое семя убило меня!»

Так молвил Давид,
И замолк, и дух испустил, —
Вашим детям он солнце свое завещал.

Он умер. Взбесился конь.
Он привязь сорвал, выбежал вон,
Сколько в пути ни встречал людей,
Скота, лошадей — он всех
Копытами бил, топтал.
Примчался, возле дверей Хандут-хатун стал.
Вышла Хандут-хатун, посмотрела.
Видит, конь прискакал, а хозяина нет.
Тотчас весть приняла,
Что пропал Давид — его нет.
Кери Торос сказал:
«Принесите, други, Давида,
Посадим в седло, привяжем к коню,
Поедем, джигитуя, в путь —
Быть может, не поймет Хандут,
Что скончался Давид».

Но Хандут на крышу взошла —
Высока их крыша была,
Был на скалах построен дом.
На четыре она стороны глядит:
Живым или мертвым вернется Давид?

Глядит Хандут и видит:
Вон, джигитуя, едут они,
Но не дрогнет Давид в седле,
Хандут поняла, что мертвый едет Давид.
Сказала:
«Вот достойный вернулся,
Недостойный вернулся,—
А мой храбрый Давид не вернулся!»

А Трус-Берго, старикашка,
На крыше рядом с ней стоял,
Он подошел, сказал Хандут:
«Без боя пал Давид — теперь
Быть хочу я любезным тебе!
Храбреца Давида лишилась ты —
Другой найдется муж-господин!»
Вскричала Хандут:
«Свет солнца отныне
Запретным мне будет,
После Давида не буду я жить!»

Взошла Хандут на крепость
И с башни бросилась вниз,
О камень грянулась головой —
И выбила в том камне яму.
И стали сасунцы просо всыпать туда:
Всыпают и в яме толкнут, как в ступе.
Где пали груди ее, там бьют два студеных ключа,
А на месте семи ее кос и поднесь
Семь черных стоит столбов.
И теперь еще лежит
Перед крепостью ступа.

Пришли, увидали, что не стало Хандут-хатун.
Одно горе стало двумя!
Кери Торос сказал:
«Кто же успел ей сказать?»
Говорят: «Ей Трус-Берго сказал».
Торос сказал: «Старый пес, подождал бы нас!»

Принесли, сбернули саваном их,
Связали друг с другом мертвых.
Вот сорок иереев, и сорок чернецов,
И сорок дьячков,

И с ними городской весь люд
С рыданьем, молитвами, воплем
Их в Цовасар проводили.
У Марута, близ церкви погребли,
Недельной скорбью почтили.

Господь, помилуй души их!
А вам всем — здравствовать да жить!

Ветвь четвертая
МГЕР МЛАДШИЙ

*Вечная память тебе, Младший Мгер!
Вечная память тебе, Гоар-хатун!
Вечная память тебе, Ован-Горлан!
Вечная память тебе, Кери Торос!*

*О Давиде семь песен мы спели,
Приступаем к ветви о Мгере.*

МГЕР МСТИТ ЗА ОТЦА

Как умер Давид,—
Вашим детям свой век подарил,—
Сын его Мгер в Капут-кохе был.
Не чуял Мгер, что отец убит.
Меж юношей сорока,
Меж девушек сорока
Сидел за столом,
Семилетним гранатным вином веселился.

Вот призадумался Кери Торос,
Сказал: «Дождемся, Ован-Горлан,
Что Чымшик-султан пойдет на нас,
Кремневым градом сметет Сасун.
Вставай, лао, идем,
Поведем и Мгера, Давида сына, с собой:
Он за Давида отмстит.
Да и Сасунский дом наш пуст,
Пусть печется о доме Джоджанц».
Взял он Ована-Горлана с собой,
Взял семь воловьих шкур,
Пустились в Капут-кох.
Пришли, с правителем речь повели:
«От невестки и брата есть младенец у вас,
Где он?»
А тот в ответ: «Умер он!»
А был за семью воротами Мгер укрыт.
У каждого ворот сторожа стоят,
В зурну дудят и в бубен бьют,
Чтоб голосов не слышал Мгер.
Мгер как крепость стоял,
Вступить в Капут-кох он врагам не давал.

Сказал Кери Торос:
«У покойников наших примета есть:
Годовалые наши ростом в десять алепских локтей,
Двухлетние — ростом в двадцать алепских локтей,
И на каждый годок прибавляется десять локтей.
Легко узнаем мы могилы своих».

Встают, на кладбище идут,
Ни одной похожей могилы нет.
Сказал Ован-Горлан:
«А ну, заверните меня в семь шкур,

Чтоб я крикнуть мог!»
Завернули Ована в семь шкур,
На высокую гору все поднялись,
И крикнул Ован-Горлан:
«Мгер, эгей, ты пей!
Мгер, эгей, ты пей,
Вино гранатное пей,
Отец твой убит,
В гробу лежит семь дней!»

Послышалось Мгеру, что кличут его,
А бубен всё бьет, всё дудит зурна.
Тут к зурнам взмолился Мгер:
«Молчите, мой род говорит со мной!
Зов слышу я, но откуда он?
С востока он? С запада он?
Не пойму — с юга он или с севера он?»

Тут крикнул брат отцов:
«Меж севера он,
Меж юга он,
Меж востока он,
Меж запада он!
Отец твой убит,
Семь дней, как скончен.
Бродит месть его по земле.
Разве ты не придешь
Отомстить за отцовскую душу?
Иль ты не овен из Сасунского дома?!»

А бубен всё громче, зурна всё шумней!
Молвил Мгер:
«Я пойду, брат отцов говорит со мной!»
Хотел выйти Мгер, но страж сказал:
«Не Сасунский твой род тебя зовет,
Это дети волят, да бубен бьет».
Тут в третий раз Мгер заслышал зов —
Он ворота разбил, вышел вон,
Разбил все семь ворот.
Он первые с петель ногой своротил,
Вторые он — первыми, третьи — вторыми сбил,
Все семь ворот разбил, вышел вон.

К Кери Торосу подходит он.
Сказал Кери Торос:

«Дай-ка я испытаю его, Ован!
Коль Давидов он сын — с собой возьму,
Коль не сын Давидов — убью,
Уйдем назад в Сасун!»
К Кери Торосу подходит Мгер,
А тот — давай его задирать.
«Лао, — говорит, — ты куда идешь?
Уж больно гордо шагаешь ты!»
— «Двое звали меня, — отвечает Мгер, —
А где искать их, не знаю».
Торос ему: «Да кто ты такой, чтобы звали тебя,
Давно ль грудь сосал?»
Мгер в ответ: «Человек я, такой же, как ты!»
Кери Торос ему:
«Ну, хочешь, булаву метнем?
Ты — мальчишка, так первый мечи,
А я метну потом».
Замахнулся Мгер булавой,
Разогнался Кери на Лазги шестиногом своем,
Под грудью у Лазги пролетела она:
Промахнулся Мгер.
Обернулся Торос, распрямился.
«Теперь, — говорит, — держись, лао,
Ударю тебя копьем».
Ударил Кери копьем.
Он Мгерову ногу к седлу пригвоздил,
А как вырвал копье — не охнул Мгер.
Не охнул Мгер, тут сказал Кери:
«Ну, лао, да кто ж твой отец, скажи,
Поведай, кто твоя мать?
А я-то ублюдком тебя почитал.
Когда ударю копьем —
На куски расколовшись, дробится скала,
А ты и не охнул, сынок».
— «Сам ты ублюдок, — ответил Мгер,
Отец мой кровный — Давид,
Хандут — моя кровная мать».

Тут друг друга узнали они,
Мгер узнал тут Кери
И Ована-Горлана узнал.
«А где же отец?» —
Спросил он их.
И ответил Ован-Горлан:
«Отец твой убит, умерла твоя мать!

Скоро к нам Чымшик-султан придет,
Кремневым градом сметет Сасун!»

Заплакал, пал на колени Мгер,
Голову в землю зарыл.
Как на землю он пал —
Подбежали к нему Кери и Ован,
Не могли они Мгера от земли оторвать.
А Мгеровы слезы, землю прорыв,
Глубокой рекой потекли.
На третий день шевельнулся Мгер
И молвил, встав с земли:

«Лучше очи закрой, дитя, дитя, чем жить сиротой,
Отцовской повязкой цветной не ласкать очей!
Лучше очи закрой, дитя, дитя, чем жить сиротой,
Его опояской стальной не ласкать очей!
Лучше очи закрой, дитя, дитя, чем жить сиротой,
Мечом его, Молнией той не ласкать очей!
Лучше очи закрой, дитя, дитя, чем жить сиротой,
Рубахой кольчужной его не ласкать очей!
Лучше очи закрой, дитя, дитя, чем жить сиротой,
Чеканкой сапог боевых не ласкать очей!
Лучше очи закрой, дитя, дитя, чем жить сиротой,
О конь Джалали, и тобой не ласкать очей!»

Так он молвил и сел на коня,
С ним Кери Торос и Ован-Горлан.
Пустились в путь, к Сасунской земле.

На пути в Сасун стоял монастырь,
Звался он — Храм жертв, Матхаванк.
Семь царей, Давидовых врагов,
Проведали о том, что близко Мгер,
Что этой дорогой проедет в Сасун.
Пришли к игумену они, сказали:
«Когда приблизится Мгер, станет здесь проезжать,
Ты к нам человека пошли, извести».
Был умысел у них
Пересечь дорогу, Мгера убить.

Ввечеру приблизился Мгер.
Остановился вдруг Кери Торос.
Ехал он впереди, Ован и Мгер позади.
Увидел Мгер, что стал Торос, спросил:

«Кери, чего стоишь?»

Торос ему: «Навалили бревнищ,

Загородили путь,

Враги придут, нападут на нас!»

(А это игумен путь завалил,

Рассудил: станет бревна Мгер убирать,

Притомится он,

Заночует в монастыре.)

«А что надо сделать, — Мгер спросил, —

Чтоб расчистить путь?»

— «Одно надо сделать, — молвил Торос, —

Давида к нам вернуть!

Я бы те бревна копьем подымал,

Он бы их руками хватал да в сторонку бросал»

Тут Мгер ему: «Кери, подымай, я стану бросать!»

Торос ударил копьем,

Бревнище поддел, приподнял,

Подал Мгеру, сказал:

«Бери, в сторонку бросай».

Мгер обнял бревно,

К обрыву поволок

И в пропасть столкнул ногой.

Так все бревна убрали одно за другим

И к ночи расчистили путь.

Поскакали, приехали в монастырь.

Отвел им игумен лучший покой,

Накормил их лучшей едой, а сам

Тайком снарядил гонца к царям-врагам.

Тут Мгер, Ован-Горлан, Кери Торос —

Отужинали, спать улеглись.

Проснулся первым Кери Торос.

Глянул, видит: войска семи царей

Пришли, монастырь обступили кругом.

Увидел войска Торос,

Окликнул Мгера, вскричал:

«Вставай-ка, ты, Мгер, наружу глянь,

С войсками пришли семь царей,

Монастырь обступили кругом».

Рассердился Мгер, глаза протер,

И Ован-Горлан проснулся, встал.

К окну подошли, глядят:

Деревья в лесу не всякий сочтет,

А войскам тех царей пропал и счет —

И игумен с ними.

Молвил Мгер: «Кери, я пошел,
Ступайте и вы за мной».
Пошел, коня оседлал, поскакал.
Поднялись и Ован с Кери,
Оседлали коней, пустились вскачь.

Врубился в войско Мгер.
Направо рубил, налево рубил,
Всё войско он искромсал, умчал,
Как буря мчит комариный рой.
Глядят на бой Ован и Кери,
Сердца у них разожглись.
Тополище каждый с корнем рванул,
Взвалил на плечо, вломился в бой.
Увидел Мгер, спросил:
«Вы что ж, деревьями воевать?»
Они в ответ: «Ну да, лао, —
Увидели мы, как ты стелешь снопы на току,
Как веешь обмолот,
Вот и мы наметаем с краев».
Перебили, прикончили все войска,
Воротились, пришли в монастырь.

Мгер за бревно ухватился рукой,
Он игумена за ворот сгреб другой,
Он сунул его под бревно головой,
Придавил, сказал:
«Пусть монастырь проклятый тот
Не Храмом жертв зовется вперед,
А Храмом предательства зовется вперед».

Ускакали все трое, вернулись в Сасун.

Когда пришли они в Сасун,
Открыл сундук Ован-Горлан,
Сапоги, одежду Мгеру дал,
Привел коня Джалали,
Молвил: «Сын, одевайся, садись на коня.
Ты — последний Сасунского дома овен,
Для кого ж всё это беречь?»
Взял одежду Давидову Мгер,
Кольчугу надел, сапоги надел
И бархатный кафтан надел,
Стальную уздечку вдел в рот коню,
Надел на коня с перламутром седло,

Опоясался он Молнией-Мечом,
Взял в правую руку копье храбреца
И палицу дедов взвалил на плечо.

Он вывел коня, хочет сесть на него.
Сказал ему конь Джалали:
«Эй, щенок, велика, знать, сноровка твоя,
Коль на меня вздумал сесть!
Не сядешь, силенок не хватит!»
Ответил Мгер: «Конь Джалали,
Не омрачай ты меня.
Ведь и я овен из Сасунского дома».
Конь Джалали ему:
«Давидову память любя,
За дерзкое слово прощаю тебя,
Садись!»
Сел Мгер на коня,
Кери и Ована вперед пропустил.
На Чымшик-султан идутвойной.
Сказал Ован-Горлан: «Ох, горе мне!
Мгер — несмышленыш, а я — старик,
Старый да малый, — где ж нам воевать!»
— «Дядюшка, — молвил Мгер, —
Иль не сасунцы мы?
Нет, из Сасунского рода мы.
Пусть мы умрем — через наши гроба
Не переступят цари.
Подгоним коней — и в бой!»
И конь Джалали свое слово сказал:
«Ован, безверный, боишься чего?
Будь войско хоть втрое — одолеем его:
Хвостом смахну,
Копытом собью,
Дыхом спалю,
Всё сокрушим пред собой».

Пустились и скачут, к стенам подошли.
«Ну, дяди, — Мгер спросил, —
Город будете брать или войско гнать?»
Подумали те, говорят:
«Нелегко будет нам, коль на город пойдем,
Нам стен не свалить вдвое!»
Мгер им: «Вдвое меня тяжелее каждый из вас,
Я обоих вас вместе пошлю,

А сам пойду один, —
Согласны?»

Тут сказали Ован и Кери:
«Мы на город пойдем!»
И на город пошли.

И поднял Мгер Меч-Молнию отцов,
Погнал. И вломился он в войско врагов,
Направо махнул, налево махнул —
Воинов нет, пахлеванов нет,
Кто в поле был, он всех перебил, сказал:
«Отец отмщен!»

Он схватил Чымшик-султан,
К хвосту коня Джалали косы ее привязал.
Рванулся конь Джалали, по кускам ее разметал,
Косы одни на хвосте висят.

Сказал: «Пойду, погляжу,
Как управились дядя мой и Кери».
Пришел Мгер, глянул: весь город в обломках лежит.
Кошка одна на шипе минарета сидит,
Таращится на Мгера.
Чинару выдернул Мгер,
По минарету хватил, кошку сбил,
Пошел крушить.
Потом взобрался на гору Немруд.
Глянул, видит: дымок
По ветру летит.
Глянул снова: старая ведьма
В сторонке огонь разожгла.
Все трое к ней идут.
«Ты зачем дымишь?» — говорят.
Ведьма в ответ: «Чтоб не хвастали вы,
Будто весь вы разрушили город Хлат,
И ниоткуда не вьется дым».
Схватил старуху Мгер, два дерева пригнул,
К деревьям ноги ее привязал
И снова отпустил.
Так он ведьму убил,
И не вьется больше над Хлатом дым.
«Охай! — сказал, — отец мой отмщен».

С Ованом-Горланом и Кери в Сасун вернулся он.

ЖЕНИТЬБА МГЕРА И ЕГО СТРАНСТВИЯ

Прошло немало дней.
Молвил Мгер: «Пойду я, дядя, по свету,
Засиделся я здесь.
Ни потомства нет у меня.
Ни смерти мне не дано!»

Встал он, Меч-Молнию взял,
Вскочил на коня Джалали,
Пустился в путь.

Ехал, ехал Мгер,
Вдруг видит: дорога уткнулась в лес,
Деревья ему заступают путь.
Врубился в них, напрямик проскакал.
Так ехал до утра
И уперся в гору-утес.
Не хотел ворочаться Мгер,
А утес стоял, не пускал.
Вдруг видит Мгер: лиса бежит,
По лисьему следу пустился он,
Всё вверх да вверх, взобрался на утес.
Глянул вниз: там царский город лежит.
Поскакал он, куда дорога звала.
К прекрасной пещере дорога вела,
Присел он там отдохнуть.
Вдруг видит он: олень
Несется, свесив язык.
Он лук натянул, стрелу пустил,
В оленя попал, подстрелил.
Огонь развел, зажарил его.
Глядит: из чащи летят
Двадцать всадников, Мгера бранят.
«Зачем убил оленя Мгер, — кричат, —
Давида, безумца сасунского, сын, —
Как он смел оленя царского убить?!»
Услышал Мгер, нестерпело сердце его,
Встал, пустился за ними вскачь.
Как увидели Мгера они,
Повернули коней, ускакали.

То был Мгер! Ехал, ехал он,
Прискакал к столице Пачика-царя.
Он слез с коня, разбил шатер.

Сказали Пачику-царю:
«Приехал Сасунский Мгер,
Под стенами разбил шатер».
Пачик-царь со свитой идет —
Все векилы, везиры с ним.
Он ко Мгеру навстречу вышел, сказал:
«Еще в те дни, как твой отец
С Мсра-меликом воевал,
Отец твой и я, мы дали обет».
— «Какой вы дали обет?»

Пачик в ответ: «Мы так поклялись, отец твой и я:
«Коль у меня родится дочь, а у тебя родится
сын, —
Дочь отдам за сына твоего,
Коль у тебя родится дочь, а у меня родится сын, —
Дочь отдашь за сына моего!» —
Еще сказал: — Отцу твоему — тебя господь
даровал,
А мне все вышний — дочь даровал,
Возьмешь ли в жены дочь мою?»

Мгер сказал: «Посмотрю, полюбится — возьму,
Не полюбится — не возьму».

Тут Мгера принял царь и к дочери повел,
А звалась она Гоар-хатун.
Глянул Мгер, полюбилась ему Гоар,
А он полюбился ей.

Ночь прошла. Гоар пробудилась от сна,
Встала, глянула из окна.
Видит, Мгер лежит под шатром.
Видит, мал ему шатер,
По колена высунул ноги Мгер.
Зашемило в груди у Гоар, сказала Гоар:
«Ударит солнце Мгера».

Тут встала она, взнздала гнедого коня,
Надела красную капу,
В свой доспех облеклась,
К шатру подошла,
Полу шатра подняла, закричала: «Мгер,
Берегись, — тебя солнце убьет!»

Мгер сказал: «Ну, а как мне быть,
Коли мал шатер?»
— «Шатер не мал, — сказала Гоар, — большой он,
Да больно тело твое велико!»

Мгер сказал: «Ладно, дай мне поспать».

Она ему: «Встань, Мгер, я сын Пачика-царя,
Пришел я тебя испытать.
Вставай, борись со мной.
Коль победишь меня —
Возьмешь сестру мою Гоар,
Ускажешь с ней,
Не победишь меня —
Простись с головой своей!»
Встал Мгер, он вышел на майдан,
И вышла на майдан Гоар.
Мгер метнет булаву — ее подхватит Гоар,
Гоар метнет — подхватит Мгер.
Одолеть друг друга не могли.
Сказала Гоар: «Довольно, Мгер,
Мы заморим наших коней.
Ну, ступай в шатер, отдохни,
Пришлю тебе еды, питья,
Поешь, попей, засни».

Гоар повернулась, ушла.
Меру Мгерова голода знала она,
Пошла, зажарила овцу,
Приготовила хлеб и бурдюк вина,
Прислужник понес еду и питье,
Принес их Мгеру в шатер,
Насытился Мгер, хлебнул вина,
Улегся спать до утра.

День взошел. Гоар в свой доспех облеклась,
Надела черную калу,
Взнуздала черного коня,
К шатру подошла, шагнула в шатер.
Сказала: «Мгер, Давидов сын, — ты ли?»
Ответил Мгер: «Да, я».
— «Мою сестру Гоар сватать пришел — ты ли?»
Ответил Мгер: «Да, я».
— «А ну, вставай, играть давай.
Коль выиграешь ты —
Сестру Гоар тебе отдам,
Ускажешь с ней,
Коль выиграю я —
Пропала голова твоя!»
Мгер спросил: «А что за игра?»
Она ему: «В твой перстень будем стрелять,
Через перстень стрелу пропускать.

Кто не сумеет, тот проиграл».
А Мгеров перстень был не мал —
Стрела пролетала насквозь.

Нацелилась Гоар.
Стрела Гоар через перстень прошла, —
Не шелохнулся он.
Вот и Мгеров черед настал.
Нацелился Мгер —
Тут Гоар к нему подошла,
Обернулась к нему лицом.
На лицо Гоар загляделся Мгер
(Красива была Гоар),
На Гоар украдкой глянул Мгер,
Пустил стрелу.
Пустил он стрелу — свой перстень сбил,
Через перстень стрелу пропустить не сумел.
Шагнула к нему Гоар.
«Слово крепко, — сказала, — простись с головой».
А Мгер в ответ:
«Нет, ты мой глаз обманул,
Обернулся ко мне лицом,
На тебя загляделся я».
Тут перстень Гоар подняла, сказала: «Мгер,
Стреляй: через перстень пропустишь стрелу —
Слово крепко — отда姆 за тебя Гоар,
Не пропустишь — простись с головой!»
Нацелился в перстень, выстрелил Мгер,
Через перстень стрелу пропустил.

Сказала тут Гоар:
«Ты достоин стать мужем Гоар,
А всё ж скажу еще раз: „Бойся солнца, Мгер!“»
Повернулась, ушла, прислала второй шатер,
Над ногами Мгера велела разбить.
Тут понял Мгер, что боролся с ним — не царский
сын,
А царская дочь, сама Гоар.

И вскоре Мгер обвенчался с ней.
Пировали на свадьбе семь дней, семь ночей,
Всяк ел и пил, всяк весел был.

Лег Мгер с женой своей Гоар.
Меч она принесла, положила меж ним и собой.
«Царь Запада требует дани у отца моего, —

Так молвила Гоар, — от дани
Освободи отца,
Тогда — жена я тебе, ты мне — муж!»
Легли, заснули. Встал день, поднялись,
Сел Мгер на коня, пустился в путь.

В царство Запада прискакал.
Там люди глянули, видят — Мгер.
Он едет один, на коне верхом —
Утес на утесе другом, —
Рты разинули, диву дались,
Собрали войско, на Мгера пошли,
Погнал тут Мгер коня Джалали,
Налетели на войско Мгер и конь,
До полудня рубили, топтали врагов.
Царство Запада Мгер покорил,
Вернулся к Гоар, сказал:
«Царь Запада убит —
Некому требовать дани у отца твоего».

Прошло немало дней.
Вот встал Ован-Горлан.
Он Мгеру грамоту послал,
Так написал в ней: «Мгер,
Подросли Козбадиновы внуки, дерзки они,
Пришли, осаждают город Сасун.
Одни я, нет сил у меня.
Вставай, приди, поспеши».

Мгер молвил: «Слушай, жена,
Булаву оставлю тебе, к дверям ее прислони,
Придут пахлеваны-враги,
Увидят мою булаву,
Не тронут тебя,
Подумают: Мгер дома, спит».

Встал Мгер, пустился в путь. К Сасуну подъехал он.
И как подъезжать к Сасуну стал,
Заплакал, затосковал.
В поздний час довелось приехать ему.
Дядя спал, запервшись в дому.
Крикнул Мгер:
«Дядя, дядя, родной, вставай,
Ты не спи, ты вставай,
Ах, вставай же, вставай!»

Ованова слуха коснулся зов, он молвил сквозь сон:
«Далекий голос ко мне дошел, коснулся моих ушей,
Сквозь глубокий сон вошел в мой слух».
Жена ему: «Спи, никакого голоса нет.
Эх, ты, — сказала, — в Сасуне сидишь,
Заперся в дому,
А всё боишься?»
Ован в ответ:
«Ну да, боюсь,
Стар я стал, а родные вдали!»

Встал на крышу Мгер,
Вновь крикнул он:
«Дядя, дядя, родной, вставай,
Мой дом оставлен, забыт,
Дверь мою булава сторожит,
А дочь Пачика-царя мою булаву хранит».
Встал, выбежал Ован,
Мгера в голову поцеловал,
Сказал: «Говоришь, твой дом забыт,
Как же бросил его, пришел?»
Мгер в ответ: «Я так оставил дом,
Что лишь бог и ангелы знают о том».
Ован: «Булава, говоришь, твою дверь сторожит?»
Мгер: «На той булаве камень есть, джаваир,
Из него высекает солнце огонь,
Не посмеет никто подойти к дверям,
А как ночь придет, — сказал, —
Зажгутся свечи кругом —
Вспыхнет вновь джаваир, врагов отпугнет».

Ован: «Благословен твой приход — тысячу раз.
Я знаю, Давида заменишь мне ты».
Мгер: «А кто воюет с тобой?»
Ован: «Козбадиновы внуки, — сказал, —
Их четверо, каждый — зверь».
Мгер: «Иду, — сказал, —
Четверых изловлю, приведу;
Убить иль живыми привесть?»
Ован ему: «Одно из двух:
Приведи иль убей».

Встал на рассвете Мгер,
Он сел на коня, погнал,
До поля Лерва скакал,

А полем Лерва, глядит, —
Козбадиновы внуки идут.
Как увидели Мгера, натянули луки они,
Долетела стрела, коню Джалали в копыто вошла.
Спешился Мгер, ударил мечом,
Половину стрелы отрубил,
Другая — глубже ушла.
Мгер всех четверых поймал,
Живыми к дяде привел.
Поднял ногу конь Джалали.
Увидел Ован, сказал:
«А что с конем твоим стряслось?»
Нагнулся, видит: в копыте стрела.
Пошел, изумруд и яхонт принес,
Растопил их, в рану влил,
Ожил конь, краше прежнего стал.

Развязал Козбадиновых внуков Мгер
И пригвоздил
Направо от двери двоих,
Налево от двери двоих.

Сел Мгер на коня Джалали,
Домой поскакал к Гоар-хатун.
Ехал, ехал Мгер,
Вдруг видит он — пахлеваны идут,
Сорок их, ко Мгеру навстречу идут.
Видит Мгер: не кони, верблюды у них.
Поздоровался он, те поклоны бьют,
Хвалу ему воздают, говорят:
«Сорок нас, братья мы,
Нашим братом стань,
Будет нас не сорок, а сорок один».
Молвил Мгер: «Побрататься с вами готов,
Но сперва назовите мне город свой!»
Отвечают они: «Алеп».
— «Зачем вы покинули город свой?»
Отвечают: «Сестра захватила престол отца,
И нас прогнала,
Под небом живем!»
Молвил Мгер: «Идемте со мной,
Хочу посмотреть, что у вас за сестра,
Что царствует там».
Они ему: «Так знай же, Мгер,
Родилась людоедкой наша сестра,

И отца, и мать пожрала она,
Всех, кто в городе жил, пожрала она».

Мгер въехал в город пустой,
Навстречу ему старуха идет,
Глянул Мгер — людоедка она и есть.
Дал ей в лоб щелчок, сбил голову с плеч.
К сорока побратимам вернулся, сказал:
«Я убил людоедку, вашу сестру,
Возвращайтесь в свой город, живите там».
Тут пахлеваны, все сорок, ко Мгеру пришли,
Стали руки и ноги ему целовать,
Сказали: «Будь нашим царем,
Ты убил ее, ты нас освободил,
До смерти мы будем тебе служить!»
Мгер в ответ: «Я от вас ничего не хочу,
Не хочу ни вашим царем,
Ни хозяином города быть.
Я — сын Давидов, Мгер,
Не могу я остаться здесь.
Ни потомства нет у меня,
Ни смерти мне не дано!»

Сел Мгер на коня Джалали,
Приехал в город Джезиру,
В том городе есть река — Джезиру-Шат.
Когда разольются сто сорок рек —
Все сбегают в ту реку одну.
Трижды сметала город река.
Приехал в город Мгер.
Громадную скалу он притащил,
За городом в поток ее свалил,
На две реки поток разделил.
Одна река — налево течет,
Другая река — направо течет,
Меж ними город стоит невредим.
На скале он крепость с башней возвел,
А крепости той не разрушиться ввек.

Сел Мгер на коня, поскакал.
Приехал домой, глядит:
Как прислонил к дверям булаву —
Так булава и стоит,
Никто не входил.
Мгер в дом вошел,

Видит он: на тахте Гоар лежит,
Тронул руку ее — умерла.
Зажата грамота в руке.
Развернул, прочитал: «Прошу тебя, Мгер,
Когда приедешь ты и увидишь меня,
Возьми меня в Сасун,
Схорони меня рядом с Хандут-хатун».

Встал Мгер, жену к седлу привязал,
Взял с собой, увез в Сасун.
Сасунцы ему говорят:
«Умер дядя твой, Ован-Горлан».

Он жене гробницу возвел,
Схоронил ее рядом с Хандут-хатун,
Заупокойных сорок отслужил,
Всех умерших почтил,
Весь Сасунский дом помянул.

УХОД МГЕРА В СКАЛУ

Из Сасунского дома вышел Мгер,
Видит он — увязают ноги в земле.

К материнской могиле припал, сказал:
«Встань, марэ, встань, марэ!
Я Мгер, сын груди твоей!
Девять месяцев Мгера носившая,
Много мук на веку своем узнавшая,
Так долго сын твой по свету блуждал,
Он слаще тебя никого не сыскал!»

Из-под земли прозвучало в ответ:
«Сынок, чем помочь тебе?
Сынок, чем помочь тебе?
Бескровны лица у нас,
Свет глаз давно погас.
Скорпионы и змеи
Надо мной свили гнезда.
Довольно скитаться тебе, сынок,
Довольно скитаться...
Твое место на Борон-утесе,
Ступай на Борон-утес!»

Звал долго Мгер —
Молчал материнский гроб.
Он к отцовской могиле припал, сказал:
«Ты встань, отец! Ты встань, отец!
Вот — я всех пережил, весь дом схоронил,
По земле я напрасно бродил.
Ты встань, отец, ты встань, отец!
Холодным снегом Сасун покрыт,
По колена в снегу твой сын стоит.
Ты встань, отец, ты встань, отец!
По сладкому запаху твоему стосковался я,
По сладкому голосу твоему стосковался я,
Так долго один скитался я!»

Из-под земли прозвучало в ответ:
«Чем помочь тебе, сын?
Чем помочь тебе, сын?
Бескровны лица у нас,
Свет глаз давно погас.
Скорпионы и змеи
Надо мной свили гнезда.
Довольно скитаться тебе, мой сын,
Довольно скитаться по свету
Твое место на Ворон-утесе.
Когда разрушится мир
И воздвигнется вновь,
Когда перестанет гнуться земля под конем

ТВОИМ, —

Тогда настанет твой день!»

Ждал долго Мгер —
Молчала могила отца.

Встал Мгер, поехал в Востана-капан.
Как приехал Мгер в Востана-капан,
Тут подстерег его один ишхан,
Он бросил петлю, Мгера связал.
Мгер вместе с конем попал в аркан.
Молвил Мгер:
«Хлеб и вино и сущий господь,
И ты, Всеышняя Марут!»
Рванулся Мгер, ударил мечом,
Освободил он коня Джалали
И к богу воззвал с мольбой:
«Или вступи со мною в бой,
Иль душу мою возьми».

Бог выслал семь ангелов на конях
Сразиться с Мгером.
С полудня до сумрака бились они,
Мечом-Молнией Мгер махал —
Меч ангелов не задевал,
Мечом-Молнией Мгер махал —
Сквозь ангелов меч пролетал.

А уж Мгеров конь на земле устоять не мог,
Конь шагнет — увязают ноги в земле.
Ослабела, осела земля,
Не хотела Мгера носить.
Молвил Мгер: «Ай-вах, всё напрасно!
Постарела сама земля,
Не поднять ей коня моего.
До ночи Мгер выбирался с конем —
Всё глубже конь увязал.
Взял Мгер коня под уздцы, повел,
К подножью горы пришел.
Вдруг перед ним
Встал утес.
Тут молвил Мгер:
«Ударю в скалу мечом,
Расколется — на мне нет греха,
Не расколется — грех на мне!»
Ударил Мгер в скалу мечом,
Пополам раскололась скала.
Мгер и конь Джалали в скалу ушли,
Скала замкнулась, срослась.

Узнал о том Кери Торос — с горя умер он.

Говорят, дважды в год
Раздвигается та скала:
В день Вардавара,
В день Вознесенья.
Лишь камни раздвинутся — Мгер
Сорокадневный путь совершает за час.
Едет он по камням,
На землю ступит — увязнет конь,
Не может шагать, кидается вспять.
Говорят, как-то раз,
На Вознесенье в ночь,
Одному пастуху довелось там быть.
Раздвинулась Мгера скала.

Вошел пастух, глядит:
В пещере исполин сидит.
Спросил пастух:
«Когда отсюда выйдешь, Мгер?»

Ответил Мгер:
«Коли встану, выйду на свет —
Не удержит меня земля!
Пока этот мир полон зла,
Пока будет лживая земля,
На свете мне — не жить.
Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда будет пшеница как лесной орех,
Как шиповника ягода будет ячмень,
Тогда придет мой день —
Отсюда я выйду в тот день!»

Ушел пастух,
Вновь сдвинулись камни, друг в друга вросли.
Говорят, что каждую пятницу
Из утеса струится вода,
Что бежит та вода от коня Джалали
И что каждую пятницу путники
Слышат ржанье коня Джалали.

*Великих праотцев наших
Сорок раз помянем добром!
Санасара и брата его Багдасара
Сорок раз помянем добром!
Мгера Старшего мы
Сорок раз помянем добром!
Тебя, ненаглядный Давид,
Сорок раз помянем добром!
Мгера Младшего мы
Сорок раз помянем добром!
Мы тысячу раз помянем добром
Великих Сасунцев дом!
Тысячу раз помянем добром
И мастера-старца,
Передавшего нам этот сказ!*

*Всем слушавшим нас — долгая жизнь,
Родившим их — вечный покой!*

ПРИМЕЧАНИЯ

О древнейшем языческом армянском эпосе впервые написал в 1850 г. знаменитый ученый-филолог Никита Эмин («Эпические песни древней Армении». Исследование Н. Эмина. На древнеарм. яз., М., 1850). Эмин обнаружил фрагменты эпоса в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, историка и писателя V в. Ученый попытался извлечь из «Истории...» и по возможности восстановить древнейший армянский эпос, использованный Мовсесом Хоренаци.

Свои взгляды на эпос Никита Эмин развил в более позднем сочинении «Моисей Хоренский и древний эпос армянский» (М., 1881). «По своему содержанию армянский Эпос состоял, судя по уцелевшим его отрывкам,

1. из песен, имевших предметом действия родоначальников и царей из династии Хайка;
2. из песен, в которых воспевались подвиги армянских же царей, но в борьбе с божеством сирийским и титанами;
3. из песен, в которых изображались ассирийское нашествие и войны ее с Арменией;
4. из песен, в которых основанием служили мидийские сказания, воспетые армянскими випасанами.

Помимо чисто исторических песен были также

5. песни теогонические, в которых излагались происхождение богов, полубогов с их подвигами...» — писал Эмин в названном сочинении (с. 33—34). Здесь же (с. 77, примечания) он обратил внимание на изданный в 1874 г. Гарегином Срвандзяном вариант средневекового армянского эпоса «Давид Сасунский, или Дверь Мгера».

Никита Эмин отсыпал читателей к Срвандзяну из-за напрашивавшейся параллели — образ прикованного к горе Масис Артавазда, входящий в древнейшим армянским мифам, и образ заточенного в пещеру Мгера Младшего.

Средневековый армянский героический эпос о сасунских богатырях действительно связан с древнейшими армянскими мифами и сказаниями, с древнейшим эпосом Армении, но в целом эпос сформировался в VIII—IX вв., в период, когда армянский народ в борьбе с могущественным арабским халифатом отстаивал свою независимость. Историческое ядро поэмы — события VIII—IX вв.

Гарегин Срвандзян оказался первым армянским ученым-фольклористом, который обнаружил и опубликовал один из вариантов армянского средневекового героического эпоса. Упомянутая публикация Срвандзяна (1874 г.) была первой. Именно этому ученому принадлежит честь открытия эпоса.

В последующие годы много занимался эпосом (записи вариантов, фундаментальное исследование) М. Абелян, а также К. Мелик-Оганджанян и другие ученые. Подробный обзор литературы об эпосе (статьи, исследования, издание вариантов) за 1874—1936 гг. дан в статье М. Абеляна «Об армянском народном эпосе „Давид Сасунский“» в кн.: «Давид Сасунский». Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса, Ереван, 1939, с. 57—95. См. также статью Г. Григоряна «Из истории записей и изданий вариантов эпоса „Давид Сасунский“» в кн.: «Сасунцы Давид», Ереван, 1977, с. 3—20 (на арм. яз.).

Записи наиболее ценных вариантов эпоса изданы на армянском языке (с сохранением диалектных особенностей сказителей) в трех томах под общим заглавием «Сасна Црер»:

«Сасна Црер», том первый, редакция М. Абеляна в сотрудничестве с К. Мелик-Оганджаняном, Ереван, 1936; том второй, часть первая, редакция М. Абеляна в сотрудничестве с К. Мелик-Оганджаняном, Ереван, 1944; том второй, часть вторая, редакция М. Абеляна в сотрудничестве с К. Мелик-Оганджаняном, Ереван, 1951; том третий, запись вариантов, подготовка текста С. Арутюняна и А. Саакяна, Ереван, 1979.

Отдельный том составили варианты, записанные Григором и Ваагном Григорянами: «Сасунцы Давид», Ереван, 1977. Кроме того, на основе первых двух томов «Сасна Црер» составил однотомник избранных вариантов эпоса Саркис Арутюнян: «Сасна Црер», Ереван, 1977. Из десяти вариантов эпоса, вошедших в этот сборник, лишь один публиковался здесь впервые (сказитель Ованес Акопян из села Астхадзор Мартунинского района Армянской ССР, записал в 1973 г. С. Арутюнян).

В разное время обращались к эпосу, к различным его вариантам армянские писатели. Наиболее известны обработки Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Егише Чаренца и Наира Зарьяна.

В 1939 г. вышел в свет сводный текст эпоса «Сасунцы Давид». Над сводным текстом работали Манук Абелян, Геворг Абов, Арам Ганалян. «Главная заслуга составителей сводного текста в том, — писал академик И. Орбели, — что они впервые дают возможность широким кругам читателей познакомиться в связном изложении с этим замечательным эпосом во всем его величии» («Давид Сасунский». Армянский народный эпос. Предисловие И. Орбели, М.—Л., АН СССР, 1939, с. X).

Сейчас, по прошествии сорока с лишним лет, мы можем сказать, что сводный текст выдержал испытание временем. Сравнение текста с первоисточниками (с вариантами, которые были известны в момент составления сводного текста, и вариантами, записанными после 1939 г.) говорит о том, что сводный текст объективен и в целом верно передает особенности народного эпоса. Широкие читательские круги знакомятся с эпосом по сводному тексту. (Последнее издание сводного текста на армянском языке вышло в свет стотысячным тиражом в 1981 г.)

Эпос все еще сказывается изустно, хотя время изустного бытования народного эпоса прошло. Целый ряд вариантов был записан в 60—70-х годах. Некоторые из вариантов, думается, не свободны от влияния сводного текста.

В 1938 г. параллельно с работой над сводным текстом велась работа по переводу «Давида Сасунского» на русский язык. Работали над переводом В. Державин, А. Кочетков, К. Липскеров, С. Шервинский.

Некоторые эпизоды из «Давида Сасунского» (по записям вариантов) были переведены на русский язык до 1939 г. Наиболее известен перевод Валерия Брюсова, опубликованный в антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней...» (М., 1916, с. 135—152). Перевод В. Брюсова был затем дополнен новым эпизодом в переводе М. Лозинского (см.: «Давид Сасунский». Пер. В. Брюсова и М. Лозинского, М., 1939).

В архиве С. Шервинского¹ сохранились материалы, по которым можно сейчас восстановить ход работы переводчиков над сводным текстом. Из записок С. Шервинского мы узнаем, по какому принципу распределялся между переводчиками текст оригинала. «Липскерову досталась с самого же начала пленившая его поэма о Санасаре и Багдасаре, — писал С. Шервинский, — Державин получил воинственные, мужественные повествования о Мгере Старшем, к которым присоединились и детство Давида, и вся часть «Бой Давида с Мсра-меликом». Кочетков со свойственной ему мягкостью и вместе с тем остротой, взял себе Давида-пастуха и всю последнюю часть, я получил части Давида и Хандут, смерть Давида и эпизод со сборщиками дани... Поэт не может не любить народного творчества. У нас была не только добрая воля, но и прямое восхищение доверенным нам материалом» (ЦГАЛИ).

Увлеченность работой была так велика, что порой русские переводчики вмешивались в работу составителей сводного текста, отставая наилучшие варианты. «Как мои товарищи-поэты, так и я, — писал С. Шервинский Иосифу Орбели, — с восхищением относились к заключительному эпизоду жизни Давида, — а именно к тому, что он гибнет от стрелы, пущенной маленькой девочкой, его незаконной дочерью. Нельзя изобрести более трогательного, неожиданного, да и глубокого конца для героя, которого не должна и не может сразить какая-нибудь сила, это сразу снизило бы его образ. Найдется ли еще в эпосе место такой высокой художественности, такого богатого творческого изобретения? Однако ереванская редакция... (речь идет о С. Карапетяне и Г. Абове. — Л. М.) покушается на этот замечательный эпизод, желая заменить его каким-то другим... Я же, как поэт и переводчик, просто взволнован возможностью утраты этого любимого моего эпизода. Вся надежда на Вас как на главного редактора.

Кроме того, — продолжал С. Шервинский, — в этом самом месте, пока что условно сохраняющемся, у девочки, убившей Давида, есть трудный эпитет... Я перевел, согласно с первоначальным подстрочником, словом «голубоглазая». Теперь проф. Абов требует, чтобы я заменил слово «голубоглазая» словом «зеленоглазая». А мне это очень не нравится — возникают какие-то уайльдовские ассоциации» (ЦГАЛИ).

В телеграмме, посланной С. В. Шервинскому в ответ на это письмо, И. А. Орбели сообщал: «В «Давиде Сасунском» причиной смерти Давида остается его голубоглазая дочка» (ЦГАЛИ). Так, благодаря вмешательству С. Шервинского, удалось сохранить и в сводном оригинале, и в русском переводе одно из замечательнейших мест эпоса.

По варианту, переведенному М. Лозинским, Давид погибает от руки Чымшкик-султан, которая предательски метнула в спину Давида раскаленный железный сошник («Давид Сасунский». Пер. В. Брюсова и М. Лозинского, с. 78).

Но именно эпизод, отстаиваемый С. Шервинским, наиболее соответ-

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ).

ствует духу всего эпоса, где неоднократно подчеркивается: «Моя червь — в теле моем. Мое семя убило меня!»

Уже в начале работы русским поэтам важно было условиться относительно языковых особенностей, нужных для передачи эпического произведения фольклора, решить, как будут переданы ритмика и рифмовка подлинника. Надо было также достигнуть единства стиля в работе, выполняемой четырьмя разными поэтами. Обсудив все эти вопросы, переводчики пришли к выводу, что необходимо выполнить перевод ясным, простым поэтическим языком, применяя «в известной мере образы и речения народной поэзии». Было решено максимально передать в переводе ритмический характер подлинника, не связывая себя, однако, механически-буквальной передачей каждого ритмического хода оригинала, считать как основу применение мужского окончания, пользуясь в известной пропорции окончаниями женскими и дактилическими, рифму соблюдать в том же процентном отношении, в каком она имеется в подлиннике, а в стихах твердых форм, встречающихся в эпосе, всецело соблюдать форму подлинника. И наконец, была признана необходимость совместного обсуждения, совместного редактирования выляемых частей перевода, чтобы добиться единообразия в стиле эпоса (ЦГАЛИ).

Таковы были положения, из которых обязались исходить четыре поэта в работе над переводом эпоса. Решения были найдены, в общем, верные.

Проблема народности языка «Давида Сасунского» столкнула переводчиков, как они сами свидетельствуют, с опасностью излишней русификации текста. Было ясно, что не следует русифицировать перевод, но также ясно было и то, что не следует чураться в переводе живого, выразительного русского слова. Но «где, — писал С. Шервинский, — проходит граница между народным выражением и таким оборотом или словом, которое уже отдает стилизацией и вносит специфический «русский дух?»» (ЦГАЛИ).

Переводчики стремились воспроизвести и особенности синтаксиса подлинника, пользуясь грамматическими построениями с порядком слов, свойственным устно-разговорной речи.

Следует сказать и о том, как был передан русскими поэтами стихотворный размер эпоса. В подлиннике преобладают ямбические стихи. Часто размер меняется, приближаясь иногда к прозе, иногда же — главным образом в песнях — ритм приобретает динамичность и «наполненность». Переводчики воспроизвели все эти особенности подлинника. При этом оказалось, что вопросы ритма нельзя решать механически: ямб всегда передавать чистым ямбом. Переводчики не раз проверяли на слух ритм подлинника и стремились в переводе к адекватному звучанию русского стиха. Они заметили, что звуковой состав армянского языка производит впечатление большей «тяжести», чем звуковой состав русского. «От этого, — писал С. Шервинский, — чистые ямбические строки по-русски, со свойственной русскому четырехстопному ямбу прозрачностью и легкостью, производили иногда впечатление пустот, и не раз бывало, что мы изменяли, казалось бы, удачную ямбическую строку, прибавляя ей лишний слог и этим компенсируя — ритмически — недостаток фонетический» (ЦГАЛИ).

В переводе почти всюду сохранены характерные для подлинника мужские окончания.

О том, как в свое время был воспринят читателем публикуемый русский перевод «Давида Сасунского», можно, в частности, судить по замечанию современного украинского поэта Ивана Драча: «Помню, в детстве мне попалась старая, порядком истрапанная книжка, без об-

ложки, без заголовка, зачитанная до дыр. Книга была на русском языке, только потом я узнал, что это перевод с армянского. Мощное сказочное дыхание «Давида Сасунского» поразило меня — это одна из моих любимых книг и поныне» («Литературная газета», 1969, 10 сентября).

Перевод «Давида Сасунского» имел несколько редакций. Варианты отдельных частей перевода, особенно той части, которая была выполнена С. Шервинским, сохранились в ЦГАЛИ. Интересный материал для сравнений и сопоставлений дает один из последних вариантов перевода, изданный полностью на правах рукописи в начале 1939 г., — «Давид Сасунский». На правах рукописи. Ереван, 1939. (По указанному изданию можно также установить, какие правки были внесены затем в текст эпоса составителями. Составители продолжали изучать списки эпоса и ввели в окончательный текст отдельные эпизоды, которых нет в рассматриваемом издании, уточнили имена некоторых героев.)

Перевод был выпущен в ограниченном количестве экземпляров «для предварительного знакомства членов юбилейных комитетов и литературных организаций». Во вводной заметке указывалось: «Перевод в целом не подвергался художественной редакции, поэтому не может быть использован для опубликования в прессе».

Этот вариант перевода рассматривался его авторами и издателями как черновой, как своего рода «лаборатория», хотя затем многое из этого издания вошло в беловой текст без каких-либо изменений.

Беловой текст перевода был издан в 1939 г. в издательстве «Художественная литература» (М.) и под редакцией академика Иосифа Орбели в Издательстве Академии наук СССР (М.—Л.). Хотя оба издания были осуществлены одновременно, тексты переводов (отдельные строчки) несколько отличаются. Кроме того, в издании «Художественной литературы» подглавки всех четырех ветвей эпоса имеют свои названия, чего нет в сводном тексте, но что было принято при издании вариантов в первых двух томах «Сасна Цнер».

Сличение перевода, изданного на правах рукописи, с названными изданиями 1939 г. показало, что текст «Художественной литературы» может рассматриваться как промежуточная редакция между «рукописным» вариантом и окончательным беловым текстом, вышедшим в свет, как и сводный текст оригинала, под редакцией Иосифа Орбели. Естественно поэтому, перевод эпоса печатается в настоящем издании по тексту, подготовленному в издании Академии наук СССР (с исправлением нескольких ошибок по тексту «Художественной литературы»). В тексте настоящего издания учтена также правка, которую внес В. Державин в свой перевод эпизода — бой Давида с Мсра-меликом, — опубликованного в «Библиотеке всемирной литературы» (Героический эпос народов СССР, т. II. Составление и примечания Арро Петросян, М., 1975, с. 395—427). В двух случаях правка В. Державина не могла быть учтена. Имена двух героев эпоса он дает в более приближенном к армянскому оригиналу звучании: вместо Ован-Горлан и Дехцун в новой редакции — Дзенов-Ован и Дехпун-Чух-Цам. Мы сохранили Горлан и Дехцун — формы, принятые для перевода эпоса в целом.

В Примечаниях объясняются оставленные без перевода армянские слова и термины, а также географические названия. Комментируются непонятные слова и выражения по ходу чтения эпоса, там, где они встречаются впервые.

Ветвь первая

САНАСАР И БАГДАСАР

Цовинар-хатун. Цовинар — от слова цов — море. Хатун — госпожа, государыня. «Имя Цовинар указывает на морское происхождение матери и, может быть, — замечает Е. М. Мелетинский, — на древнее представление о ней как о хозяйке воды (в грузинском эпосе мать Амзари — хозяйка леса)». См.: Е. М. Мелетинский, Происхождение герояческого эпоса, М., 1963, с. 237. См. также вступ. статью, с. 19. **Санассар и Багдасар** — чудесно рожденные близнецы, герои эпоса. См. о них вступ. статью, с. 14. **Кери Торос**, т. е. дядя (брать матери) Торос. См. о нем вступ. статью, с. 37. **Дехцун** (Дехцун-Цам) — герой эпоса, буквально: желтоволосая (рыжеволосая).

Рождение и детство близнецов. Халиф (арабск.) — наместник, заместитель; так назывались преемники Мухаммеда. В ряде стран мусульманского Востока — титул верховного правителя, объединившего в своих руках духовную и светскую власть. Здесь: правитель-иноверец, враждующий с христианской Арменией. **Царь армянский Гагик** — эпический персонаж. Некоторые армянские исследователи соотносили его с царем Васпуракана Гагиком (908—943). Васпуракансое царство — армянское феодальное государство в области Васпуракана (908—1021), занимало территорию в районе озера Ван. **Берд-Капотиц** (Капутя, Капуйт) — Голубая Крепость. Комментаторы эпоса полагают, что речь идет о крепости, которая находилась в Карской области возле Кахズвана. Эта же крепость называлась позднее Крепостью Хандут — по имени героя эпоса Хандут-хатун. **Красавица девушка светится так и т. д.** Красавица так хороша, что может соперничать с солнцем и луной. Ср. у Ов. Тлкуранци (поэт XIV—XV вв.): «Лик твой — солнце, и не мурено, Что тобою всё озарено» (Армянская средневековая лирика, Л., 1972, с. 249). Увидели диво мы, ... Сомненья нет: ты бы месяца три Без чувств на земле лежал. О женской красоте: красота лишает чувств и рассудка. Ср. у Наапета Кучака: «Художник взял свою кисть, чтобы нарисовать ее лицо. Дошел до бровей — ослаб и упал» (Н. Кучак, Сто и один айрен, Ереван, 1976, с. 241). **Все камни смите, просейте песок**, т. е. все разрушьте, обратите в прах. **Диван** — совет правителя. **Айастан** — Армения. Он прибыл в кругу своих поездок, т. е. сопровождающих свадебный поезд, участников церемонии и званных гостей. **Техтис** — село на южном берегу озера Ван. **Норагех** — буквально: Новое село; здесь, по мнению комментаторов, речь идет о долине и селе, расположенных недалеко от Техтиса. **Вознесенье** — религиозный праздник в честь «восшествия» Иисуса Христа на небо. **Гили** — местность близ озера Ван, известная храмом (Храм Гили), привлекавшим многих паломников. **Везир** — советник. **Тондыр** (тонир) — вырытая в земле колодцеобразная печь для выпечки хлеба, приготовления пищи. **Пич** — рожденный вне брака, прижитый неизвестно от кого, приблудыш. См. вступ. статью, с. 20. **Курси** — низкое сиденье, устанавливают зимой у тондыра. **Шам** — Дамаск, один из древнейших городов, в 661—750 гг. — столица халифата Омейядов. **Дэвы** — некогда божества, затем — злые духи. **Святой Карапет** — Иоанн Креститель. Предтеча, особо почитавшийся у армян; в языческой Армении Карапет — имя языческого божества. **Хурджин** — переметная сумка из домотканой шерсти или коврового материала. **Капище** — идоложертвенный алтарь.

Близнецы строят Сасун. *Ловитва* — охота. Царь Мушег — один из эпизодических героев эпоса. В приложении к варианту Тэмо Давтяна из Сасуна (записал в 1932 г. К. Мелик-Оганджанян) опубликован небольшой эпизод «Сказание о Мушеге», в котором говорится о том, что «Мушег был сыном Тороса, а Торос был тестем Давида...». В сказании повествуется о подвиге Мушега в сражении с персами. После победы

Мушег не вернулся в Сасун,
Пшел, поселился в Муше,—
Муш был так назван по имени Мушега.

(Сасна Црер, т. II, ч. 1, с. 196—197). Эмир — титул правителя, князя; лицо, носящее этот титул. *Маназкерт* — древняя армянская (урартская) крепость, а также город близ озера Ван. *Тевадорос* — герой эпоса. См. о нем вступ. статью, с. 45—47. *Стольник* — придворная должность, смотритель царского стола. *Джерид* — игра, а также метательное копье, дротик. Играющие всадники занимают позиции. Один из всадников подъезжает к противной стороне. Подъехав, поворачивает коня и скачет к своим, уносит, так сказать, огонь. В это время один из всадников противной стороны преследует «уносящего огонь», старается достать его джеридом. Преследующий, подъехав к противной стороне, сам становится «уносящим огонь», он поворачивает к своим, и теперь уже его, как «уносящим огонь», преследует всадник. Вот что значит «хватают друг у друга огонь» (см. примечания М. Абеляна и К. Мелик-Оганджаняна. — Сасна Црер, т. II, ч. 2, с. 848).

Санаасар на дне морском. *Меч-Молния*. Представление о молнии (удары молний) аллегорически воплощено в образе Меча, поражающего (испепеляющего) врагов. Впервые этот образ намечен в рассказе халифа о своем поражении: «Меч огненный меж ратей полыхал. Рубил мои рати...». *Ратный крест* — символ непобедимости сасунских богатырей. См. вступ. статью, с. 24. *Пыглер-труба* — труба, призывающая к бою, очевидно, имела форму рога. *Литр* (литра) — мера веса; реальное значение колеблется в разных странах и в различные эпохи. В XVII веке один ереванский литр равнялся 5 кг. *Локоть* — старинная мера длины: расстояние от локтевого сустава до запястья.

Борьба близнецов с халифом. *Намылишь голову* — там, обреешься — тут. Часто повторяющаяся формула, выражаяющая необходимость, сиюминутность действия. *Ахмак* — от слова ахмак, т. е. глупый, название горы, придуманное создателями эпоса. Чуть ниже эта же гора называется *Черной горой*. *Гяз* — мера длины, около аршина (0, 711 м). *Марэ* — просторечная форма обращения к матери и к пожилой женщине. Пусть придет, пусть пройдет под моим мечом! Повторяющаяся в тексте эпоса формула; пройти под мечом — значит признать свое поражение. *Мараткаджур* (Маратка джур) — речка, берущая начало на горе Марутак, течет перед Сасунской крепостью (отсюда другое название — Сасунская речка). Так называется также долина, по которой течет речка. *Цовасар* — одна из вершин Черной горы (Симгоры) в Сасуне. На вершине — небольшое озеро, отсюда и название вершины Цовасар: цов (море) + сар (гора). *Чапахджур* (Джападжур) — область западнее Тарона, расположена по обе стороны реки Арзаги, очевидно, река часто выходила из берегов, и поэтому местность была

названа джапах (разливаться) + джур (вода). Коде, полагает К. Мелик-Оганджанян, не есть название местности. Исследователи эпоса по ошибке записали Чападжур и Коде, полагая, что Коде, как и Чападжур, местность. Должно быть, Чападжура коде (готи) буквально «пояс» Чападжура, т. е. гряда, цепь горных вершин (Сасна Црер, т. II, ч. 2, с. 877, 958, примечания М. Абеляна и К. Мелик-Оганджаняна).

Письмо Дехци и ссора между близнецами. *Медный город* — сказочный город. Каджи — в армянском и грузинском фольклоре мифические существа, то они отождествляются со злыми духами, то это злые колдуны и волшебники, то добрые.

Близнецы в Медном городе. *Пахлеван* — богатырь, исполнин. Эй-вах (или ай-вах) — восклицание, выражавшее чувство сожаления. *Серебренник* — серебряная монета. *Вишап* — чудовище, рыба (или змея), божество, покровительствующее орошению, позже — дракон. Во многих районах Армении сохранились огромные каменные изображения вишапов в виде рыб. Вишапы-чудовища в армянских сказках и эпосе завладевают водными источниками, вынуждают людей приносить им в жертву девушек, эпические герои побеждают вишапов. *Золотое яблоко* — символ любви. Кому досталось яблоко, тому достанется и девушка. *Майдан* — площадь, ристалище, поле для состязаний. *Яхонт* — вообще драгоценный камень; старинное название рубина и сапфира.

Близнецы в Зеленом городе. *Зеленый город* — сказочный город. Эпитет «зеленый» выступает здесь в значении антонима, подчеркивая обреченность города, оставленного вишапом без воды. *Мамик* — бабушка, ласковое обращение к старой женщине.

Женитьба близнцов. *Верго* или Цран Верго, т. е. Пачкун Верго. См. о нем вступ. статью, с. 35. *Ован-Горлан* — в оригинале Дзенов Ован, т. е. голосистый Ован. *Мгер Старший* — см. о нем вступ. статью, с. 18. *Гусаны* — народные поэты-певцы.

Ветвь вторая

МГЕР СТАРШИЙ

Армаган — дочь Тевадороса. *Исмил-ханум* — героиня эпоса, жена Мсра-мелика.

Мгер-охотник. *Тул* — колчан, футляр для стрел. *Нанэ* — форма обращения к пожилой женщине. *Мелик* — здесь: владетель, царь Мсыра. В эпосе два Мсра-мелика: Старший (муж Исмил-ханум) и Младший (сын Мгера Старшего и Исмил-ханум). Основное действующее лицо эпоса — Мсра-мелик Младший. *Мсыр* — Египет, а также город, столица. Есть, однако, мнение, что «Мсыр, — в эпосе, несомненно, — Мосул» (город на реке Тигр), что «распространенное сопоставление Мсыра эпоса с Мисром (арабское название Египта) неосновательно, так как в эпосе дается прямое указание, что тела, сброшенные в реку в Сасуне, всплывают в Мсыре, что возможно в отношении Мосула и никак невозможно в применении к Египту» (см.: «Давид Сасунский», под редакцией и с предисловием академика И. Орбели. М.—Л., 1939, с. 381). Возра-

жение уязвимо, так как географические названия эпоса нельзя строго соотносить с реальной, научной географией, у эпоса — своя география, своя правда. *Битлис* (в древности Багеш) — город, расположенный недалеко (в 15 км) от юго-западного берега озера Ван. *Ишхан* — князь, владетель. *Горгик* — эпический персонаж. *Лао* — сынок, паренек. *Чепрак* — суконная, ковровая, меховая подстилка под конское седло, поверх потника.

Единоборство Мгера со львом. *Шам* — Дамаск (см. примеч. к Ветви первой). *Алеп* — город Алеппо, находится в 200 км от Дамаска. *Кана-хапуки*. Кана — верхнее длинное платье. Хапуки (хабуки) — кожа, т. е. платье из кожи, в некоторых вариантах из бархата (хадифе), а должно быть по М. Абеляну и К. Мелик-Оганджаняну, платье из войлока — капе наметин (Сасна Цер, т. II, ч. 2, с. 833).

Борьба Мгера с дэвом и женитьба на Армаган. *Карс* — город, один из центров средневековой Армении. *Хлат* (Ахлат) — средневековый город в Армении. *Яйла* — горное пастбище. *Хасбахча* — дворцовый, чудесный сад.

Мгер в Мсыре. *Лечак* — фата, прозрачное женское покрывало. *Варданет* — ученый монах, архимандрит. *И в память об отце Мсрамеликом нарекла его*. Должно быть: в память о муже. Очевидно, в подобных случаях принято было говорить: в память об отце. По-видимому, поздняя вставка.

Возвращение Мгера и рождение Давида. Мы сорок лет сочтем за сорок лун, т. е. за сорок месяцев. *И нарек монастырь в честь Высокой Марут*. Считалось, что Марута (Марут) «до сих пор неразъясненное постоянное прозвище богородицы». Можно предположить, однако, что это прозвище возникло от названия самой высокой вершины сасунских гор — Марута-лер. Здесь, на вершине, в средние века был построен в честь богородицы монастырь. По названию монастыря (монастырь Марута) стала называться и богородица, отсюда в эпосе устойчивое словосочетание: «О Всевышняя дева Марут». Возможно, Марута-лер была святынищем еще во времена язычества.

Ветвь третья

ДАВИД

Чымшикк-султан, Хандут-хатун — героини эпоса.

Давид в Мсыре. *Батмана-буга* — возможно, в этом образе отразились какие-то черты жестокого арабского полководца Буги, которого халиф Мутавакиль (847—861) послал в 852 г. в Армению для усмирения восставших сасунцев и хутинцев. *Дротик* — копье, пика. *Векил* — наместник, заместитель. *Дол Лера* — буквально: горная долина. *Эй, удалцы, Какан, Аслан!* Рифмующиеся имена создают в общем контексте некоторый комический эффект. См. ниже (в главе «Давид изгоняет сборщиков дани»):

Бадин, Козбадин, Судин, Чархадин
И все, кого дал мелик, и начальники их —
Все вышли в поход.

Возвращение Давида в Сасун. *Хор-Манук* — эпизодический герой эпоса. *Лазги шестиногий*. По мнению некоторых исследователей, Лазги происходит от слова лезгин и означает лезгинский конь; шестиногий, т. е. быстрый. *Джоджанц* — от слова джодж, т. е. большой. В данном случае указывает не только на физические данные представителей рода, но и на то, что этот род по своему старшинству, по своему положению является главенствующим. Часто Сасун называют Домом Джоджанца.

Давид-пастушок. *Бабок в карман ему насовал*. Бабка — кость надкопытного сустава ноги животных; употребляется для игры. *Одр* (одер) — старая, изнуренная рабочая скотина.

Давид-пастух. *Дашту-Падриал* — село в Сасуне. Богородицын день пришел. В сводном тексте, очевидно, имеется в виду праздник в честь рождения богородицы, матери Иисуса Христа, отмечавшийся в сентябре. *Ариса* — разваренная пшеница с мясом. *Саз* — музыкальный смычковый инструмент. *Сылганац* (Спханк), *Арук* (Аркик) — села в Сасуне. *Зурна* — музыкальный духовой инструмент. *Дал им уши проклятых дэзов* Давид. Здесь свидетельство того, что дэзы действительно убиты. *Чувал* — мешок, как правило, из домотканой шерсти.

Давид-охотник. *Чахмак* — так называется крючок, на который набрасывается тетива.

Давид истребляет Мсырский отряд. *Холбashi* — начальник отряда. *Горстью пепла посыпал голову он* — в знак траура. *Придел* — добавочный, обычно боковой алтарь в церкви. *Инок* — монах. *Служка* — слуга в монастыре.

Давид изгоняет сборщиков дани. *Меджлис* — собрание, совет. *Чортан* — буквально: сухой тан, т. е. выкипченное и высушенное пахтанье, то, что остается после сбивания масла из сливок.

Нашествие Мсра-мелика и победа Давида. *Парон* — господин. *Игит* — храбрец, удалец. *Шавар* — свирель. *Лерва-река* — буквально: горная река. *Котот-Мотот, Ануш-Котот, Вышик-Мыхо, Чинчха-Порик, и Хор-Манук, и Хор-Гусан, и Чор-Виран* — ироничные прозвища. *Отан* — в оригинале «ода», т. е. комната. *Аксамитовая кана* — бархатное платье (аксамит — узорный бархат). *Шишак* — металлический шлем с острием, заканчивающимся шишкой. *Кейлан* (Кайлан) — название породы лошадей. *Фаркен* — город Миаффарекин. *Диарбекир* — арабское название города Амид (Амида) в Междуречье. *Тамбур* — струнный музыкальный инструмент.

Давид и Хандут-хатун. Царь *Шапух* — возможно, это отголосок имени персидского царя Шапура (Шапура) II (309—379).

Драм — серебряная монета, драхма. *Гора Авак* — буквально: Старшая гора, т. е. среди других гор наиболее высокая. *Ей руки и ноги калам обводил*. Калам — тростниковое перо. Так характеризуется удивительная красота Хандут-хатун. *Чажван* — название местности. *Бандумаги* — название местности, а также река, впадающая в Ванское озеро. *Гориут* — село у озера Ван. *Рехан* — ароматическая съедобная травка. *Йонджа* — кормовая трава, разновидность люцерны. *Карас* — громадная глиняная посуда для хранения вина. *Эртык* (ердык) — окно в крыше, дымовое отверстие. *Пап-френк* — отголосок имени Папы римского. См. вступ. статью, с. 10. *Охан* и *Тохан* — вымышленные имена. *Ландбанд* — вымышленное название сказочной страны.

Давид и Мгер. *Гюрджистан* — Грузия. *Иерей* — священник.

Ветвь четвертая

МГЕР МЛАДШИЙ

Гоар-хатун — дочь царя Пачика, жена Мгера Младшего.

Мгер мстит за отца. *Овен* — баран; здесь в значении: отпрыск. *Звался он* — *Храм жертв, Матхаванк*. В оригинале игра слов: матхаванк — храм жертв и матнаванк — храм предательств. *Игумен* — настоятель монастыря. *Немруд* — гора, у подножия которой находится город Хлат. *Охай* — восклицание, выраждающее чувство удовлетворения.

Женитьба Мгера и его странствия. *Джаваир* — драгоценный камень. *Джезиру* — город на реке Джезиру-Шат в Междуречье.

Уход Мгера в скалу. *Ворон-утес*. В оригинале Аgravу-кар, от армянского слова: ворон. В одном из вариантов (сказитель Ован из Мока, записал и опубликовал в 1892 г. Гарегин Овсепян) объясняется название утеса:

(Мгер) встал, сел на коня, достиг Ванского поля,
Оглядел Ванское поле и видит
Ворона, а ворон тот говорящий.
Взял Мгер стрелу и лук,
Ударил, ранил ворона,
Ворон улетел, Мгер погнал коня, поскакал за ним.
Доехал до скалы и видит в скале углубление,
Видит, ворон скрылся в углублении...

(Сасна Црер, т. I, с. 243). На Ворон-утесе находится «Дверь Мгера», описанная Г. Срвандзяном (Сасна Црер, т. II, ч. 1, с. 5) и И. Орбели: «Километрах в 4 от Ванской цитадели я видел знаменитую дверь Мгера, которая так и называется «Мгери дур», — большую стелу, высеченную в скале, с клинообразной надписью, действительно напоминающую по форме и отделке дверь. Перед входом в пещеру имеется небольшая выемка в скале — это место, куда от нетерпения, прежде чем разверзлась дверь, ударил копытом конек Джалали. И вода, которая застаетается в этой ямке, — опять-таки от конька Джалали, и она обладает

чудесными свойствами исцеления. «Мгери дур» была священным объектом, предметом паломничества и предметом поклонения для людей, живущих даже очень далеко от Вана» (И. Орбели, Армянский героический эпос, Ереван, 1956, с. 58). *Востана-капан* — горное село у берега озера Ван, известное капаном — трудным горным проходом, тесниной. *В день Вардавара*. Вардавар (праздник роз) — так в Армении назывался праздник Преображения господня (явления Христа своим ученикам). Из утеса струится вода и т. д. В одном из вариантов (сказитель Рашио Джалоян из Шатаха, записали в 1972 г. С. Арутюнян и А. Саакян) уходит в скалу не Мгер, а Акоп. Соответственно Аgravу-кар (Ворон-утес) объясняется как Акопи-кар — утес Акопа. А вода, что капает из скалы, «это слезы из его (Мгера — Акопа) глаз» (Сасна Цер, т. III, с. 150).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

В книге использованы известные иллюстрации Ерванда Кочара, созданные им (бумага, гуашь) в 1936—1939 гг. Оригиналы хранятся в Государственной картинной галерее Армении (Ереван)

1. *Фронтиспис.* Памятник Давиду Сасунскому на Привокзальной площади Еревана. Скульптор Ерванд Кочар.
2. *Между с. 96 и 97.* Старец дает название крепости (Ветвь первая).
3. *На обороте.* Единоборство Мгера Старшего со львом (Ветвь вторая).
4. *Между с. 128 и 129.* Давид-пастушок (Ветвь третья).
5. *На обороте.* Давид изгоняет сборщиков дани (Ветвь третья).
6. *Между с. 192 и 193.* Давид и старец араб (Ветвь третья).
7. *На обороте.* Давид в поединке с Мсра-меликом (Ветвь третья).
8. *Между с. 224 и 225.* Давид и его конь (Ветвь третья).
9. *На обороте,* Уход Мгера в скалу (Ветвь четвертая).

СОДЕРЖАНИЕ

Геронко-патриотический эпос армянского народа. Вступительная статья Л. М. Мкртчяна 5

ДАВИД САСУНСКИЙ

АРМЯНСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

Ветвь первая

С А Н А С А Р И Б А Г Д А С А Р

Перевод К. А. Липскерова

Рождение и детство близнецов	58
Близнецы строят Сасун	77
Санасар на дне морском	90
Борьба близнецов с халифом	94
Письмо Дехцун иссора между близнецами	104
Близнецы в Медном городе	113
Близнецы в Зеленом городе	127
Женитьба близнецов	132

Ветвь вторая

М Г Е Р С Т А Р И Ш И Й

Перевод В. В. Державина

Мгер-охотник	140
Единоборство Мгера со львом	147
Борьба Мгера с дэвом и женитьба на Армаган	149
Мгер в Мсыре	156
Возвращение Мгера и рождение Давида	167

Ветвь третья

ДАВИД

Давид в Мсыре. <i>Перевод В. В. Державина</i>	172
Возвращение Давида в Сасун. <i>Перевод В. В. Державина (с начала и до слов «Я верю — на днях Давид-сирста вернется домой») и А. С. Кочеткова</i>	191
Давид-пастушок. <i>Перевод А. С. Кочеткова</i>	200
Давид-пастух. <i>Перевод А. С. Кочеткова</i>	210
Давид-охотник. <i>Перевод А. С. Кочеткова</i>	219
Давид строит храм Марута. <i>Перевод А. С. Кочеткова</i> . .	226
Давид истребляет Мсырский отряд. <i>Перевод А. С. Кочет- кова</i>	231
Давид изгоняет сборщиков даны. <i>Перевод С. В. Шервин- ского</i>	239
Нашествие Мсра-мелика и победа Давида. <i>Перевод В. В. Державина</i>	250
Давид и Хандуг-хатун. <i>Перевод С. В. Шервинского</i> . .	282
Давид и Мгер. <i>Перевод С. В. Шервинского</i>	310
Смерть Давида и Хандут-хатун. <i>Перевод С. В. Шервинского</i>	316

Ветвь четвертая

МГЕР МЛАДШИЙ

Перевод А. С. Кочеткова

Мгер мстит за отца	322
Женитьба Мгера и его странствия	330
Уход Мгера в скалу	338
Примечания	343
К иллюстрациям	357

ДАВИД САСУНСКИЙ

Армянский народный эпос

Л. О. «Советский писатель», 1982 г. 360 стр.

План выпуска 1983 г. № 404

Редактор *Л. С. Гейро*

Художник *И. С. Серов*

Худож. редактор *А. С. Орлов*

Техн. редактор *Г. В. Белькова*

Корректор *Е. Я. Лапинъ*

ИБ № 3490

Сдано в набор 5.07.82. Подписано к печати
5.11.82. М 33783. Формат 84×108^{1/32}. Бумага
тип. № 1. Литературная гарнитура. Высо-
кая печать. Усл. печ. л. 19,42. Уч.-изд.
л. 21,49. Тираж 25 000 экз. Заказ № 531.
Цена 2 руб. Издательство «Советский пи-
сатель». Ленинградское отделение. 191186,
Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Тру-
дового Красного Знамени Ленинградская
типография № 5 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 190000, Ленинград, центр, Крас-
ная ул., 1/3

